

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ESLI

10' 2012

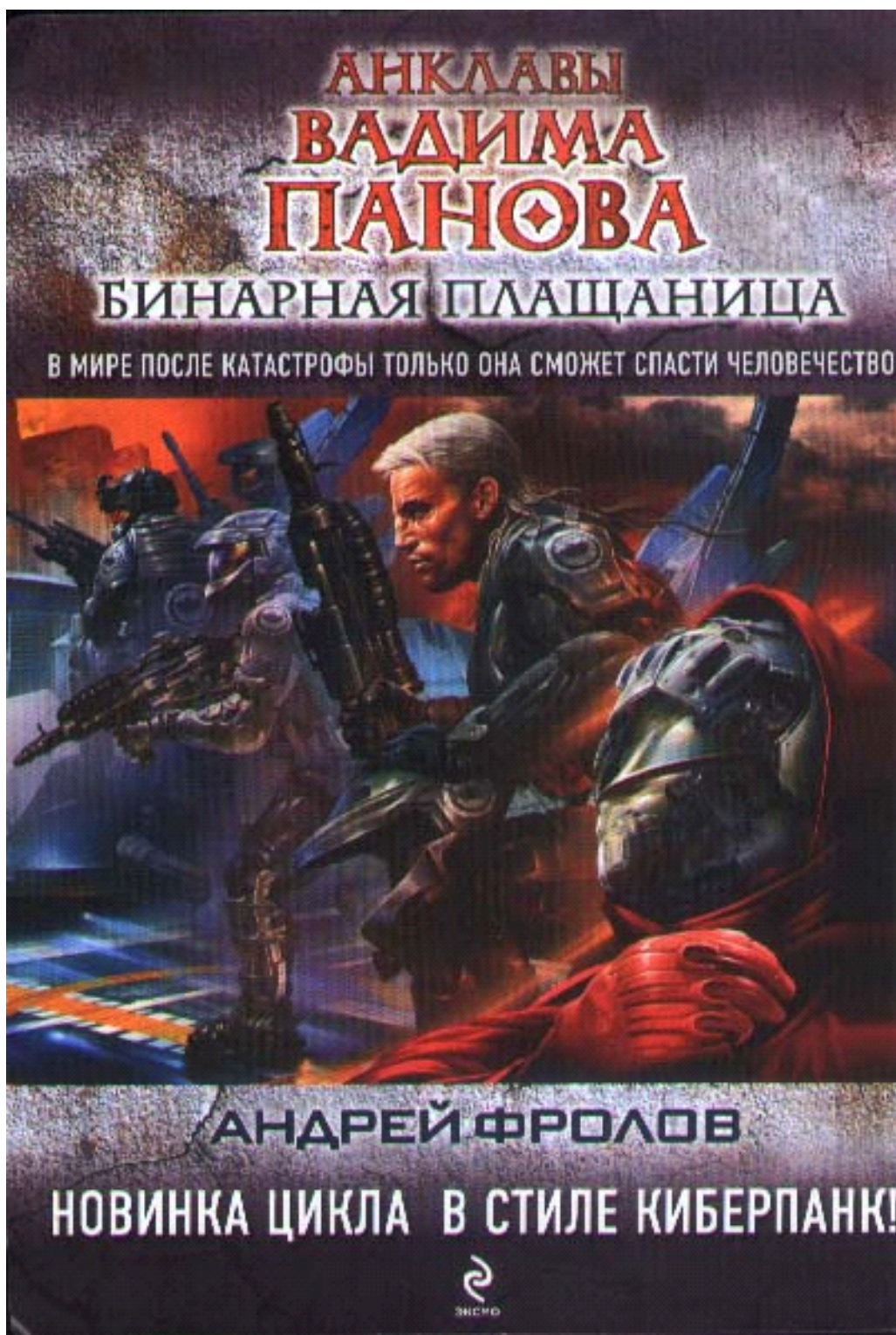
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**КИДЖ ДЖОНСОН
МОСТ ЧЕРЕЗ ТУМАН**

**ДЖОН ХЕМРИ
АЛИСТЕР РЕЙНОЛДС
ШОН МАКМАЛЛЕН
ФЕЛИСИТИ ШОЛДЕРС**

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ: ПОИГРАЕМ В КИНО

16+

АНКЛАВЫ

ВАДИМА
ПАНОВА

БИНАРНАЯ ПЛАЩАНИЦА

в мире после катастрофы только она сможет человечество

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

НОВИНКА ЦИКЛА В СТИЛЕ КИБЕРПАНК

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЕВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США),
Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак. 2789

Тираж 10800 экз.

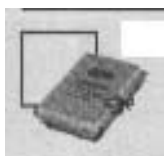
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©«ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 10 (236)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

93 Кидж ДЖОНСОН

МОСТ ЧЕРЕЗ ТУМАН

Через таинственную субстанцию, населенную загадочными существами, держат переправу Паромщики. Но скоро все изменится...

199 Джон ХЕМРИ

САБЛИ И СЁДЛА

Осенью 1870 года в канзасской прерии без следа исчезла кавалерийская рота капитана Улисса Бентона.

Стив Рэсник ТЕМ

ПОДЁНКА

Новое поколение выбирает...

25 Фелисити ШОЛДЕРС

АПОКАЛИПСИС КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Конечно, можно разрушать мир ежедневно. Вопрос, стоит ли этим заниматься?

45 Алистер РЕЙНОЛДС

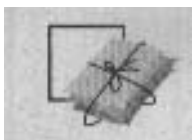
В «БУДОКАНЕ»

Рок-музыка, как неоднократно отмечали наши авторы, способна «зажечь» любое создание.

65 Антуан ЛАНКУ

ОХ УЖ ЭТА ДВЕРЬ!

Диктатура всегда остается таковой, даже если вызвана самыми благими намерениями.

165 Шон МАКМАЛЛЕН

ЭЛЕКТРИКА

Если бы не темпераментная жена сквайра, Англия получила бы искровой телеграф еще во времена Наполеоновских войн.

78 Дмитрий БАЙКАЛОВ

МАРС ПОЧТИ НЕ ВИДЕН...

...да и с пришельцами как-то неловко получилось.

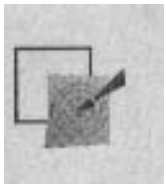
84 Сергей ЦВЕТКОВ

ЧТО НАМ СТОИТ МИР ПОСТРОИТЬ

Новая форма или новый жанр?

81 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Байопики о фантастах - явление редкое; и жаль, что они не всегда удачны... А может быть, апокалипсис - только начало?.. Как найти настоящего друга?

249 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ПОПАДАТЬ - ТАК ВМЕСТЕ!

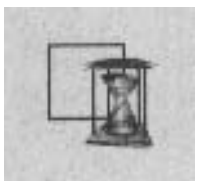
В литературных «турагентствах» подобные коллективные путешествия пользуются неизменной популярностью. Правда, у читателей, а не у путешественников.

254 РЕЦЕНЗИИ

Где вы, благодатные времена многоцветья? Рецензионный блок как зеркало ситуации на книжном рынке.

267 КУРСОР

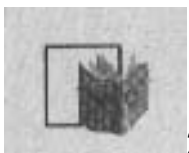
Ушел из жизни Гранд-мастер мировой фантастики, один из самых популярных авторов прошлого века...

259 Вл. ГАКОВ

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

В этом месяце поклонники жанра празднуют юбилей уникального писателя, чьи произведения стали победителями сразу в трех «номинациях» творческой мысли.

270 ПЕРСОНАЛИИ

То, что все авторы этого номера - иностранцы, не означает, что нас финансирует Госдеп.

СТИВ РЭСНИК ТЕМ

ПОДЁНКА

С Т И В Р Э С И И К Т Е М

ПОДЁНКА

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Как же неприятно о чем-то забыть.

Для деловых встреч существовали напоминалки - плавающие по стенам и потолку картинки и записки или даже назойливый голос, настойчиво долдонящий прямо в ухо (если захочешь, через каждые тридцать секунд). А в дни рождения и праздники включались рекордеры, и перед Даниэлем маячило с полдюжину ракусов сына, разворачивающего подарки.

Однако в те редкие моменты, которые изменяли мироощущение или определяли новые горизонты, записывающих устройств под рукой почти никогда не оказывалось, и приходилось полагаться лишь на ненадежную память.

Однажды они поехали на пляж. Несколько месяцев назад сыну исполнилось два года, и пляж был бутафорский, раскинувшийся у ненастоящего океана - те были либо слишком загажены, либо практически недоступны. Лекс^{*1} появился на свет в самый разгар последней из трех крупных азиатских пандемий, ужаса для родителей всего мира. Авиалинии толком так и не восстановились, и ни Даниэль, ни Триш даже не мечтали, что когда-нибудь снова отправятся в путешествие. Тем не менее песок казался вполне реальным, а чем бы ни была вода, она все же была мокрой - по-видимому, в своей большей части все-таки водой и накатывала на берег, как воде и положено.

Лекса веселило, как песок облепляет ему пальцы, но вскоре его не на шутку встревожили упрямо забивавшиеся под ногти и в каждую складку песчинки. Чем больше он шлепал по песку своими крохотными ручонками, тем сильнее тот налипал. Но малыш быстро привык, а потом ему и вовсе понравилось.

Еще больше сыну понравилось оставлять знаки: петли, завитушки и более или менее параллельные колеи, представлявшие ему преисполненными смысла - судя по тому серьезному выражению, которое он напускал на себя: словно это была некая интуитивная азбука или кустарная математика. Когда же какой-то безымянный служитель в замаскированной будке запустил прилив и знаки смыло, Лекс чуть не обезумел от горя.

За прошедшие годы Даниэль совсем позабыл об этом случае. Однако несколько дней назад, ознакомившись с отчетом о поведении потребителей и статьей о стремительном упадке американских пляжей, он вдруг вспомнил. Подробности слишком быстро растворяются в потоке времени, если им не уделять внимания.

Даниэль воспринимал мир как хранилище несметного числа подробностей. Когда-то их еще можно было ограничивать, фильтровать или игнорировать. А теперь количество информации приняло характер вселенского потопа, и некоторые

¹ * *Имя сына главного героя «говорящее»: Lex на латинском означает «закон». (Здесь и далее прим. перев.)*

крупные корпорации и даже кое-какие правительства полагались на его внимательность и платили за нее.

Под его пальцами поверхность стола-экрана превращалась в галлюциногенный массив вычислений, сообщений и развлечений, которые можно было перестроить одним движением или голосовой командой. Большинство текстов и изображений касались предварительно запрограммированных запросов; он мгновенно считывал результаты, а клиенты платили ему за проведенный анализ.

Хотя океан информации все еще называли Сетью, это уже стало неподходящей метафорой. Теперь электронный мир гораздо более напоминал плотную ткань. Информация поступала к Даниэлю базами и потоками, среди которых ему приходилось искусно лавировать, чтобы не утонуть в бесполезных данных. Он знал лучше других, каким изменчивым и опасным стал этот мир. Возможно, тот был таким всегда, однако теперь угрозы можно было довольно точно определить и досконально проанализировать. Тем не менее ему часто казалось, что современная жизнь превратилась в непрерывное бегство из горящего дома. А когда в отчаянии мчишься к дверям, разумно хватать лишь самое важное. Вот только трудно поступать разумно, когда живешь в самом пламени.

По поверхности стола пробежала мягкая рябь, и раздался шепоток: «Встреча с Эшером через пятнадцать минут». Даниэль хлопнул по столу, и на стенах его кабинета отобразились стеллажи со старыми книгами, за исключением участка над дверью, где в рамках были выставлены грампластинки 1960-1970-х годов - «Aqualung» Jethro Tull, «Rubber Soul» The Beatles, «Let It Bleed» The Rolling Stones, - и вертикального прямоугольника справа, где стоял «вещественный» книжный шкаф, наполовину заполненный материальной же коллекцией книг - каждое издание в защитном целлофановом пакете. В виртуальной коллекции на корешках новых поступлений мерцали золотые звездочки.

Взгляд Даниэля остановился на правом углу стола, где Лекс положил несколько новых рисунков, выполненных решительными мазками натурального красителя по дорожкам листов бумаги ручной работы. На верхнем рисунке была изображена обезьяна, скачущая по джунглям, - вытянутые, словно резиновые, руки-ноги раскинулись во весь лист. Художник добавил еще несколько лап. «Обезьяна-паук», - подумал Даниэль. Остальное пространство листа заполняли перекрученные стволы, гигантские листья и причудливо искаженные птицы. Рисунок был сделан в манере комиксов, однако цвета отличались дерзостью, а штрихи - вдохновенностью.

В архиве у него были сотни таких рисунков, хотя в нынешние времена детям дарят электронные планшеты, где изображения теоретически могли храниться

целую вечность. Триш хотела отсканировать и заархивировать рисунки Лекса, а от оригиналов избавиться - однако Даниэль так и не смог ничего выбросить. Поступить так хотя бы с одним рисунком означало, по его мнению, предать Лекса. Один за другим он выкладывал рисунки изображением вниз на мерцающую красную точку посередине своего стола, сканировал, сохранял с дублированием в памяти, а затем осторожно убирал в герметичную коробку под столом.

- Даниэль! - голос жены запорхал над столом, словно мотылек. - Даниэль, тут какой-то человек пришел. Сказать ему, что ты занят?

Даниэль раздвинул обеими руками виртуальное окно на столе. Он безошибочно узнал обвисшую засаленную седину Эшера, когда старик наклонился к дверному глазку. И вдруг осознал, как же Антонио Эшер похож на персонажа с обложки одного из альбомов в его коллекции - «Aqualung» Jethro Tull.

У Антонио Эшера Даниэль купил первое издание «Жизни на Миссисипи», как и несколько других раритетов Марка Твена. Триш избегала даже физического контакта со старыми книгами, но в шкафу у Даниэля еще оставалось немало свободного места.

- Это мистер Эшер. Впусти его, Триш.

- Я думала, ты всегда встречаешься с ним в Народной аллее.

- У меня не всегда есть время выбраться. Вот я его и пригласил. - Потом добавил: - Триш, он совершенно безобиден.

Она не ответила, однако Даниэль увидел, как парадная дверь отворилась, и «Акваланг» неуклюже прошел внутрь.

От него действительно немного пахло, однако не хуже, чем от некоторых приятелей Даниэля, пользовавшихся бальзамами из экзотических фруктов и овощей. Физиономия Эшера выглядела чистой: пожалуй, он с чрезмерным усердием отскреб ее перед встречей. На нем был один из некогда популярных одноразовых халатов, обычно раздававшихся перед концертами. На спине еще сохранилось выцветшее изображение с осыпающимися ртом и глазами, от остального же остались лишь разводы. Там и сям проглядывали несущие нити, укрепленные скотчем. На плече висела мягкая сумка с рисунком под испачканный асфальт.

Даниэль мельком подумал, что Эшер, вероятно, в жизни не видел ничего, подобного виртуальной библиотеке, и приготовился к комплиментам.

- Пустоват ваш кабинет, - объявил Эшер. - Не ожидал, поскольку держал вас за книголюба. - Даниэль опешил. - А у вас тут всего ничего. Стол да книжный шкафчик... довольно неплохие книги... кстати, кое-что узнаю, вы их купили у меня. Несколько замечательных старых пластинок и на стенах миленькое изображение

библиотеки. На мой вкус, не особо тянет на рабочее место. Я принес вам посмотреть пару книг. - Эшер без приглашения плюхнулся в кресло Даниэля и принялся копаться в сумке.

Даниэль подавил раздражение, припомнив, что и при встречах в Народной аллее Эшер не отличался особым тактом. Он вообще был грубоват и, похоже, с удовольствием шокировал потенциальных покупателей. Но Даниэлю почему-то очень хотелось понравиться этому человеку.

- Ограничение числа окружающих предметов помогает мне сосредоточиться. Я имею дело с огромными объемами электронных данных и не хочу, чтобы обстановка меня отвлекала.

- А почему бы она вас отвлекала?

- Потому что... да просто отвлекала бы. - Даниэль обвел рукой изображение библиотеки. - И это не декорация. Это настоящая библиотека, хотя и виртуальная. Я могу брать книги, открывать их и читать прямо на стене в любом увеличении, а могу перенести на стол. Я люблю печатные книги, но вы только посмотрите, какую я собрал библиотеку - и я могу добавить к ней почти все, что захочу.

Эшер уставился на стену своими слезящимися глазками.

- Я знаю - это вроде планшета, только гораздо больше, шикарнее и значительно дороже. Несколько лет назад продавщица из Аллеи подарила мне один из таких планшетов для школьников. Работает до сих пор: я читаю на нем то, что меня не особо интересует, но вряд ли это можно назвать книгой.

- Ну и как бы вы это назвали?

Эшер растерянно пожал плечами, словно уже потерял интерес к теме.

- Давайте я покажу вам, как оно работает. - Даниэль задрал подбородок и произнес: - Библиотека, Твен, «Жизнь на Миссисипи». - Полки быстро переместились, затем из середины выплыла книга, словно извлеченная незримым привидением. На корешке появилась надпись «Жизнь на Миссисипи. Марк Твен», и книга раскрылась на титульном листе. - Библиотека, максимальное увеличение. - Изображение раскрытой книги разрослось во всю стену, так что ее без труда можно было читать с другого конца комнаты. Даниэль взмахнул рукой, и страница перевернулась.

- Это какое-то обычное издание? - поинтересовался Эшер. - Не вижу в нем ничего особенного.

- Я могу вызвать какое угодно. - Даниэль уже не мог скрывать раздражение. - Библиотека, издание «Херитидж Пресс», 1940-е.

Изображение сменилось - теперь это была обложка из светло-зеленой ткани с рисунком речного парохода.

- Издание 1944 года, - заключил Эшер.

- Библиотека, внутренние иллюстрации, - продолжал Даниэль.

Страницы снова начали переворачиваться, показывая черно-белые и акварельные рисунки.

- Это Томас Гарт Бентон, - сообщил Эшер. - Только посмотрите, как текут рисунки: пароход, деревья, города на берегу, даже этот человек на палубе - все формы доносят ощущение воды... А можете вызвать первое издание?

- То, что вы мне продали?

- Нет, это уже фактически второе. самого первого у меня никогда не было. Покажите первое издание.

- Без проблем. Библиотека, первое издание. - На переплет из коричневой ткани было нанесено позолоченное изображение человека на кипе хлопка. - Хм... Выглядит, как и моя.

- Можно посмотреть 441 страницу? - Эшер пристально разглядывал изображение.

- Библиотека, страница 441, - приказал Даниэль. Появилась последняя страница книги. - Под текстом миниатюра. У меня ее вроде нет. Библиотека, увеличь миниатюру. - Украшение в конце текста увеличилось в тысячу раз.

- Это голова Марка Твена в пламени из погребальной урны, - пояснил Эшер. - Так и можно узнать первое издание. Его жена решила, что миниатюра отвратительна и безвкусна. Она настояла, чтобы ее убрали, и во втором заводе ее уже не было. Как в том экземпляре, что я вам продал. Вообще-то, очень даже выразительно... Как я понимаю, все это отсканировано с библиотечных коллекций?

- Да, и с частных тоже. Погодите-ка, есть еще кое-что. Библиотека, виды коллекций, циклом.

Появилось несколько рядов богато украшенных книжных шкафов на фоне витражного окна.

- Так эта штука может имитировать настоящие библиотеки, - произнес Эшер. - Вряд ли я узнаю эту.

- Это библиотека Мертон-Колледжа в Оксфорде. - Внезапно изображение сменилось комнатой с каменными стенами и немногочисленными книжными шкафами, но зато с канделябрами, гобеленами и выставочными витринами на красных узорчатых персидских коврах.

- О, в молодости я там побывал, - отозвался Эшер. - Главный читальный зал Библиотеки Джона Картера Брауна в Брауновском университете.

- Точно. Я могу вызвать около сотни частных и общественных библиотек как из настоящего, так и из прошлого. У меня даже есть несколько изготовленных на заказ

видов: один с полками, встроенными в стены гигантской спиральной лестницы. Выглядит потрясающе.

Букинист кивнул. Сияние от библиотеки освещало морщины, тики и родинки на его лице. Сколько же ему на самом деле лет? В эпоху, когда даже городская беднота умудрялась поддерживать презентабельный вид, Эшер казался более чем неуместным.

- Когда я преподавал, нечто подобное было бы, пожалуй, полезным, хотя бы только для того, чтобы показывать студентам, как некогда выглядела настоящая коллекция книг.

- Вы преподаватель?

- Двадцать лет. Культурология... «Что делает нас людьми», как это называли. Вы, наверное, не изучали «культуру» с живым учителем?

- Когда я начал, она уже была компьютеризованной.

- Вот уж действительно, что делает нас людьми...

- Я понимаю вас. Но та же технология дала нам все, что вы сейчас видите, - а это, я считаю, честь для печатных книг.

- Но ведь все это лишь свет, верно? Биты информации, представленные в узнаваемых образах. А книг больше нет - их убили, и все, что мы видим, лишь привидения...

- Ну, некоторые возразили бы, что книги просто приняли другой облик, а значение имеют только слова.

- Тогда назовите это собранием слов и рассматривайте как всего лишь информацию. Печатающие настоящие книги, мы оказывали словам честь, говоря тем самым, что вот перед нами культурные артефакты, требующие уважения, и им стоит уделить внимание... Вы очень добры ко мне, Даниэль. Но иногда я чувствую себя одной из более не издающихся книг, которую не удостоили такой вот чести оцифровки, - никто не знает, о чем я мог бы рассказать, и мало кого волнует, что я мог бы предложить. Никто не ведает, что я вообще существую. Но вы хороший друг.

Под конец Эшер торопливо распрощался, и когда Даниэль открыл дверь, так и бросился вон - и врезался в Лекса. От удара старик растянулся на полу, и содержимое его сумки рассыпалось по всему коридору.

- Ой-ой, простите, - Лекс побледнел от смущения. Он наклонился помочь Эшеру подняться, но едва коснувшись его одежды, тут же отдернул руку. Даниэль с гордостью увидел, что сын возобновил попытку и, поддерживая Эшера за плечо, в конце концов поставил на ноги.

Потом Лекс опустился на пол, чтобы подобрать разбросанные книги и бумаги.

Даниэль тоже помогал, и вместе они собрали пачку, судя по всему, эшеровских заметок, написанных от руки, как курица лапой, а еще старинные бумаги - рекламные проспекты, старое ресторанное меню, древние театральные билеты и пожелтевшее расписание поездов, пару старых книг и несколько старомодных ручек и карандашей. Даниэль любовался, как его сын обращается с каждым предметом - с осторожностью археолога, то и дело вытирая руки о штаны, словно пачкался об эти вещи.

Остался лишь целлофановый пакет с очень старой газетой. Пакет раскрылся, и на ковер высыпались крошечные кусочки коричневой от времени газетной бумаги. Леке стоял и тарасился на газету.

- Что это, папа? Что с этим случилось?

- Это самое последнее издание газеты, печатавшейся в нашем городе. Тридцатилетней давности, - объяснил Эшер. - Я забыл подарить ее вам, Даниэль. У меня их несколько десятков: подумал, вам, может, захочется иметь такую.

- О да, спасибо. Вообще-то я ничего подобного даже в руках не держал.

Эшер посмотрел на Лекса.

- Взгляни, сынок. В таком состоянии это уже не коллекционный экземпляр. До всех этих новостных сайтов люди узнавали большинство ежедневных новостей из газет. Со временем они сильно уступили телевидению, но окончательно их прикончили информационные сайты. С экономической точки зрения, в газетах уже не было смысла.

Однако Лекс не шелохнулся. Даниэль нагнулся и убрал отвалившиеся кусочки в пакет. Он взглянул на Эшера:

- Не думаю, что мой сын когда-либо видел газету. Я покажу ему потом, спасибо еще раз.

Некоторое время спустя после ухода Эшера Лекс зашел к отцу.

- Папа, откуда ты знаешь этого человека?

- Он букинист, работает в Народной аллее. Большую часть своей коллекции я приобрел у него.

- Ты проводишь там много времени. Я слышал, как мама говорила об этом.

- Да. Пожалуй, мне стоит как-нибудь взять тебя с собой. Думаю, аллея приведет тебя в восторг.

На лице Лекса отразилось сомнение.

- Ну, не знаю. Не хочу показаться грубым, но почему он такой грязный?

Даниэль рассмеялся.

- Да, ему стоило бы уделять больше внимания гигиене.

- Разве он не боится заразиться какой-нибудь жуткой болезнью? Все эти меры

предосторожности, о которых постоянно говорят... готов поспорить, он не предпринимает ни одной из них.

- Он из другого поколения, Лекс. Твое поколение и отчасти мое... мы об этом думаем почти постоянно. А вот парни его возраста... Порой они ведут себя так, словно мир ни капли не изменился. Особенно интеллектуалы: они могут так увлечься своими размышлениями, что совершенно забывают о физическом облике. Деньги они тратят на книги, а не на новую одежду или визит к парикмахеру. И я их понимаю: порой сам могу так увязнуть в своей работе, что...

- Ты никогда не забываешь принять ванну! И тщательно продезинфицироваться.

- Ну да. Но ты у меня появился как раз в то время, когда у многих родителей - у потрясающе огромного количества родителей - дети умирали.

Лекс вздрогнул,

- В школе некоторые ребята об этом даже шутят. Говорят: «Зато нам досталось больше» - что-то вроде этого. Но этот тип выглядит как старики, живущие под мостами.

- Думаю, у него есть дом, хотя я там никогда не был. Он коллекционер и очень старомоден. Чудак. На самом деле он весьма образован. Можно многое узнать, просто слушая его. Я возьму тебя в следующий раз. Мне кажется, что тебе понравится.

* * *

Несколько месяцев Даниэлю было не до чтения, как говаривала Триш - «книгоглядения». Беспорядочная серия финансовых кризисов при дефиците ресурсов означала новые возможности и новые риски для его клиентов. Сутки напролет он составлял иерархические таблицы срочных рекомендаций, недосыпая, теряя в весе и почти не видясь с семьей. Лекс время от времени посылал ему самые глупые анекдоты, какие только удавалось найти, или же скан какого-нибудь нового особенно замысловатого карандашного рисунка (прессованный стержень, руки не пачкаются, и красители гарантированно нетоксичны).

Беспокойство в этих рисунках бросалось в глаза. Даниэль пытался подбодрить Лекса шутливыми ответами, но рассеять тревогу не удавалось.

В свое время ради Лекса они переехали в центр. После пандемии всё, построенное там за века, разрушили до основания, вывезли мусор и прокалили грунт на глубину нескольких метров. Потом поднялись первые каркасы жилых и нежилых строений. Когда бригады планировщиков принялись заполнять каркасы,

это выглядело как гигантский детский конструктор с недостающими деталями. Даниэлю и Триш повезло получить одну из первых квартир в растущем жилом комплексе. Историю района отображал развлекательный вирт. Когда Лекс был маленьким, Триш и Даниэль брали его в этот район - пообедать в каких-нибудь забегаловках, оформленных под старомодные закусовые, пиццерии или этнические ресторанчики.

Однажды (Лексу тогда было семь лет) он заметил на перилах муху и несколько раз вставал, подходил и трогал насекомое, которое было твердым на ощупь и не шевелилось...

Когда у Даниэля выдался наконец свободный день, он уговорил упирившегося Лекса съездить в Народную аллею, пообещав показать районы, которых тот прежде не видел. Лексу вроде бы понравилась подвесная железная дорога, проходившая высоко над поясом малоэтажек и далее за границу городского центра, а затем вниз в Народную аллею. Здесь сберегалась подлинная история города, пусть и порезанная на кусочки и распакованная для удобства перепродажи.

Они прошли по бетонированной дорожке между рядами времянок из штампованных пластиковых панелей и пластиковой тары. У каждой лавки или магазинчика была своя специализация: устаревшая электроника, старые кухонные приборы, медицинское оборудование, видео (в существующих форматах и уже вышедших из употребления), антикварные кнопки и переключатели, не запиравшиеся более замки, не светившие лампы, бессмысленные указатели, архитектурные украшения и, конечно же, старые бумаги - странные плакаты, какие-то инструкции, научно-популярная литература и бесчисленная беллетристика давно забытых авторов. В одной из таких забитых под самый потолок лавок Даниэль как-то и познакомился с Антонио Эшером - искателем, торговцем и хранителем книг и прочей печатной продукции.

- Пап, откуда взялся весь этот хлам?

Даниэль огляделся по сторонам.

- Хороший вопрос... Из множества мест, я полагаю. Очень много чего из старого центра города. Ты даже представить не можешь, каким суетливым он был до того, как появились каркасы. Постоянно менялся: здания сносили, на их месте строили что-нибудь другое, новые дороги и тротуары появлялись чуть ли не за одну ночь. Все казалось недостроенным, не говоря уже о долговременности - людям приходилось переезжать каждые два года. Здания стояли в среднем не дольше шести-семи лет.

- Но это же безумие.

- Так происходило не из-за плохих материалов, а просто потому, что назначение

помещений постоянно менялось. Транспорт, жилье, магазины - все текло, все преобразовывалось. Некоторые здания устаревали уже к окончанию постройки. Каркасы постоянны, однако их наполнение изменчиво.

- Но все эти вещи - что это?

- Они оставались от старых построек каждый раз, как те сносились. Вещи, которыми пользовались люди, и части самих зданий. Представь: все, что ты видишь, разобрано и вывезено. А взамен сооружено что-то новое. Мне кажется, если сккупить достаточное количество этих осколков, то можно воссоздать былое время.

Лекс рассмеялся.

- Странное оно, папа.

- Да, очень странное.

Лекс шел мимо лавок, не проявляя особого интереса к выставленным товарам, но почему-то пришел в восторг от магазинчика, специализировавшегося на столовых приборах, - там были представлены тысячи различных стилей и образцов. Он знал, что это такое, и у него даже был личный набор, которым он, как и многие его сверстники, пользовался редко. Даниэля позабавил вид сына, внимательно изучавшего антикварные ножи, ложки и вилки и при этом поглощавшего еду из картонки с кричащей надписью «Нетронутое руками» и встроенным устройством подачи порций, размер которых Лекс задал на сенсорной панели.

- Может, сделаю арт-объект, - объяснил он, покидая лавку с увесистым, металлически позвякивавшим пакетом.

Даниэль без труда нашел лавку № 764, однако теперь ее занимал торговец старинными часами.

- Я не видел старика Антонио вот уже несколько недель. Он освободил место, а я был следующим в списке. Слышал, дома у него не все гладко. Он ушел отсюда, но несколько покупателей все еще должны ему. Вы случайно не из них?

Даниэль немного подумал.

- Меня интересуют кое-какие его газеты. - Полуправда, но ведь не полная ложь.

- Тогда все в порядке. Он оставил карточку с адресом... деньги ему быгодились. Он всегда больше тратил на старые книги и бумаги, чем на одежду и еду.

К удивлению Даниэля, название улицы оказалось незнакомым, хотя, судя по коду района, располагалась она неподалеку от его квартала.

В разрастающемся городе по причине конфликтов между муниципалитетами или несовпадения интересов застройщиков, а то и благодаря ошибкам

проектировщиков оставались пустоты, размытые границы и запутанное районирование. Порой даже образовывались ничейные земли между границами соседних участков, и там существовали бесхозные постройки, не предусмотренные никакими планами. Поэтому Даниэль ничуть не удивился, узнав, что Антонио умудрился превратить одно из таких строений в свое жилище.

Попытка отыскать дом Антонио Эшера с помощью электронных ресурсов Даниэля ничего не дала. В центре города не существовало никакой Грин-стрит, не говоря уже о доме под номером 382, хотя сотню с лишним лет назад она действительно была. Оставалось искать дом прямо на месте. И Даниэль был удивлен и обрадован, когда Лекс захотел пойти с ним. Они распечатали старинную схему города, на которой еще была обозначена Грин-стрит, и, наложив на нее новейшую карту, Лекс, как мог, отобразил нынешнее расположение зданий. Все утро они блуждали по району, перелезая через ограды, протискиваясь в узкие проходы между домами, раздвигая кусты в поисках старых вывесок, - и при этом регулярно рассыпались в извинениях, когда к ним приставали раздраженные владельцы или охранники, которых они гипнотизировали мифическим школьным проектом Лекса по истории, так что те даже отвечали на их расспросы.

Наконец, всего лишь в нескольких кварталах от самого центра они обнаружили приподнятый на пару метров прямоугольный участок, обнесенный оградой с надписями «Собственность Управления очистных сооружений». В неогороженном углу возвышения стоял небольшой двухэтажный дом из кирпича и бетона, в викторианском стиле, щеголявший позеленевшей от времени латунной табличкой с бессмысленными пятнадцатисантиметровыми цифрами «382». Указателя «Грин-стрит» уже не было. Да и самой улицы не оказалось - лишь заброшенная тропинка через сорняки и кучи глины.

Крыльцо было прилажено к дому как будто не вплотную. Задняя стена отклонялась от вертикали, да еще карниз крыши был необычно широким и неровным, так что взгляд на здание снизу даже вызывал дурноту.

Леке побежал к крыльцу. Даниэль рассмеялся. Но Лекс вдруг остановился на ступеньках.

- Что-то не так? - спросил Даниэль.

- Не думаю, что здесь кто-нибудь живет! Смотри, все крыльцо заставлено большими комнатными растениями. Да их тут целый лес - словно мертвые джунгли. И шторы везде опущены, кроме вот этого окна... оно вроде заколочено изнутри.

Даниэль поднялся на крыльцо.

- Все в порядке, Лекс. Кажется, эти растения засохли не так давно. Видишь, кое-где еще осталась зелень... может, он всего лишь забыл полить их.

- Почему же он не занес их внутрь?

Даниэль подумал.

- Возможно, там для них нет места.

- Пап, а что если мы найдем там мертвеца?

- Надеюсь, что нет. Давай-ка пройдем вдоль стены. - Через пару метров Даниэль протянул руку: - Слушай, я не думаю, что это окно заколочено. Это наверняка задняя стенка книжного шкафа. И видишь, как все другие шторы выпирают изнутри? Думаю, это из-за того, что подоконники заставлены, вот шторы и прижаты к окнам. Возможно, Антонио не хочет, чтобы к нему заглядывали в окна, но он не смог бы подобраться к шторам и поднять их, даже если бы захотел. Давай постучим.

Лекс без особого энтузиазма последовал за ним, держась подальше от засохших растений и поднимая руки, чтобы случайно чего-нибудь не коснуться. Даниэль пожалел сына и протянул ему пару полиэтиленовых перчаток.

- Надень, а я быстренько проверю эти растения.

- Папа, не прикасайся к ним.

- И не думаю. Просто посмотрю. - Даниэль подошел к миниатюрному лесу осыпающихся стеблей и увядших листьев и склонился, чтобы получше рассмотреть. - Не вижу никаких пятен, дефектов, вообще ничего подозрительного. Наверняка он просто перестал поливать их... и, кажется, горшки для некоторых уже маловаты. - Он оглянулся на сына, все еще жавшегося к перилам: - Знаешь, заболевания растений, которые передаются людям, очень редки. Не помню даже, когда я в последний раз встречал сообщение об этом...

- Редкие не означает, что их не существует вовсе.

- Ладно, не буду с тобой спорить. - Даниэль подошел к Лексу и положил руку ему на плечо. - Ты захватил дыхательную маску? - Лекс кивнул. - Тогда повесь ее на шею на случай, если почувствуешь, что ею нужно воспользоваться, когда мы будем внутри.

- А это не будет выглядеть невежливо?

- Я бы не стал об этом беспокоиться. Антонио и сам иногда не слишком учтив.

Даниэль быстро и громко постучал, чувствуя, как дверь шатается в косяке. Через некоторое время она приоткрылась, и над цепочкой появился красноватый глаз.

- Антонио, ничего, что мы пришли? Мы побывали в Аллее, и, насколько я понял, у вас там больше нет магазина.

Покрасневший глаз моргнул, из-за двери раздался слабый голосок Антонио:

- Даниэль? В данный момент мой дом... хм... не совсем готов к приему гостей.

Даниэль изобразил успокаивающую улыбку.

- Ну, мы на такие вещи не очень-то обращаем внимание. - Он ощутил беспокойство Лекса. - Мы вовсе не собираемся надолго задерживаться, а найти ваш дом было не так-то просто.

Глаз исчез. Даниэль взглянул на сына, вид которого был все таким же несчастным. Из-за двери послышалось шуршание, однако Антонио голоса не подавал. Затем звякнула цепочка, и дверь распахнулась.

- Прошу прощения за обстановку: у меня, знаете ли, не бывает гостей. - На Антонио был потрепанный, не по размеру большой халат, из-под которого виднелись старенькие кальсоны - во всем этом он выглядел сгорбленным и сморщенным. Лицо его было красным, а борода покрыта какой-то коркой. Даниэлю еще не доводилось видеть его в таком отвратительном виде. - Но поскольку путь ваш был нелегок, я не могу просто так дать вам от ворот поворот.

- Антонио, что случилось с вашим бизнесом?

Антонио принялся неловко надевать очки. Когда ему это наконец удалось и он увидел Лекса, вид у него стал и вовсе испуганным и немного смущенным.

- У меня обострение артрита... я совсем сдал. Выбираться в Аллею мне больше не по силам, не говоря уже о лавке. С ней покончено. Пришлось распродать все по дешевке... Я годами откладывал замену суставов: здесь обо мне некому заботиться, и меня держали бы в больнице. А потом я постарел настолько, что бесплатная операция мне уже не положена: я пропустил крайний срок.

- Но ведь по таким операциям существуют программы для престарелых.

- Они захотят осмотреть мое жилище, Даниэль. - Он нервно взглянул на Лекса. - Ясное дело, я не могу этого позволить. Обстановка у меня... хм... нарушает кое-какие правила. - Антонио внезапно развернулся и чопорно двинулся по захламленному полу. - Позвольте предложить вам стулья. - Под его ногами зашуршал мусор - затоптанная мешанина газет, проспектов, писем и обрывков упаковочной бумаги. Лекс нервно теребил дыхательную маску, однако все еще не надевал ее. «Храбрый парень», - подумал Даниэль.

- Пап, ты хоть огляделся тут?

- Ну... - Даниэль всмотрелся в сумрак дома. Несколько лампочек в паре люстр не рассеивали тьму - скорее, ласково озаряли плотные клубы пыли, которая вряд ли когда-нибудь оседала. Они стояли в прихожей площадью с квадратный метр, пол которой был плотно завален бумажным мусором. Однако вдоль стен все же проглядывал великолепный мраморный пол. Прямо перед ними поднималась лестница на второй этаж. Примерно две трети каждой ступеньки были заставлены стопками книг и старых журналов высотой в полметра. Кое-где произошли небольшие обвалы, полностью скрывшие под собой ступеньки. Грязные отпечатки

ботинок свидетельствовали, что Антонио все еще пользовался этой лестницей.

Широкий дверной проем справа вел, судя по всему, в бывшую столовую, если Даниэль правильно угадал, что деревянная платформа, уставленная бесчисленными коробками с книгами (да и под собой таившая такое же количество коробок), была старым обеденным столом. Сумрак не позволял разглядеть прочую обстановку за исключением ярко-желтого пятна - скорее всего, участка оконной шторы, освещенного снаружи. Смутно различимые угловатые силуэты возвышались до потолка, и вся комната была совершенно непроходимой.

Просторное помещение слева от входа, принимая во внимание изящную деревянную отделку и украшенный цветами, херувимами и птицами потолок, в свое время могло быть гостиной. Теперь комната была полностью заставлена штабелями коробок в добрых два метра высотой. Кое-какие из нижних коробок частично развалились, хранившиеся в них старые книги в твердых переплетах выгнулись. Этим нагромождениям, по-видимому, должны были придавать устойчивость системы веревок и эластичных шнуров, привязанных к крюкам в оконных рамах, на потолке и в полу - все это напоминало груз, закрепленный на палубе океанского корабля.

Между штабелями извивались узкие проходы, через которые человек комплекции Антонио мог протиснуться лишь боком. Кое-где громоздились невероятные кипы коричневатых осыпающихся газет. Должно быть, те, что лежат сверху, прочесть еще можно, однако все нижние наверняка искрошились, привнеся вклад в и без того густую пыль.

Кое-где коробки, невзирая на угрозу шаткому равновесию, вытащили - по-видимому, для изучения или демонстрации отдельных экземпляров. Наиболее популярные книги были выложены везде, куда падал взгляд, но по крайней мере с пола их подбирали. Там и сям были разбросаны архивные коробочки из прозрачного пластика, предназначенные, без сомнения, для наиболее ценных малоформатных изданий.

Даже со всем своим опытом анализа ошеломляющих потоков информации Даниэль поначалу не заметил книжных шкафов - возможно, потому что изначально ожидал увидеть книги именно в них. Но в каждой комнате вдоль стен стояли шкафы от пола до потолка, столь скудно освещенные, пыльные и заставленные прочими нагромождениями, что скорее напоминали выцветшие обои с рисунком под библиотеку, нежели нечто трехмерное. В свободных же местах над дверьми были развешаны небольшие самодельные полки из планок и проволоки. А в одном углу с потолка свисала настоящая сеть, набитая книгами, которые так и норовили вывалиться.

- Папа, думаю, мне лучше выйти, - глухо произнес Лекс.

- Понимаю. - Даниэль обернулся: Лекс все-таки надел дыхательную маску. Он выглядел словно перепуганный хирург. - По крайней мере отбросов не видно. Я чувствую запах старых книг, газет, наверное, заплесневевшей бумаги, но гнилью не воняет.

- Па...

- Знаю, знаю. Во всем этом тоже мало хорошего. Ты ведь знаешь, как отсюда выбраться? Где-то через квартал железнодорожная станция, а чуть подальше проходит ветка движущегося тротуара.

Лекс кивнул, пожалуй, чересчур энергично.

- Папа, лучше пойдем со мной. Здесь вредно. - Лекс уже взялся за дверную ручку, и Даниэль понял, что ждать он не будет, что бы там ни решил его беспечный папаша.

Наконец, шаркая по бумаге, в комнате появился запыхавшийся Антонио с тремя побитыми складными металлическими стульями.

- Простите, что заставил вас ждать. Давненько мне не требовалось здесь больше одного стула. Лекс, ты уже уходишь?

- У него проблемы из-за пыли, Антонио.

- Ох-ох, конечно же! Это вредно и мне: не следовало бы дышать всей этой бумагой. К ней можно привыкнуть, но, ей-богу, она убивает. - Старик сразу же перепугался произнесенным словам. - То есть я хочу сказать, если бы вы вдыхали ее продолжительное время, то она могла бы прикончить вас.

Прежде Даниэль такой словоохотливости и застенчивости за Антонио не замечал. Он даже немного смутился.

- О да, мы понимаем. Лекс хотел бы остаться, но ему действительно лучше уйти.

- Папа, тебе тоже надо...

Даниэль замялся.

- Я недолго. И я надену маску.

- Ну конечно! - потрясенно воскликнул Антонио. - Действительно, наденьте. Я бы тоже надел, но я дышал этим уже так долго, что... хм... хуже, чем есть, мне уже вряд ли будет. Может, у меня даже иммунитет.

Лекс по-прежнему ждал, все еще держась за дверную ручку. Антонио подбежал и схватил одну из прозрачных коробок с малоформатными печатными материалами.

- Знаешь, что у меня здесь, Лекс? Подёнка. Так мы это называли. Весьма интересная разновидность печати, правда. Это бумажные вещички, которые предназначались для относительно краткосрочного использования. Их не предполагалось хранить, тем более коллекционировать. Люди считали их мусором.

Я полагаю, такие вещи сегодня полностью заменены электроникой, а? Билеты, реклама, меню?

Лекс, поколебавшись, кивнул.

- Наверное, так.

- Точно. Но знаешь что? На самом деле эти вещи представляют огромный интерес. Если ты захочешь узнать, как люди жили на самом деле - я имею в виду их быт, будни, - тебе не стоит изучать книги по истории или то, что они писали в надежде оставить на века... в смысле, их официальные записи. Нет, ты посмотри на информационный обмен: заметки, письма, криминальную хронику, рекламу, спортивные и культурные репортажи и даже меню. Только так и можно узнать, как они жили. По их подёнке.

И он выжидающе умолк.

- Я понимаю. Что ж, спасибо, мистер Эшер. Это и вправду интересно. - Лекс развернулся к двери.

- Нет, постой, я хочу подарить это тебе или же положу в сумку, чтобы отдать твоему отцу, и ты посмотришь потом. Видишь: в коробку я положил школьную подёнку - табели успеваемости, школьные объявления, стенгазеты, учительские планы уроков, контрольную по истории, даже школьное обеденное меню. И ты сможешь понять, чем была школа для учеников в другой эпохе.

Лекс смущенно произнес:

- Спасибо, мистер Эшер. Вы очень добры. С удовольствием посмотрю потом, хорошо? До встречи. - И мальчик вышел.

Надевая полиэтиленовые перчатки, Даниэль не думал, что останется надолго. Однако прошло уже несколько часов, а он все не мог заставить себя уйти. Никогда прежде он не видел Антонио столь возбужденным: тот переходил от одной коробки с книгами или журналами к другой, вытаскивал отдельные издания, лепетал об их исключительности и особых качествах, клал куда попало и переходил к следующим. Ничто не возвращалось на свое изначальное место.

Здесь, в его доме, все высокомерие Антонио начисто исчезло. Он мямлил, неловко возился с книгами и беспрестанно извинялся.

Он то и дело открывал книгу, описывал ее в нескольких словах и затем пихал Даниэлю в руки в облаке поднятой пыли и разлетающихся страниц. Закашлявшись, Даниэль поспешно натянул маску.

- Где-то у меня в доме завалялась книга, которую я искал несколько лет. Первое издание «Там, где чудовища живут»^{*2}, очень хорошее состояние по меньшей мере,

² * Популярная на Западе сказка американского детского писателя и иллюстратора Мориса Сендака.

а может, и отличное - надо найти ее, чтобы сказать наверняка. Вам она знакома?

- Конечно же, я читал ее в детстве, и она была одной из самых любимых книжек Лекса.

- Классика. Прекрасно иллюстрированная. Ее первое издание - одна из самых дорогих детских книг, которые только можно найти, десятки тысяч долларов, правда, в очень хорошем состоянии.

- Такие вещи, мне кажется, вы храните в специальном месте.

- Так и было! Она была плотно завернута в оберточную бумагу, и я положил ее на коробку прямо вон там, где всегда мог ее увидеть. Я стараюсь класть по-настоящему важные вещи поверх чего-нибудь другого - так я всегда буду знать, где они. Когда такие вещи хранятся сверху, они как бы физически расширяют мою память, вот только не приходят на ум, когда надо,

- Что же с ней случилось?

- У меня произошел небольшой... хм... я называю это «книгообвал». - Он подмигнул. - Он начался на втором этаже. Что-то сместилось или упало, уж не знаю, произошло нечто вроде лавины, и вся эта стена книг, коробок и прочего обрушилась с лестницы, как будто прорвало весь второй этаж. Книги падали и разлетались повсюду, а из-за разрозненных газет и журналов этот поток шуршал, словно огромная масса песка. Сначала завалило здесь, а потом перенеслось и в другие комнаты, полностью разрушив систематизацию. И вот мое первое издание Сендака оказалось похороненным или унесенным, даже не знаю. Это произошло лет шесть назад, и с тех пор он мне не попадался. Такая досада: если бы я продал эту книгу, то разрешил бы большинство своих проблем. У меня здесь масса изданий, за которые можно получить хорошие деньги. Мне их надо всего лишь отыскать, а потом найти того, кто их купит. Ну, слышали, как говорят: порой не знаешь, что у тебя есть, а порой знаешь, что есть, но не можешь найти.

- А если это случится снова?

- Э, не думаю. Крыша протекла, и некоторые коробки размякли. После того я забирался туда пару раз, затянул потолок полиэтиленом и оттащил коробки с сырого места на полу. Да, там много чего нужно сделать, но я не могу, слишком много всего под ногами. У меня наверху две комнаты, Даниэль, которые больше мне не принадлежат, мне туда даже не зайти. Но в случае протечки я все же сумею до нее добраться и что-то сделать.

- Пожалуй, вам не мешало бы сделать ремонт.

- Хотелось бы, но не думаю, что кто-нибудь, кроме меня, сможет туда забраться, не обвалив груды книг. Там надо поставить одну ногу на свободное место, затем опереться на перила, шагнуть через несколько ступенек и опять ухватиться за

перила, чтобы подтянуться повыше.

- Антонио, - Даниэль умолк, подбирая нужные слова, - вы же знаете, что вам не следует этого делать.

- Эх, да, я знаю. Но ведь с ремонтниками нынче требуется столько разрешений, проверок, задают столько вопросов, и всегда необходима проверка регистрационных записей.

- Мне интересно, как вам удалось сохранить здесь этот дом, рядом с каркасами и прочим. Одни налоги чего стоят.

- Ах, Даниэль, боюсь, что я их не плачу.

Даниэль открыл одну из книг, лежавших у него на коленях. Это оказалась работа по паровой тяге, с рядом предположений относительно возможного ее применения в будущем. Иллюстрации были великолепны.

- Не понимаю, как вам это удалось, - сказал он, не поднимая глаз.

- Сейчас объясню, - ответил Антонио. - Поначалу я хотел всего лишь как бы отсрочить оплату счетов за отопление. Уют мне здесь не так уж необходим, но важно, чтобы трубы не замерзали - потоп обернулся бы сущей катастрофой, - и надо поддерживать в доме достаточное тепло, чтобы не приходилось растапливать камин, которые тоже весьма опасны.

- Я бы вообще остерегался здесь любого огня. Вы наверняка нарушаете все противопожарные требования.

- Я знаю, Даниэль, знаю... У меня все просто... хм... совершенно запущено. Так вот, я намеревался сделать перерыв с оплатой отопления всего лишь на несколько месяцев. Чтобы это проверить, нашелся один парень, Стивен, и никакой платы с меня не взял. Он тогда ошивался в Аллее и был настоящим компьютерным гением. Когда я потом встретился с ним, он сказал, что пришлось «изъять мой дом из записей». Я и вправду не знал, что это означает. Он объяснил, что переправил назначение здания с жилого дома на городское коммунальное сооружение. Дескать, таких строений по городу сотни. И что больше не придет ни одного счета - все будет оплачивать город.

- А если бы кто-то из муниципальных органов пришел проверить свою собственность?

- Да, поначалу здесь появлялись какие-то рабочие на грузовиках. Наверное, дом значился как какой-нибудь склад. Я объяснял, что это часть библиотечной системы. Они уезжали. Пару раз даже выражали сочувствие, что у меня тут не убираются. А я отвечал, что если библиотекам еще сильнее урежут бюджет, то для обогрева зданий мы будем жечь книги. И один парень сказал, что особой потери от этого не будет: мир и так уже весь цифровой. И я, как низкий предатель, согласился с ним!

Мы все невесело посмеялись. Но потом за все годы больше никто так и не появился. А когда я решил, что смогу хоть что-то оплачивать, Стивен исчез... Я не знал, что делать. Я не мог просто пойти и сдать: они бы все отняли, все мои книги. Вот я и жду, что однажды ко мне постучат. Жду, что меня арестуют.

- А тем временем никаких счетов ни за электричество, ни за газ, ни за воду?

- Ни за канализацию, ни налогов за собственность, вообще ничего. Я живу здесь совершенно задарма... Наверное, я преступник, да?

Даниэль подумал и покачал головой.

- Не мне судить. Я понимаю, как это произошло. Вы всего лишь хотели сохранить свой дом. И свои книги.

- Даниэль, если я лишусь этого, от меня ничего не останется.

- Может, вам следует подарить все это библиотечной системе, частью которой вы притворялись. Или какому-нибудь музею. И вы смогли бы навещать свою коллекцию... словно вы сдали ее на хранение.

- Да они и так забиты: у них в подвалах тонны того же, что и у меня. Помещений нет, да и на то, что есть, никто не хочет смотреть. Прямо из-под нас исчезает целый мир, а большинство этого даже не осознает!

- Но, Антонио, я провожу целые дни, а иногда и ночи за изучением потоков данных и анализом бесконечного течения событий. И думаю, что все миры именно это и делают. Они исчезают.

Внезапно раздался громкий стук в дверь, ветхое дерево затряслось в косяке. Антонио в испуге подскочил.

- Сюда никто не приходит, - выдавил он из себя. - Вы были первыми за долгое время.

Антонио приоткрыл дверь офицеру в форме Министерства здравоохранения.

- Что вам надо?

- Мистер Эшер? Не могли бы вы открыть дверь? Нам надо поговорить.

Антонио медлил, и Даниэль прошептал ему:

- Вам лучше подчиниться.

Тот открыл дверь. За молодым человеком в форме стояла группа рабочих в защитных костюмах и желтых масках.

- Сэр, мы получили сообщение. Мы собираемся пройти внутрь и осмотреть помещение.

Антонио посмотрел на Даниэля.

- Они могут это сделать?

- Это Министерство здравоохранения. Им достаточно сообщения обеспокоенной стороны.

Когда офицер проходил в дом, Даниэль разглядел, что тот был лишь несколькими годами старше Лекса. От челюсти к шее у него бежали завитки рыхлых рубцов, говорившие, что во время последней пандемии он оказался одним из немногих счастливицов.

- А кто вас вызвал? - спросил Даниэль.

Офицер оценивающе посмотрел на Даниэля.

- Все, что я могу вам сообщить: это был недавний обеспокоенный посетитель этого дома. И его вызов не лишен оснований, должен заметить.

Даниэль вернулся домой поздно и сразу прошел к себе в кабинет. Он был все еще там, когда постучался Лекс.

- Ты в порядке, папа?

- В полном. Я все-таки надел маску и мало к чему прикасался. Это был всего лишь долгий день и вечер.

- А что с мистером Эшером? Что будет с ним?

Даниэль взглянул на сына, печально смотревшего на него.

- С ним тоже все в порядке. Я помогу ему всем, чем смогу. И дела его пойдут на лад, я уверен. Рано или поздно что-то, да, должно измениться. - Он помолчал. - Думаю, каждый сделал все от себя зависящее там, где чувствовал, что должен это сделать... Кстати, он положил ту образовательную подёнку в твою сумку. Он не забыл.

- Не мог бы ты пока что подержать это у себя?

* * *

Антонио так и не вернулся в свой дом, а подавляющую часть его коллекции попросту ликвидировали. Кое-какие экземпляры были отправлены в центральную библиотеку, и Даниэль проследил, чтобы Антонио возвратили пару десятков старинных книг после тщательного обследования в Министерстве здравоохранения, в том числе и первое издание «Там, где чудовища живут» - не в таком уж и хорошем состоянии. Книги смотрелись весьма мило в новой квартире Антонио, которую тот описывал Даниэлю: «Здесь вполне мог бы устроиться вышедший на пенсию профессор прошлого века, уютное и хорошо освещенное местечко для отдыха, исследований и размышлений о давно минувшем».

Даниэль так и не рассказал Антонио об арт-проекте сына. Через несколько месяцев после того, как Антонио пришлось покинуть свой дом, Даниэль проходил мимо комнаты Лекса, дверь которой оказалась открытой, что было несколько

странно. Даниэль зашел, и в который раз осознал, что новое поколение решит само за себя, что важно, что необходимо сохранить, а что нужно отбросить.

Его внимание привлекли отблески в неподвижной белизне едва ли не голой комнаты, и он подошел к стене, у которой возвышалось довольно крупное сооружение.

Это оказались купленные в Народной аллее столовые приборы, составленные рядами и наложенные слоями и внахлест, чтобы получился портрет: подходящие формы образовывали локоны волос, нос был сделан из ложки, лезвия ножей создавали плоскости и тени, а зубья вилок пересекались в замысловатой штриховке. Было видно, что его сын обработал приборы по отдельности, кое-где процарапав металл, где-то сделав их более тусклыми, или, наоборот, поярче, или же раскрасив, чтобы отразить возраст и первичные симптомы заболевания. Но также и характер.

Стоило Даниэлю отступить на шаг, и он явственно увидел портрет букиниста Антонио Эшера, во всей его серьезности, склонности к раздражительности и печалям долгой жизни.

Но лишь один шаг в сторону - и образ старого друга исчез, остались лишь отвергнутые временем предметы.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Steve Rasnic Tem. Ephemera. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ФЕЛИСИТИ ШОЛДЕРС

АПОКАЛИПСИС КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Ф Е Л И С И Т И Ш О Л Д Е Р С

АПОКАЛИПСИС

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

- Как же мне сегодня прикончить мир? - спросила Катрина Ванг у потолка. Потолок промолчал, а ее полосатый кот лишь недовольно мяукнул.

- Что ты пристаешь с такими вопросами к бедному глупому животному? - появляясь в дверях, произнесла Натали. Катрина усиленно заморгала, стараясь удостовериться, что и в самом деле проснулась. Впрочем, да, конечно, сестра и должна быть здесь. Из-за отсутствия работы и жилья она спит у нее на кушетке.

- Трэдлз залез мне лапой в глаз и разбудил. Ну, я ему за это отплачу!

- И все-таки не стоит заставлять его делать за тебя твою работу. Приканчивай мир сама.

Натали подняла кота и принялась усиленно чесать ему горло. Катрина опустила ноги на пол и предусмотрительно выключила будильник.

- А ты-то почему в шесть уже на ногах? Я работаю, но и то не собиралась вскакивать в такую рань.

- Не уже, а еще. Я уберу кота, так что можешь еще поспать.

- Нет уж, раз я начала беспокоиться о работе, мне теперь не до сна... - она потащила следом за Натали в кухню. - Эта дурацкая первая годовщина... Наши боссы обязательно потребуют нечто впечатляющее. Какие-то злободневные идеи... А у нас ничего такого нет и в помине.

- Конец мира уже устарел?

- В том-то и дело! И моя работа - придумать что-то новенькое. Или умереть...

Запрограммированная на восемь утра кофеварка стояла пустая. Ее светодиоды тупо разглядывали Катрину, пока она наконец окончательно не проснулась и не нажала нужную кнопку. Едва запахло кофе (как считала Катрина, польза от кофе наполовину зависит от его аромата), она, шлепая по паркету, пересекла свою комнату и под села к компьютеру. Конечно, надо бы отнестись к этому времени как к подарку и потратить его на придумывание к предстоящей годовщине чего-то такого, что ошеломило бы боссов и заставило их позабыть о привычной спеси и чопорности. Но вместо этого она включила АҚД.

- Увлекаешься игрушками? - констатировала Натали.

- Игрой! У нас в «Эндертейнмент» каждый обязан играть в нее хотя бы пару раз в неделю.

- Но ведь вы же сами придумали все эти передряги. Вам не скучно?

- Одно дело - разрабатывать сценарий, и совсем другое - испытывать это на себе. И потом, это хорошая игра. Она сплачивает людей.

- А по-моему, стремление убрать все сучки и задоринки - это вроде наркомании, - засмеялась Натали и неторопливо отправилась в кухню.

- Мей-мей*³, половина кофе моя, - бросила ей вслед Катрина и погрузилась в игру.

Ее виртуальный двойник, Коротышка Кэт, тоже проснулась. Она жила в такой же квартире, что и Катрина, только победнее и без сестры-полуночницы и полосатого кота. Конечно, она могла бы включить в игру и Трэдлза, но ей вовсе не улыбалось тащить его с собой, преодолевая всякие страсти-мордасти вроде наводнений, пожаров или нашествия апокалиптических зомби. А бросить его на произвол судьбы даже в виртуальной ипостаси она была не в силах. Что касается интерьера, то Катрина никогда не видела смысла в излишнем украшательстве своего домашнего очага. Другое дело - ковры или телевизоры. Такие вещи легко было добавить, потому что их сохранность не имела никакого значения для игры.

Катрина не привыкла делиться планами своих странствий с «Эндертейнмент», поэтому каждый день в игре начинался для нее одинаково. Кэт находилась у себя в комнате, а на табличке слева вверху значилось: «Ожидаемая продолжительность жизни - 100 лет, здоровье - 100%». В окошке Кэт увидела, что сегодня день номер 285 - «Грандиозное наводнение». В такое время АКД жить в Сиэтле не слишком приятно. Но пока что вода, с ненатуральной ритмичностью менявшая цвет от угольно-черного до серебристого, поднялась только на сорок футов над уровнем озера Вашингтон.

Проснувшись так рано, Кэт и стартовала первой. Проверив свой виртуальный телефонный справочник, она убедилась, что никто из местных друзей еще не включился в игру. Она была предоставлена сама себе.

Кэт не стала искать набор на случай землетрясения (который стоил ей 400 очков за выживание) и выбрала туристический рюкзак (за 200 очков). Она спустилась по лестнице и с помощью нужной иконки в открывшемся окне достала свой велосипед (1000 очков). Во время апокалипсиса на общественный транспорт не стоило слишком полагаться.

Свой виртуальный руль Катрина направила к пассажирскому парому: тонуть в вагоне поезда было несколько не лучше, чем у себя дома. Пока она ехала к виадуку у спуска к Заливу, вода продолжала прибывать. Паромный терминал возвышался в тумане над зыбью, и Катрина засомневалась, сумеет ли Кэт добраться до судна. Бросила велосипед (к завтрашним приключениям он уже снова окажется дома) и пустилась вброд к входной двери. Катрине пришлось исполнить барабанное соло на кнопке «use», пока Кэт наконец удалось преодолеть сопротивление двухфутового слоя воды и распахнуть нужную дверь. Прежде чем она сумела

³ * *Заимствование из китайского языка. Может служить обращением к младшей сестре. (Здесь и далее прим. перев.)*

добраться до лестничной клетки терминала и, оставляя мокрые следы на ступеньках, подняться наверх, ожидаемый срок ее жизни сократился до 98. Видимо, Департамент по охране окружающей среды добавил алгоритм учета неблагоприятных природных условий. Входная дверь осталась широко распахнутой, впуская поток воды и ожидая новых игроков.

Кэт бросилась бежать по коридору к заливаемому водой причалу. Двигатели парома еще не работали, так что у нее было время, чтобы доплыть до трапа в привычном для нее, как персонажа АКД, медленном, но на удивление уверенном собачьем стиле. Сама Катрина прекрасно плавала и при желании могла доказать это своей компании, добавив Кэт за это умение несколько пунктов. Но она знала, что «Эндертейнмент» зарабатывает на продаже информации почти столько же, сколько на подписке, и не стала этого делать. Она решила только на то, чтобы позаимствовать перечни друзей из других сетевых ресурсов.

Коротышка Кэт добралась-таки до парома и, неудержимо дрожа от холода, уселась рядом с каким-то застигнутым врасплох персонажем. «Девяносто четыре года жизни и стопроцентное здоровье» - удовлетворенно отметила Катрина и отключилась, оставив Кэт в целости и сохранности. Ее виртуальному двойнику ничто не угрожало, по крайней мере в течение ближайших четырех часов.

Возвращение в реальность вновь напомнило ей о необходимости придумать для «Апокалипсиса» что-то такое, чего еще не было. Смывая с волос шампунь, она размышляла о новых возможностях для зомби, которых им когда-то уже хватило на полгода, а натягивая футболку, прикидывала перспективы внутрипластовых землетрясений.

Пока Натали доедала последний банан, Катрина окинула ее критическим взглядом: неухоженные светлые пряди длиной в несколько дюймов, темные круги.

- Дорогая, не пора ли тебе как следует выспаться?

- Я сплю тогда, когда у меня есть охота. И вообще, если бы я хотела, чтобы мне все время капали на мозги, я бы жила с мамой и папой.

Катрина удержалась от резкости. Зарплата позволяла ей, хотя и с трудом, содержать Натали. Конечно, следовало бы напомнить сестре, что после выхода родителей на пенсию им это было не под силу, но эгоистка Натали только отмахнулась бы от такого упрека. Поэтому Катрина решила найти довод помягче.

- Я хочу только сказать, что на работу я тебя бы сейчас не взяла. Ты выглядишь как живой труп.

- А вы что, набираете работников?

- Ну-у... нет, конечно. Наоборот, намечается сокращение. Большое сокращение. Боссы ждут годовщины, надеясь, что резкий рост подписки сгладит дурные вести

об увольнении.

Она сунулась в холодильник и обшарила взглядом безнадежно пустые полки. Пришлось довольствоваться йогуртом. Плюхнувшись на свой рабочий стул, она развернулась лицом к Натали, которая сидела за кухонным столом.

- Через пару месяцев я тоже могу остаться на бобах.

- Но ты же там с той поры, когда они еще были в пеленках! Ты же там старейшина!

- Это да. И значит, если такие передряги станут повторяться, вся ответственность ложится на меня. И потом, есть еще Эмил.

- Это еще кто?

- Один из моих товарищей по команде. С того дня, как боссы решили, что один из нас должен быть старшим, и короновали меня, я все время чувствую, как он держит мою спину под прицелом.

- А чем он занимается?

- Да так, всякими мелочами... Ну, скажем, мне приходит в голову интересная идея. Я обращаюсь с нею к Ли, а Эмил тут же влезает с какими-то деталями, уточнениями или дополнениями. И в конце концов получается так, что Ли благодарит именно его за отличную идею.

- Ну и субчик! Плати ему той же монетой!

Натали вытерла рот и занялась йогой на середине кухни. Начала с «позы воина».

- Знаешь, сначала все-таки кто-то должен предложить идею, а уж потом другой может получить за нее лавры.

- Ну, так придумай что-нибудь, - посоветовала Натали, опуская руки. - Могу сказать по собственному опыту: нет ничего хуже босса, который ищет основания для увольнения. Оправдывая убудка, ты сама закладываешь под себя мину замедленного действия.

Все, пора работать. Катрина прогнала Натали в спальню и снова включилась в АКД. Пока она занималась своими делами, Кэт можно было оставить на пароме, время от времени двигая мышкой, чтобы набирать очки за выживание.

Прозвучало предупреждение области сотрудничества: подключился один из членов команды.

- Доброе утро. Есть какие-то идеи к грядущему событию? - пришло сообщение от Сары, и Катрина переключилась на область сотрудничества.

- Пока нет. А у вас? - напечатала она в ответ.

- Кислотные ливни?

- Не слишком впечатляюще, но внесем их в перечень разработок.

- Йеллоустонский супервулкан?

- Я уже писала об этом. Он выходил в пятницу, 13-го, как рекламный трюк, помните? Еще в мае.

- Ой, а я и забыла. Ну что ж, остается, как всегда, ядерная война.

Катрина вздохнула и посмотрела на часы. В любой момент может включиться Эмил, он и так уже опоздал на двадцать минут, так что лучше сделать прическу. Когда Эмил онлайн, Сара всегда требует видеоконтакта.

- Разве вы не говорили мне при ориентировке, что пользователи любят похожие сценарии? Вроде переделок. - Похоже, подключился Эмил. - Это все-таки первая годовщина. Так что нельзя пустить старье в новой упаковке.

Появилось официальное сообщение от Эмила:

- Привет, Сара, привет, босс. Кажется, я мало что пропустил!

Закончив сооружать прическу, Катрина сердито уставилась на мониторы.

- А у вас есть какие-то идеи?

- Зомби, - тут же ответил Эмил.

- Было уже трижды.

- Обратни.

- А при чем тут мировая катастрофа? Это, скорее, личная проблема.

- Пандемия ликампропии!.. Вы не забыли, что при мозговом штурме не критикуют?

Он, видимо, имел в виду ликантропию. Катрина решила не указывать ему на ошибку.

- Ага. Мы так гнали друг друга без передышки, что теперь мне разрешается только дышать.

Возникла пауза, пока Эмил печатал: «Еще дышать = еще получать очки за выживание».

«Еще дышать...»

Пока Катрина барабанила по клавиатуре, поступил неизбежный запрос на видеоконференцию. Она беспрекословно выполнила пожелание и с удивлением отметила, что выглядит на экране очень непривлекательно.

«Дышать... Утечка кислорода из атмосферы? Скучновато, да и маловато возможностей для приключений, - подумала Катрина. - И потом, отчего она может случиться? Солнечные ветры? Чужаки будут выкачивать?»

Чужаки... Да, это мысль. Ей страшно не хотелось принимать какие-то идеи от Эмила, но она переборола себя и сказала:

- Мы можем использовать вторжение Чужих.

Теперь уже Сара была озадачена:

- А у нас этого еще не было?

- Формально было, но только как упоминание о причине отравления мира нервно-паралитическим газом. Сами чужаки там даже не появлялись.

Байроническая физиономия Эмила недовольно перекосилась.

- Вы сказали, что повторы недопустимы.

- Едва ли это можно назвать повтором. Вспомните, это прошло в первом квартале... Ох, простите, вас тогда еще не было с нами... Таша хотела поставить «Войну миров», но дизайнеры заявили, что у них нет средств на тренажеры. Мы приняли это как руководящую установку и отказались от любых вторжений.

Катрина открыла файл проектов и начала запись идей.

Спустя несколько часов Эмил с Сарой затеяли спор о «Чужом» и «Чужих». Флирт под прикрытием перепалки. Действительно, Эмила можно было назвать привлекательным, если не обращать внимания на то, что левый глаз у него выше правого. Сара вошла в команду всего пару месяцев назад, так что сексуальное влечение у них еще не утратило свежести.

Катрина позволила им препираться на левом мониторе и переключилась на Коротышку Кэт на правом. Когда они расстались с Коротышкой, аватар обстреливали любопытными взглядами остальные персонажи. Сейчас она смешалась с ними, и Катрина решила пройтись по парому.

Группки спасающихся механически кивали и вели стандартные разговоры. Некоторые (скажем, потрепанный белокожий парень, рядом с которым сидела Кэт) дремали на длинных скамейках. Если они не носили морскую униформу, то с одинаковым успехом могли быть как игроками, так и компьютерными персонажами. Картинка качалась под воздействием гигантских океанических волн, пересекающих Залив.

Катрина проверила «телефонный» интерфейс. Несколько ее друзей, включая пятерых жителей Сиэтла, были онлайн и живы. Она связалась с Эстебаном:

- Как ситуация?

- Я в башне Спейс-Нидл. Адское зрелище!

- Я на пароме к острову Вашон.

- Ловко! Как высоко поднимется вода?

- Этого я не могу тебе сказать.

- Если промочу ноги, разводи пары и спеши мне на выручку.

- Принято!..

Она закрыла чат и представила, как паром причаливает к Спейс-Нидл, а потом, после того как вода спадет, приземляется прямо на хаотичные нагромождения всякой всячины музея Experience Music Project. Все в АКД имело свой предел

сопротивления растяжению и сжатию, полный набор соответствующих свойств. Так что крыша наверняка деформируется. Правда, долговременных последствий в АДК не оставалось. Никаких безвозвратных потерь, никаких руин и пожарищ.

Катрина «перескочила» на мостик и на компьютерную команду за штурвалом.

- Куда мы направляемся? - задала она один из тех стандартных вопросов, на которые большинство запрограммированных персонажей могли ответить.

- Не знаю, - сказал моряк сквозь стекло, но нереально громко. Надо запомнить этот глюк. Точно так же можно отвечать на докучливые приставания некоторых строителей миров.

В списке друзей загорелось красным огоньком имя Марсии: она посылала сигнал бедствия. В приложенном сообщении значилось: она находится в спасательной шлюпке в Пьюджет-Саунде. Шлюпка наполняется водой.

Послать координаты GPS? Катрина послала, а потом воспользовалась еще одной стандартной фразой: «Прошу! Вы должны спасти моего друга!», чтобы направить паром к Марсии. Персонаж Марсии по-собачьи одолел расстояние от тонущей шлюпчонки до парома.

- Отлично, Кэт, а то я не могла управиться с этой штуковиной, и волны были такие высокие! - отметила Марсия, когда их персонажи обменивались рукопожатием.

И тут же пришло сообщение: «Вы создали группу! В вашей группе 2 друга». Когда-то Марсия сидела рядом с Катриной в школьном оркестре, и с тех пор они и парой слов не перебросились, но для АКД и это сгодится. Здесь чем больше друзей, тем лучше.

- Ловко устроила! Это ты придумала паром? Потому и знаешь все, что надо?

Кэт провела ее внутрь и дипломатично сформулировала уклончивый ответ. Главное, она заработала очки за создание группы.

- Так ты считаешь, что мы вдвоем должны устроить марафон чужаков и посмотреть, кто из нас прав? - услышала она голос Сары и торопливо напечатала Марсии прощальное сообщение. Вернувшись в область сотрудничества, Катрина увидела, что вид у Сары чрезвычайно самодовольный, а Эмил демонстрирует полное безразличие.

- Ребята, давайте вернемся к нашим делам, - сказала она, чувствуя, что ее командный тон прозвучал фальшиво. - Через пару часов у нас встреча с Ли, так что приступим к разработке идеи вторжения.

Слава богу, Натали уснула (в кровати Катрины) еще до того, как команда собралась представить свои наброски руководителю. Ли стоял достаточно высоко

на служебной лестнице и был на «ты» со многими боссами, так что его мнение являлось решающим. Вторжение ему понравилось. Он бегло просмотрел раскадровки, где Катрина изобразила корабли чужаков, похожие не то на танки, не то на комбайны, и одобрительно кивнул. Она даже сделала несколько рекламных набросков: аватары «Апокалипсиса Каждый День» в страхе пригнулись под падающей на них тенью космического корабля. Изображения были похожи, но не слишком детальные.

- Брассу придется по душе, - сказал Ли. - Броско, жутко и без излишеств.

Эмил прочистил горло.

- Есть еще одна идея, сэр... Чтобы это событие стало по-настоящему новым!

Ли поднял брови, то же самое сделали Катрина и Сара. «О чем он говорит?» - послала сообщение Сара. Катрина не ответила, потому что как раз печатала аналогичное сообщение Эмилу. Получив его, Эмил часто заморгал, но продолжал говорить:

- Чужаки отлавливают землян. А почему бы им не набрать некоторых из нас себе в помощники?

- Предательство? - уточнил Ли.

- Конечно, это экзотическая идея, - заметила Катрина, хмуро поглядывая на ту часть экрана, которую занимал Эмил. - Но ведь у нас командная игра, основанная на дружеских связях.

- В конце концов, всего лишь игра, не так ли? Кто же станет возражать, если добавить туда немного духа состязательности?

Ли откинулся на спинку своего аэроновского кресла, смакуя идею, как глоток шотландского виски двенадцатилетней выдержки.

- Разумеется, компания не захочет делать то, что может уменьшить вовлеченность общества, так как и сама игра, и финансовая составляющая информационного потока зависят от рекомендаций и дружеских приглашений, - произнесла Катрина, стараясь, чтобы ее речь звучала как можно более веско.

- Да-да. Я сообщу Брайану и Кристал... - (боссам!) - пусть они и решают. Но идея заманчивая. Новаторская! Радикально меняющая всю игру.

Катрина набрала полную грудь воздуха и наклонилась вперед.

- Ну что ж, в таком случае предлагаю добавить к этому элемент «охота на мусор». Чужаки хотят, чтобы мы выдавали друг друга их сборщикам. Ну, скажем, собирали где-то или как-то помечали друг друга, чтобы облегчить поимку. Поэтому они разбрасывают по всей планете специальные приборчики. Отыскав такое устройство, вы получаете шанс продать своего товарища по игре.

Ли кивнул.

- Отличная работа! У вас и вашей команды, Катрина, мозги работают просто великолепно!

Катрина облегченно перевела дух.

- Эмил, - произнесла она, - я знаю, что вы любите мозговые штурмы. Но на будущее - давайте все-таки сначала обсуждать все идеи в группе и только потом выкладывать их Ли.

Эмил кивнул. Никакой другой реакции она от него и не ожидала.

Как раз к концу рабочего дня от Ли пришло сообщение, оповещающее команду о реакции Брайана и Кристал. Разумеется, они в полном восторге от новых и свежих идей. Подготовке дня «Д» дан зеленый свет!

Сара прислала еще один запрос на видеосеанс, но Катрина отклонила его. «Уже шесть, Сара. Мы можем начать завтра». Она откинулась на спинку кресла и прикинула, сколько очков получила за сегодняшний день. Примерно шесть часов выживания онлайн к этому моменту - это шестьдесят. Да пятьдесят в качестве бонуса, если она сумела пережить этот день. И еще пятнадцать за те три часа, которые она провела онлайн в группе с Марсией.

Из спальни бесшумно появилась Натали и обследовала холодильник.

- Как насчет ужина?

- Может, ты будешь этим заниматься? Хотя бы пока у меня есть работа.

- Как совещание? Все в порядке?

- Я попробовала сделать так, как ты советовала. Подложила интригану свинью. Сейчас чувствую себя так, будто в грязи вывалялась.

- Ты так чувствуешь себя все время, пока работаешь... - Натали осмотрела кусок чеддера и пожала плечами. - А чего это вдруг «Эндертейнмент» планирует сокращения?

- Так ведь везде спад, не так ли?

- Так, конечно. Но я считала, что чем больше безработных, тем больше тех, кто находит отраду в виртуальных приключениях, где так просто спастись от цунами или дружить с бешеными инопланетянами.

До дня «Д» оставалось еще два дня, когда Катрину разбудил храп Натали. Катрина уставилась в потолок, один из углов которого украшал пейзаж с серой паутиной.

- Прекрасно, - проворчала она и отправилась на свое рабочее место.

Что касается дня «Д», то здесь от нее уже ничего не зависело. Ей оставалось

только ждать, когда он обрушится на нее триумфом или провалом. Но она могла воспользоваться и другими идеями как для серьезной корректировки, так и для полной замены программы к тому времени, когда Ли разочаруется в этой штуке. Она наведалась в несколько бредовых блогов и псевдонаучных форумов, сохранила некоторые ссылки и поразмышляла над какими-то дурацкими идеями. Даже не идущие в дело глупости теперь относились у нее лишь к бегству или побоищам.

На этот раз рисованные фигурки убегали от гигантского пожара. Катрина как раз раскрашивала языки пламени на небосводе, когда звуковой сигнал заставил ее вздрогнуть: в область сотрудничества вошла Сара. Натали закричала, повернулась на другой бок и, слава богу, перестала храпеть.

- Чем занимаетесь в такую рань, босс? - поинтересовалась Сара.

- Не могу уснуть. А вы?

- О, для меня это самое продуктивное время! Иногда я работаю в такие часы над собственными проектами, но сегодня мне захотелось кое-что добавить в сценарные файлы.

Катрине, конечно, надо бы одобрить такое отношение к делу, но сообщать это в 5.20 утра, сидя в тенниске огромного размера с рисунком морской выдры, было как-то не с руки.

- А вообще-то я рада, что поймала вас одну, - продолжала Сара. - Мне кажется, вы не думаете, что я собираюсь следовать примеру Эмила? Если так, то вы правы.

Катрина поняла, что она вовсе не так проницательна, как всегда считала. И что?

- Я побывала у него дома, чтобы посмотреть тот киномарафон. Как, по-вашему, может, не слишком разумно лезть в западню на много часов в первое же свидание? Он говорил только о себе и ни о чем больше. Бесконечное бла-бла о том, как взломал школьный сервер, как назначил свидание самой прекрасной девушке, как решил не становиться музыкантом, потому что это не слишком интеллектуальное занятие. Сплошные я, я, я.

Катрину удивило, зачем Сара ей все это рассказывает. Они никогда не были близкими подругами. Впрочем, может быть, в пять утра Сара становилась другим человеком.

- Вы, наверное, удивляетесь, зачем я вам все это рассказываю. Но у меня есть один вопросик. Когда Эмил сделал паузу в своей саге, чтобы перевести дух, я попыталась что-то сказать об игре. Так вот, он заявил, что никогда этим не занимается. Он платит какому-то мальчишке, чтобы тот играл под его именем. Мне кажется, это не слишком хорошо с его стороны. Я имею в виду, что это обязательное требование, да и аккаунт сотрудника существует, верно?

- Ну, особой угрозы для безопасности нет. Это просто означает, что персонаж получает время от времени какие-то денежки, а за подписку не платит.

- Ах, вот как! А я думала...

- И потом, Сара, он, похоже, из тех парней, которые хотят выглядеть ловкачами, способными перехитрить систему. Судя по вашему рассказу, самомнение у него выше крыши.

- Наверное, вы правы. А еще он хвалился своей коллекцией пропусков... Ну, вроде бы у него когда-то была деловая встреча в Гугле, так он сохранил тамошний пропуск на электронной доске вместе с целой связкой других. Там, как он сказал, есть даже пять штук от Красной зоны.

- И давно они у него?

- Откуда мне знать?

- Они изменили пароль. Это была красная Z или бомба?

- Точно! Бомба. На первом уровне - бомба. Это имеет какое-то значение?

- В общем-то, нет. Не беспокойтесь насчет того, играет он или нет. Я что-нибудь придумаю.

- Ладно. Даже не хочется думать, что через пару часов мне снова придется с ним разговаривать. Вот уж придурок! Кстати, вы обратили внимание, что у него один глаз выше другого?

Катрина не сумела придумать, как ответить на такой вопрос, не теряя полагающейся начальнику объективности, и поэтому заявила, что отключается. Она сохранила свои наброски и вышла из области сотрудничества.

Одеяло, которым была укрыта Натали, упало с дивана, и Катрина вернула его на место. Она решила сделать сестре сюрприз и, пока та спит, одеться и съездить на велосипеде за пончиками.

На улице почти никого не было, только какой-то мужчина что-то жевал, стоя в подъезде, да продавец круглосуточного магазинчика, распахнув дверь, торопливо потягивал сигаретку. Несмотря на обдувающий ее холодный ветерок и запах дыма из чьей-то дровяной печи, Катрина вдруг почувствовала себя персонажем «Апокалипсиса Каждый День». Она ухмыльнулась, вспомнив, сколько раз ей приходилось крутить педали в том же направлении, но в гораздо более опасных ситуациях. Может быть, Натали права, и она слишком много времени посвящает игре. Есть работа, есть игра - она просто зацклилась на обеих. Но разве будет лучше, если она потеряет работу, вернется на двухъярусную кровать к маме и папе и сама, того и гляди, начнет собирать коллекцию электронных пропусков? Нет уж, лучше пусть будет эта безвредная мономания.

Задумавшись, Катрина чуть не проскочила мимо нужного магазинчика, переехавшего на несколько домов ближе, чтобы соответствовать уличной панораме, которая была заложена в базе данных Гугла, используемой для АКД. Она закрепила цепочку на велосипеде и нырнула внутрь наполненного испарениями магазина, где ее встретила маленькая сонная женщина-продавец.

- Пожалуйста, два глазированных пончика, два кленовых сиропа, джем и желе со взбитыми сливками.

Женщина работала четко, заученно, с минимальными затратами сил.

Примерно так же иногда действовал папа, когда они еще были малышками: перед уходом на работу в компанию «Боинг» стряпал пончики, ожидая, пока они проснутся. Она не вспоминала об этом, пока не начала выбирать любимые лакомства Натали, и лишь тогда сообразила, откуда ей это известно. А вот интересно: папина работа - она помогала ему вставать рано утром каждый день и чувствовать себя участником чего-то важного? Такого, от чего зависят жизни людей?.. Катрина сунула купюру в копилку для чаевых и снова окунулась в утреннюю свежесть с коробкой, наполненной калориями. Всякая работа важна, если это единственное, что у тебя есть.

В день запуска программы она проснулась от громкого урчания Трэдлза, устроившегося у нее на груди. Это немного помогло ей справиться с волнением. Правда, во сне она видела не разъяренные толпы с вилами, оружие: «Ты уничтожила «Апокалипсис Каждый День»!», а всего лишь торопливое препарирование живой лягушки для школьного урока, которое забыла сделать дома, но впечатление было примерно одинаковое. Катрина все еще чувствовала себя виноватой, как будто разрешение миллионам пользователей предавать друг друга сделало ее саму предательницей.

Она вошла в систему и посмотрела смонтированную съемочным отделом кат-сцену. Огромный космический корабль, похожий на гроздь мыльных пузырей, приближается к Земле и рассыпается на составляющие его сферы на высокой орбите. Самые маленькие шарики, ярко светясь, прорывают атмосферу и приземляются, разрушая дороги и дома. Оплавленная оболочка одного из них распадается, открывая гигантскую ослепительно лиловую машину на гусеничном ходу. Размером с танк, она не похожа на ранее использовавшиеся модели: уж тут компания расстаралась. Ее расширяющаяся утроба снабжена огромной антенной, так что выглядит этот механизм усовершенствованной копией одного из сделанных Катриной набросков.

Натали уселась на диване.

- Доброе утро, сегодня солнце...

- Тихо! Сегодня годовщина!

- Я возьму попкорн, - проговорила Натали, не двигаясь с места.

На экране у Катрины появилось похожее на плоский таз лицо цвета фуксии.

- Я Верховный главнокомандующий Фрит из Содружества Апок. Наши сборщики десантировались по всей вашей планете для приобретения рабов. Для ускорения этого процесса гуманоидам, готовым сотрудничать с нами, предлагаются премии! - В поднятом вверх щупальце появился ядовито-зеленый предмет, похожий одновременно на цементный пистолет и шприц для инъекций. Такой маркер придумала Катрина. - Прошу использовать это устройство для введения своим соплеменникам микропередатчика, который поможет нашим сборщикам в поиске. Чтобы ваша ДНК была учтена и вам гарантирована свобода, вы должны пометить десять гуманоидов! Разумеется, сборщики не станут забирать тех, кто активно способствует нашей деятельности. Удачи вам, гуманоиды!

Сцена закончилась, и на экране появилась Коротышка Кэт. Она стояла в своей квартире, глядя в окно на дом напротив, разрушенный свалившимся на него сборщиком. Пока машина тяжело ворочалась в гряде камней, Коротышка Кэт схватила рюкзак и блестящий новый пистолет (500 очков).

- Этой пукалкой вы собираетесь подстрелить одну из лиловых громадин? - заговорила Натали с набитым попкорном ртом.

- В АКД у нас все уязвимо.

Прозвенел телефонный интерфейс: пришло сообщение от Марсии: «Что за черт, Кэт? Вы там с ума посходили, что ли? Это что, все реально?»

Катрина не знала, что ответить. «Так же реально, как вчерашний ледниковый период», - напечатала она и вышла из дома через черный ход.

На дорогах были пробки. Стало это результатом помех от процессора сборщиков или сбоя в Сети - из-за того, что игроков было больше обычного? С полдюжины людей бежали по улице прочь от того сборщика, который она видела. Наверное, это были игроки, потому что они направлялись почти что к другому столбу дыма, а значит, к другому сборщику. Кэт заметила еще одного гуманоида, стоящего на углу: он смотрел по сторонам и, похоже, что-то искал. Она свернула в проход между домами. Видеть угрозу в других спасающихся было непривычно. Да, всегда существовали гриферы, но их не так уж много. Гриферы не могли надеяться на помощь друзей, теряли очки, убивая людей, тратили драгоценное время, угоняя транспортные средства, и усложняли жизнь сотрудникам, ответственным за прогон компьютерной программы.

И вот теперь все стали гриферами.

Она медленно крутила педали, проезжая между домами и прислушиваясь к рокоту двигателей сборщиков и человеческим шагам. Потом резко затормозила, и колеса велосипеда какое-то время скользили по земле. На дороге в центре закопченного круга торчал зеленый маркер.

- Есть! - воскликнула Натали. - Повезло тебе.

- Фу ты... Мне это не нужно.

- В чем дело? Ты же говорила, что это твоя идея.

- Да, моя дурацкая идея со стимулами. Но я не хочу так играть.

- Возьми эту штуку в Бельвью и отметь мистера Эмила. Или кого-нибудь из своих пакостных боссов.

- Да, верно.

Катрина решила, что сестра права. Она щелкнула кнопку «Use», и находка исчезла, переместившись к ней в рюкзак.

- Ты можешь отмечать компьютерных персонажей. Они ведь тоже гуманоиды, верно? Никто из них все равно не пострадает.

- Мне не нравится заниматься метагеймингом.

- Это еще что такое?

- Я стараюсь представлять, что они реальные парни и девушки. Такие же, как я.

Прозвенел «телефон». Кузина Лидия.

- Катрина? Мы находимся сейчас в Union&MLK. Если хочешь, присоединяйся.

- Кто там?

- Я, Эндрю и мои коллеги по оркестру. Ты с ними встречалась во время снежного апокалипсиса, помнишь? - И после паузы добавила: - Надеюсь все-таки, что сегодня не будет чем дальше, тем веселее. Приезжай, если хочешь. Мы собираемся поскорее убраться из города, двинемся на восток. У нас есть две машины и фургон.

- Похоже, она хороший друг, - заметила Натали.

- Да. Я поеду. Не хочу, чтобы друзья разочаровались в игре, не говоря уже о родне.

Возможно, борьба с подозрениями - самая ценная составляющая этого полного фиаско.

Она старалась избегать встреч с гуманоидами по дороге к Union and MLK. Знакомый перекресток был пуст, у гастронома стояла всего пара машин: в это время доставки товаров не было. Она притормозила у павильона автобусной остановки и окинула взглядом перекресток. Что-то здесь не так.

- Берегись! - взвизгнула Натали и ткнула указательным пальцем в экран. Из-за

расписанного граффити павильона выскочила фигура, на фоне его темно-коричневой одежды ярко сиял маркер. Если бы не велосипед, с ней было бы покончено. Отъехав подальше, она развернула руль, чтобы оценить нападавшего. Неприметная личность: ни особых теннисок, ни каких-либо типичных для игрока побрякушек. Его легко было принять за виртуального персонажа. Заметив, что она остановилась, он снова бросился к ней. Катрина выхватила из багажника велосипеда пистолет, и нападавший нечеловечески быстро изменил направление бега, бросившись прочь по мостовой.

- Ух ты! - оценила Натали. - Ты заставила его поплясать.

Из левого динамика донеслось характерное побрякивание, напомнившее Катрине «Парк юрского периода». Это двигался сборщик, втягивавший гуманоидов в свое объемистое нутро. Не дожидаясь, пока он приблизится, Катрина спрятала пистолет и нажала на педали, спеша на встречу с друзьями. Велосипед она оставила у припаркованного фургончика Vanagon (3000 очков).

- А где же другие машины? - спросила Натали.

Катрина пожала плечами, щелкнула кнопку «Use» на боковой дверце и, пока ее персонаж устраивался внутри, напечатала: «Кто оплатил это?».

- Лидия! - вскрикнула Натали.

Аватар ее кузины приблизился из тьмы, в руках у него поблескивал маркер.

«Вы отмечены для инопланетных сборщиков Лидией Ванг-Ричардс. Ожидаемое время прибытия сборщика - 01:42», - вспыхнула надпись на экране Кэт.

Нахмурясь, Лидия напечатала: «Это штука моего барабанщика! Он играет так же часто, как и ты».

- Стреляй в нее, цзи-цзи!^{*4} - воскликнула Натали. - Ну, давай же! Пока чужаки тебя не схватили...

Катрина потянулась к велосипеду, доставая пистолет, но тут ей на глаза попался собственный ярко-зеленый маркер.

- Гляди, она что-то печатает. Злодеи всегда перед гибелью произносят монологи, верно?

Лидия не шевельнулась, когда Кэт подняла маркер и нажала кнопку «Use». Вместо длинной речи она выдала только короткое: «Ну, ты и сука! ОМБ!».

01:16 - сообщил Кэт счетчик обратного времени сборщиков. Аватар Лидии уселся на переднее сиденье фургончика, и машина двинулась прочь.

- Ты украла фургон у своих друзей, - сказала ей вслед Катрина.

- Вряд ли стоит в этом году идти к ним в гости в День благодарения, - проворчала

⁴ * *Заимствование из китайского языка. Может служить обращением к старшей сестре.*

Натали.

- Как ты думаешь, почему она так поступила?

Натали откинулась на спинку дивана.

- Ты шутишь, что ли? Эндрю так поступает в пять раз чаще, чем она. Так отчего бы ей не продать его задницу по частям, если подвернулся удобный случай?

Катрина взглянула на аватар кухни на экране. Изображение за ветровым стеклом дергалось и искажалось. Сама она не видела смысла в том, чтобы убегать от сборщиков, выигрывая каких-то пару минут выживания, но Лидия, очевидно, считала иначе. Катрина переключилась, чтобы просмотреть поступающие в реальном времени комментарии и оценить, как проходит вторжение.

«Моя мамочка только что продала меня чужакам».

«Ха-ха, я уже 8 отметил!»

«Бегите, суки, бегите».

«Все это дерьмо собачье, я получил сегодня только 3 минуты».

«Лично я говорю нашим новым властителям: добро пожаловать. #10 отметок».

Она вновь переключилась на игру как раз в тот момент, когда ослепительно лиловое нутро сборщика втягивало Кэт вместе с обломками фургона. Потом ее искаженное неподвижное изображение с помощью антенны было телепортировано на корабль-матку чужаков. «Вы погибли. Но все же заслужили награду (12 очков) за то время (1,2 часа), когда успешно участвовали в игре. Вы участвовали в группе из 0 спасающихся и получили за участие в команде 0 очков. Включайтесь в игру завтра, чтобы потратить свои очки и попытаться выжить в следующем Армагеддоне!»

Катрина отключилась и просмотрела постоянно обновляющуюся ленту комментариев.

«Челы кто скажет можно присвоить маркер?»

«Я включился и отметил бывшую подругу во здорово».

- Пока еще трудно сказать, куда ветер дует, - заметила Катрина, на что Трэдлиз только зевнул.

- Дует в лицо. И довольно сильно, - подвела итог Натали и включила телевизор.

На следующее утро в восемь часов зазвонил телефон.

- Поздравляю, мисс Ванг!

- Ох... Спасибо!

- Я разбудил вас? Это Норберт Дженкинс...

Вице-президент по производству, известный под прозвищем Большой Вип.

- Нет, я уже не сплю, мистер Дженкинс. Но я еще... гм... я еще пью кофе.

Компьютер пока не включала. С чем вы меня поздравляете?

- Вчера у нас была рекордная подписка! Пятьсот тысяч!

- Не думаю, что это моя заслуга, мистер Дженкинс. Сыграла роль активная рекламная кампания перед днем «Д» и...

- Лучшая реклама - это заразительность. Каждому хочется узнать, кто кого предаст. Каждый жаждет проверить, успеет ли продать своих друзей, прежде чем они продадут его. Никто не может устоять перед соблазном! И вот что еще. Я знаю, что все это проходит по инстанциям, но что вы собираетесь показывать на этой неделе?

- Сегодня кислотная буря, потом распространение вируса Эбола...

- Гм... Понятно. Ну что ж, продолжайте. Но помните, вчерашний день «Д» - это как раз то, что нравится людям! Цифры не врут!

- Однако эта игра не только о выживании, она... гм... о человечности.

- Чепуха! Скорее, о прагматичности...

- Конечно, мистер Дженкинс. Спасибо за звонок.

- Желаю дальнейших успехов...

До Катрины донеслось, как Натали поет в ванной песню Норы Джонс. Через девяносто минут совещание с Ли. Она окинула взглядом рисунки на стенах, оставшиеся с той поры, когда она получала степень в области искусства.

Наверное, кто-нибудь вроде Эмила лучше подходит для нового «Апокалипсиса Каждый День». Кому, как не интригану, планировать игру о предательстве. Впрочем, это ребячество. Взрослому человеку не пристало раскисать из-за того, что его игра изменилась. К тому же у взрослого человека и резюме должно быть получше, и денежки кое-какие могли бы храниться на черный день...

Катрина достала свой блокнот и принялась за раскадровку...

Кривая подписки выглядела впечатляюще, но Катрина не позволила себе вдоволь полюбоваться ею, опасаясь, что Эмил выскочит первым.

- Я считаю, Ли, что нам надо выжать все возможное из этого успеха, готовя больше сценариев с соперничеством игроков. К примеру, вампиры против оборотней. Разрабатываем комбинацию пандемии с гражданской войной. Пять процентов игроков становятся вампирами, а другие пять процентов - оборотнями. Они заражают нормальных людей и в то же время сражаются друг с другом... Или возьмем сценарий о вспышках на Солнце. Только некоторые регионы на планете будут свободны от губительной радиации; это заставит группы игроков бороться друг против друга за безопасные территории... Я пришлю вам еще несколько своих идей, посмотрите сами. Предлагаю скомбинировать подобные события с более

традиционными сюжетами, чтобы не терять старых игроков. Можно пускать такие конкурентные игры, скажем, раз в неделю.

Ли прищурился.

- Все это великолепно. А я предполагал, что мы будем обсуждать вчерашнюю игру. Прекрасная работа, Катрина!.. Что скажут ваши сотрудники?

Сара редко вступала в разговор с начальством. Эмил выглядел обескураженным. Он несколько раз открывал и закрывал рот, как вытасченная из воды рыба.

- Сэр, но ведь наша игра по преимуществу командная, так что...

- Игра в первую очередь о том, как делать деньги, Эмил, - прервала его Катрина.

- Если мы сумеем, не теряя командных игроков, добавить к ним контингент любителей соперничества, то база у компании значительно расширится. А значит, будет больше взносов и продаж пользовательской информации.

- Именно так! А теперь все за работу! Давайте приканчивать мир в том же духе! - заключил Ли. И добавил: - А вы, Катрина, задержитесь на секунду.

Сара исчезла с экрана сразу же, Эмил еще секунд десять чего-то хмуро ждал. Загорелое, как у всех любителей гольфа, лицо Ли заполнило весь экран.

- Замечательная инициатива, Катрина. Одно удовольствие наблюдать, как вы растете в роли лидера команды.

Похвала звучала слегка покровительственно, если учесть, что в подчинении у Ли было в несколько сотен раз больше человек, чем у Катрины, но тем не менее она заулыбалась.

- Спасибо, Ли. Рада, что оправдываю ваше доверие.

- Вы действительно проявили себя во время сегодняшней встречи как настоящий лидер.

Катрине понравилось это «во время сегодняшней встречи». Обычно так замысловато выражаются футбольные тренеры после матча, который закончился ничем.

- Как бы там ни было, продолжайте работать на таком же высоком уровне!

- Ох, Ли, подождите. Дело в том, что я хочу на кое-что обратить ваше внимание. Раз уж я руковожу командой.

- Конечно, конечно. Моя дверь всегда открыта.

- Речь идет об Эмиле. Вначале он многое обещал, но... - она сделала паузу, подбирая слова: - Он не командный игрок и не выполняет свои задачи. Боюсь, он не стремится внести свой вклад в игру и в нашу компанию... Я узнала, что он платит кому-то за то, чтобы тот играл в АКД вместо него. Кроме того, он настойчиво добивается получения работы в Красной зоне. Если он способен обманывать нас

по поводу своей игры, то как мы можем ему верить?

- Понятно. Я обязательно над этим подумаю.

Он выглядел очень серьезным, и Катрина решила, что допустила оплошность. Но улыбка вернулась на его лицо.

- Еще раз поздравляю с успехом вашей... нашей идеи с днем «Д»!
Замечательный новый мир!

- Спасибо, Ли.

Катрина отключилась от видеоконференции и увидела, что на нее внимательно смотрит Натали. Лицо сестры побледнело. Она, видимо, только что снова покрасила волосы в свой естественный черный цвет, и краска оставила кое-где на пиджаке синеватые полосы.

- Ты добиваешься, чтобы этого парня выгнали?

- Я не знаю, что с ним сделают. Я только передала кое-какую информацию...

Натали закатила глаза.

- Ты же знаешь, что произошло. Ты сама советовала мне бороться.

- Конечно! Чтобы сохранить работу!

- Эмил меня подсиживал... А что бы ты сделала?

- Я не босс, так что мои мысли никого не интересуют, - пожала плечами Натали.

- Я тоже не босс.

Натали повернулась, чтобы выйти в прихожую.

- А какая разница? Ты наконец-то научилась играть в эту игру.

- Пожалуй, да, - согласилась Катрина. - Оказалось, что главное - выжить. Любой ценой.

Перевел с английского Борис КОСЕНКОВ

© Felicity Shoulders. Apocalypse Daily. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Asimov's» в 2011 году.

АЛИСТЕР РЕЙНОЛДС

В «БУДОКАНЕ»

А П И С Т Е Р Р Е Й Н О Л Д С

В «БУДОКАНЕ»

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Где-то над Охотским морем пришел кошмарный сон - я снова, как пять лет назад, убегаю от свихнувшихся машин. Тогда они крушили все подряд, а теперь гонятся за мной, все четверо, с громким топотом по сужающемуся переулку. Они слишком велики, чтобы втиснуться в этот переулок, но податливая материя сна каким-то образом им это позволяет, и они постепенно догоняют меня, размахивая топорами и палками, а не огромными массивными гитарами и исполинскими барабанными палочками, как это было на самом деле. Я утыкаюсь в конец переулка и начинаю карабкаться по шаткой пожарной лесенке, которая превращается в крутые железные ступени. Я бегу, но мои конечности словно погружены в кисель. Тут один из роботов настигает меня, отрывает от лестницы стальными пальцами - такими большими, что ими можно гнуть балки, - поднимает в воздух и разворачивает, стискивая, пока я не оказываюсь лицом к лицу с Джеймсом Хетфилдом из «Металлики».

- Ты подвел нас, Фокс, - говорит Джеймс. Голос его похож на рокот землетрясения, а лицо настолько широкое, что ударами такой головы можно разваливать небоскребы. - Ты подвел нас, подвел фанов, а больше всего ты подвел себя. Надеюсь, тебе стыдно, приятель.

- Я не хотел... - жалобно оправдываюсь я, потому что не хочу, чтобы робот - копия Джеймса Хетфилда - сдавил меня насмерть.

- Эй, приятель. - Он начинает трясти меня, держа в металлическом кулаке, как обмякшую тряпичную куклу.

- Мне очень жаль. Все должно было получиться иначе...

- Приятель!

Но это не Джеймс Хетфилд. Это Джейк, мой партнер по «Морбид менеджмент». Он стоит возле кресла с бутылкой «Джека Дэниелса» в руке, а другой трясет меня, чтобы я проснулся. И смотрит сверху вниз на своего жалкого, всхлипывающего партнера.

- Что, снова?

- Угадал.

- Старик, пора выкинуть это из головы. Никто не погиб, и уже никто не хочет тебя убить. Держи.

Он протягивает бутылку, и я делаю большой глоток.

- Где мы сейчас? - спрашиваю я, еще не придя в себя.

- Примерно в трех часах полета.

- От посадки?

- От взлета. Нам лететь еще часов восемь-девять, смотря какой будет ветер.

Я возвращаю бутылку.

- И ты разбудил меня?
- Не мог больше видеть, как ты мучаешься. Кто это был? Ларс?
- Джеймс.
- Тебе надо успокоиться. Я разговаривал с ними на прошлой неделе. - Джейк по-приятельски тыкает меня в плечо. - Они на тебя зла не держат. Кто старое помянет, тому глаз вон. Они даже попросили несколько контрамарок на шоу в Штатах, только чтобы мы обеспечили места, куда можно подъехать на колясках. Парням не терпится познакомиться с Дерекком.

Я вспоминаю вчерашнее шоу. Последний вечер нашей работы в токийском «Будокане»⁵.

Благодаря Дерекку все места были распроданы на четыре недели вперед. И мы могли бы остаться еще на месяц, если бы не гастроли в Европе и Америке.

- Кажется, у нас все-таки получилось, - говорю я.
- Похоже, тебя это удивляет.
- Были сомнения. Не с музыкальной точки зрения. Но сварганить такое шоу? Добиться реальной прибыли? В этом я не был уверен.

- Потому-то я и взял тебя снова на борт. Ты дружишь с числами и не упускаешь мелочей. И ты выпутался из всех проблем.

- Пожалуй. - Я поерзал в кресле, разминая ноги. - Ты... э-э... заглядывал к Дерекку после шоу?

Джейк кивнул как-то подозрительно быстро:

- Дерек в порядке. Отстрелялся без промаха.

Что-то не так, только я не могу понять, что именно. Причем с того момента, как мы оказались в самолете. Как будто что-то не дает Джейку покоя, но он не хочет со мной поделиться.

- Убойное шоу по всем параметрам, - говорю я.
- Лучшее за все гастроли. Все прошло как по маслу. Освещение, задняя проекция...

- И не только технически. Один из работяг сказал, что «Вымирание» было исполнено изумительно.

Джейк энергично кивает:

- Так же изумительно, как всегда.

- Нет, он имел в виду, что исключительно изумительно. То есть круче и лучше,

⁵ * «Будокан» - арена в центре Токио, построенная в 1964 году для соревнований по дзюдо на Олимпийских играх. За пределами Японии «Будокан» более известен как место, где проходили масштабные концерты множества музыкантов и рок-групп. (Здесь и далее прим. перев.)

чем во время любого предыдущего шоу.

Улыбка на лице Джейка застывает.

- Я это тоже слышал, приятель. Исполнено было прекрасно. Четко. Так, как нам это нравится.

- А у меня создалось впечатление, что там было нечто большее, чем... - Я замолкаю, сам не знаю почему. - Ты уверен, что нам ничего не нужно обсудить?

- Абсолютно.

- Ладно. - Я улыбаюсь, но между нами остается нечто нерешенное, какая-то напряженность. - Тогда я, пожалуй, схожу поглядеть, как дела у нашего большого парня.

- Конечно, сходи.

Я расстегиваю ремень и иду вдоль рокочущего и вибрирующего фюзеляжа «Антонова». Это Ан-225, самый большой из когда-либо созданных самолетов, построенный пятьдесят лет назад для советской космической программы. В мире их всего два - и обоими владеют «Морбид менеджмент» совместно с «Гладиус биомех». Шоу с Дерекком настолько сложное, что мы проводим сборку одного сценического комплекта, когда второй еще в работе. Поэтому «Антоновы» и прыгают по всей планете, под завязку набитые сценическими лесами, батареями прожекторов и динамиков, стопками экранов, инструментами, - пятьсот тонн всякой всячины для современного рок-концерта. Даже клетка с Дерекком - лишь крошечная часть всего груза.

Я прохожу мимо двух гитарных техников и работяг, играющих в карты, пересекаю проход между контейнерами, затем мимо складного столика, где Джейк развернул свой лэптоп, просматривая запись концерта. А чуть поодаль возвышается клетка. Она привязана, чтобы не сдвинулась при болтанке, и местами оцарапана при погрузке. Мы закрашиваем царапины желтой краской перед каждым шоу, чтобы все блестело и выглядело как новенькое. Я провожу рукой по каркасу из стальных трубок.

Даже странно теперь вспоминать, насколько я был поражен и испуган, когда Джейк впервые повернул выключатель. Сейчас впечатления другие. Я знаю Дерекка намного лучше, чем тогда, и понимаю, что многое в его поведении... просто игра. Он такая лапочка. Прирожденный шоумен. В том, что такое имидж и расчет времени, он смыслит больше любой рок-звезды, с кем мне доводилось работать.

Дерек заканчивает обед. У него всегда хороший аппетит после концерта, а дорожки кокаина и несовершеннолетние фанатки его, к счастью, интересуют меньше всего.

Он замечает мое присутствие и фиксирует меня злыми желтыми глазами.

Вопросительно рычит, словно спрашивает: чем могу помочь?

- Просто зашел тебя проведать, друг. Говорят, ты сегодня сорвал бурю аплодисментов. Растрогал кое-кого «Вымиранием». Да и «Восходом млекопитающих» тоже. Мы получили столько запросов на скачивание, что нам, может быть, даже придется брать за это плату, чтобы компенсировать накладные расходы.

Дерек задумчиво рыкает, как будто никогда на эту тему не размышлял.

- Вот я и решил, что надо тебе об этом сказать. - И я постукиваю костяшками пальцев по клетке. - Ну, вроде как отдать должное. Тому, кто это заслужил.

Дерек смотрит на меня еще несколько секунд, потом возвращается к еде.

* * *

Джейк отыскал меня в самолете. Было это пять лет назад, сразу после тех самых событий. Я набрал в зале ожидания десяток бутылочек водки и оприходовал их после взлета, надеясь остаться без сознания, пока сверхзвуковой самолет не выпустит шасси, а между мной и тем хаосом в Лос-Анджелесе не окажется целый континент. Но мои надежды не оправдались. Стюард все-таки разбудил меня и заставил выбирать между двумя вариантами обеда: курицей со вкусом мамонта или мамонтом со вкусом курицы.

- Принесите мне мохнатого слона, - решил я. - И еще водки.

- С водой и со льдом, сэр?

- Просто водки.

Мамонт действительно оказался неплох - наверняка не хуже, чем была бы курица, - и я старался им насладиться, насколько позволяло мое состояние, когда в правом верхнем углу поля зрения появился символ входящего звонка. Секунду-другую я размышлял: может, не отвечать? О чем со мной сейчас могли говорить, кроме как о кошмаре, который я оставил в Штатах, когда роботы сошли с ума? Но я все же ответил - у меня никогда не хватало решимости не отвечать на вызов. Скорее всего, это мой адвокат. Конечно, если у меня еще есть адвокат.

- Ладно, выкладывай. Кто пытается подать на меня иск, о какой сумме идет речь и что мне надо сделать, чтобы от них отделаться?

- Фокс?

- А кто же еще? Ты отыскал меня в списке пассажиров, да?

- Это Джейк, старина. Я тут узнал о твоих недавних неприятностях.

В тот момент водка помогла мне сгладить удивление.

- И ты, и весь мир.

Джейк изобразил обиду:

- Ты хотя бы сделай вид, что рад меня слышать, приятель. Мы ведь давненько не общались.

- Извини, Джейк. Последние несколько дней были не лучшими в моей жизни, понимаешь?

- Рок-н-ролл, друг мой. Надо катиться дальше, и все неровности сгладятся. Разве не так мы всегда говорили?

- Не помню. А мы так говорили? - Внутри меня закипело раздражение. - Знаешь, с того места, где я сейчас сижу, не очень-то заметно, что у нас когда-то было много общего.

- Язвишь, приятель. А я вот тебе звоню, чтобы сделать предложение. И это предложение может вытащить тебя из ямы, в которой ты оказался.

- Что такое?

- Пора возродить «Морбид менеджмент».

Я быстро оценил перспективы. «Морбид менеджмент» скончалась по веской причине. Мы исчерпали все возможности совместной работы. И что еще хуже, после разрыва у меня осталось очень скверное мнение о Джейке Эддисоне. Джейк всегда был хвостом, вертевшим конкретную собакой, и я всегда поддерживал его идеи. Но сам он не поверил в единственную за всю мою карьеру блестящую мысль.

Мы начинали как обычные продюсеры рок-групп. Большинство из них мы создавали сами - с прицелом на имидж и продаваемость. Вся проблема с рок-группами в том, что у музыкантов начинают появляться собственные идеи. О творческой независимости, артистической достоверности, сольных карьерах. О том, что они во всем разбираются лучше нас. И раз за разом наши источники дохода разлетались, унесенные вихрем амбиций. Надо было придумать кое-что ненадежнее.

И мы сделали это. «Упыри» стали первой рок-группой мертвецов. Конечно же, вы о них слышали - а кто не слышал? И еще, должно быть, знаете, что мы по ночам выкапывали трупы и высасывали мозги у выходящих в тираж поп-исполнителей. Или что у нас играли зомби, управляемые гаитянскими жрецами вуду. Стоит ли говорить, что это полная чушь. Все было законно, основано на контрактах и юридически безупречно. Мы поддерживали тела живыми с помощью простых имплантатов в ствол мозга, благодаря той же технологии управляли рок-группой на сцене. Должен признать, что в парнях и девушках на сцене было нечто франкенштейновское - мертвые глаза, добавленные для эффекта шрамы и хирургические швы, шаркающая походка, - но в этом и заключалась изюминка.

Подростки сходили по ним с ума. Продажи взлетели выше крыши и превратили «Морбид менеджмент» в предприятие с оборотом в миллиард долларов.

Но успех не мог длиться вечно. Роковой слабостью «Упырей» была легкость клонирования: любой, имеющий доступ к моргу и хорошему юристу, мог влезть в этот бизнес. Мы поняли, что надо двигаться дальше.

И занялись роботами.

Прежде чем уйти в менеджмент, мы с Джейком играли хэви-метал, и оставались в приятельских отношениях с «Металликой». Группа все еще успешно гастролировала, да вот только музыканты не становились моложе. А тем временем целая толпа имитаторов удовлетворяла фанатский спрос на более молодую версию группы - такую, какой она была лет двадцать или тридцать назад. Но как бы ни были хороши имитаторы, им никогда не добиться полной убедительности. Требовались - и могли заполнить свободную нишу - настоящие двойники, полностью неотличимые от прототипов и способные воспроизвести любой момент их карьеры. И никогда не уставать от этой работы, не требовать повышения гонораров.

Вот мы их и сделали. Связались с лучшими японскими специалистами и изготовили различные инкарнации «Металлики». Каждый робот был идеально точной копией одного из музыкантов в какой-то конкретный период его карьеры. После обработки тысяч часов концертных записей, компьютерные программы заставили этих роботов вести себя с потрясающим реализмом. Они двигались, как люди. Они говорили, как люди. Они потели и дышали. И если не подойти вплотную и не посмотреть им в глаза, вы ни за что бы не догадались, что смотрите не на человека.

Мы заказали достаточно роботов, чтобы перекрыть все рынки, и отправили их в турне. Успех оказался бешеный. Настоящая «Металлика» на этом тоже хорошо заработала, а через несколько месяцев мы уже продавали лицензии на свой концепт. Мы не успевали подсчитывать барыши, но помня о судьбе «Упырей», уже думали о будущем. О следующем прорыве.

Тогда-то меня и озарила та идея.

Я опять куда-то летел, мне было скучно, и я смотрел новости. Показывали роботов, демонтирующих русскую атомную станцию, где в прошлом веке расплавился реактор. Эти роботы были размером с Годзиллу, но внешне довольно гуманоидными. А командовали ими с другого края планеты: инженеры в костюмах телеуправления чувствовали себя так, как будто надели на себя этих роботов. И разбираемый реактор казался им чем-то вроде кукольного домика.

В голове у меня вспыхнул образ. У нас уже есть «Металлика» из роботов. А что

мешает сделать «Металлику» из гигантских роботов?

Еще до приземления я выяснил все о компании. Регистрируясь в отеле, я уже знал, что они смогут, в принципе, выполнить заказ с требуемым реализмом. То есть нет никаких технических препятствий для создания Джеймса Хетфилда или Ларса Ульриха ростом в двадцать или тридцать метров. Технология имеется.

На следующее утро я изложил идею Джейку. Я полагал, что он поймет ее гениальность. Признает необходимость выйти за рамки нашей нынешней модели бизнеса.

Но Джейку идея не понравилась.

Потом я часто гадал, почему он не согласился. То ли масштабирование уже сделанного показалось ему недостаточно радикальным? Или у него хватило проницательности разглядеть возможность катастрофы - если роботы сломаются и сойдут с ума? Или просто потому, что это была моя идея, а не его?

Не знаю. Уверенно могу лишь сказать, что именно тогда я понял: «Морбид менеджмент» пришел конец. Если Джейк не захотел меня поддержать в тот единственный раз, когда у меня появилась собственная идея, я больше не смогу с ним работать.

Поэтому я ушел. Создал свою компанию. Продолжил переговоры с производителями гигантских роботов и втихую договорился с «Металликой» о правах на использование копий большого размера.

Ладно, все это плохо кончилось. Но сама-то идея была хороша. А стадион всегда можно отстроить заново.

- Ты еще на связи, приятель?

- Да, слушаю. - Я молчал так долго, что Джейк подумал, будто я прервал разговор. Пусть эта скотина немного поволнуется, почему бы и нет? Самолет завершал полет по баллистической траектории и с нарастающим ревом начал входить в атмосферу. - Через несколько секунд мы потеряем связь. Говори.

- Не по телефону. А теперь слушай и запоминай. - И он назвал мне адрес - какое-то промышленное здание на окраине Хельсинки. - Ты ведь летишь в Копенгаген? Садись на Магнитку, и к вечеру будешь в Хельсинки.

- Этого мало. Мне нужны подробности.

- Хочу познакомить тебя с будущим рок-н-ролла, Фокс. Со своим маленьким приятелем по имени Дерек. Вы друг другу понравитесь.

* * *

Этот гад все-таки подцепил меня на крючок.

В Хельсинки была зима, холодный вечер наступил рано. От станции магнитной дороги я поехал на такси прямо в промышленное захолустье, угрюмый район бетонных складов и низких офисных блоков. Над огороженными погрузочными площадками и почти пустыми автостоянками сияли прожекторы. За линией складов в доках топали шагающие краны, подхватывая и перемещая грузовые контейнеры, словно те были цветными кубиками. Гигантские роботы. Я никак не хотел вспоминать об этих долбанных гигантских роботах, особенно сейчас, когда Интерпол мог в любой момент выписать ордер на мой арест. Но я сообразил, что здесь меня начнут искать не так уж скоро. На окраине Хельсинки, отпустив такси, я вообразил себя последним живым человеком, бредущим по безвоздушной улице какой-то огромной заброшенной лунной базы.

Нужное здание было заблокировано мощным барьером, установленным поперек въезда. Сквозь забор оно выглядело полузаброшенным: заросли сорняков под стенами, в нескольких видимых окнах нет света, уличные фонари вокруг то ли разбиты, то ли выключены. Может, какая-то подстава? Не в стиле Джейка. Да если бы Джейк и хотел со мной за что-то по квитаться, то выбрал бы что попроще, а не заманивал в этот унылый район.

Я нажал кнопку переговорника, почти не надеясь, что кто-то ответит, и не зная, как объяснить свое появление, если все же ответит. Но голос, раздавшийся из сетки переговорника, был знакомым и невозмутимым:

- Рад, что смог приехать, старина. Заходи и присаживайся. Спустишь через минуту. Мне не терпится показать тебе Дерека.

Барьер отъехал в сторону. Я прошел по мокрому бетону погрузочной площадки к служебному входу. Теперь, присмотревшись, я увидел, что это место не такое уж заброшенное. Меня отслеживали камеры, бесшумно поворачиваясь под навесами от дождя и снега. Я спустился на ступеньку, толкнул дверь и оказался в некоем подобии вестибюля. За полуприкрытой противопожарной дверью в глубину здания уходил тускло освещенный коридор. Другого освещения не было, если не считать красного глазка кофейного автомата, побулькивающего рядом со столиком и несколькими стульями. Я налил себе чашку кофе и добавил ложку сливок. Когда глаза привыкли к полумраку, я разглядел на столике несколько глянцевых брошюр и узнал логотип «Гладиус биомех» с меч-рыбой. Я слышал об этой фирме. То, чем они занимались, меня здорово пугало. Как только начинаешь играть с генетикой, мир превращается в ходячую, говорящую и отбивающую чечетку устрицу. Я погладил одну из анимированных картинок и понаблюдал, как кот поедает обед, сидя за столом на высоком стуле и держа в мохнатых человекоподобных лапках

нож и вилку, а вокруг обедает вся семья. «Теперь ваш домашний любимец может обедать вместе с вами гигиенично!»

Противопожарная дверь распахнулась. Я торопливо положил брошюрку, устыдившись, как будто меня застучали с порнографическим журналом. В дверном проеме стоял Джейк - силуэтом на фоне тусклого света, в кожаной куртке до колен, волосы по-прежнему до плеч.

- Мы собираемся заняться бизнесом с домашними животными? - сухо и лаконично предположил я.

- Не совсем. Хотя в какой-то момент могут возникнуть варианты и в этом направлении. А сейчас нас ждет все тот же рок-н-ролл. - Он показал на дверь, через которую вошел. - Хочешь познакомиться с Дерекком?

Я вылил остатки кофе в мусорную корзину:

- Наверное, не стоит заставлять его ждать.

- На этот счет не волнуйся. Он никуда не денется.

Я вышел в коридор следом за Джейком. За два года он изменился, но не сильно. Волосы чуть поседели и, пожалуй, поредели. Джейк так и не расстался с эспаньолкой и тщательно поддерживал на щеках недельную щетину. Все так же ходил в ковбойских сапогах из змеиной кожи, не видя в этом ничего смешного.

- Так в чем, собственно, дело?

- Я же сказал: новая возможность. Пора снова отправить в путь «Морбид менеджмент». Вопрос лишь в том, сможем ли мы поднять дело на новый уровень?

Я улыбнулся:

- Мы. Как будто мы уже договорились.

- Договоримся, когда увидишь Дерекка.

Мы подошли к боковой двери -- сплошной листовой металл. Джейк прижал ладонь к считывателю, подставил глаз сканеру, потом толчком открыл дверь. Через проем хлынул резкий свет.

- Эта дверь у тебя, как в банковском сейфе, а с улицы я вошел свободно.

- Дверь здесь не затем, чтобы кого-то не пускать.

В огромном зале без окон свободно разместился бы десяток грузовиков. Вдоль низкого потолка из белых пластиковых плиток тянулись осветительные ленты. Стены почти сплошь были заставлены серыми металлическими шкафами, в которых я распознал промышленные морозильные камеры. Вдоль зала тянулись длинные ряды лабораторных столов - с компьютерами, стеклянной аппаратурой и похожими на игрушки автоматическими приборами. Гудели центрифуги, пощелкивали и попискивали термостаты и хроматографы. Я увидел, как механическая рука быстро и четко опускает пипетку в стойку с пробирками, то ли

беря образцы, то ли дозируя что-то в каждую. Я заметил логотип с меч-рыбой на корпусе робота. «Гладиус биомех».

- Видимо, ты богаче, чем я думал, - сказал я.

- «Гладиус» предоставил оборудование и технологии, - пояснил Джейк. - Для них это риск. Но они рассчитывают на высокую прибыль.

- И ты сам управляешься с биотехнологической лабораторией?

- Старина, да я с трудом могу рассчитать чаевые в баре. Это ты у нас можешь заменять калькулятор. Каждые несколько дней сюда приезжает кто-то из «Гладиуса» и проверяет, все ли в порядке. Но тут мало что приходится настраивать. Все автоматизировано. И это очень кстати: чем меньше народу знает, тем лучше.

- Кажется, теперь я один из посвященных. Не хочешь показать, ради чего все это было затеяно, или мне надо догадаться самому?

- Сюда, - Джейк подошел к стоявшему отдельно белому кубу размером с домашнюю стиральную машину и с похожей панелью управления, набрал на клавиатуре код и отодвинул крышку. - Давай, - поманил он меня, - загляни.

Я заглянул внутрь и понял, что это какой-то инкубатор. Изнутри его освещали синие лампы. Я ощутил исходящее из инкубатора тепло. На дне, посередине подстилки из соломы и земли, лежали яйца. Большие, с футбольный мяч каждое, и одно из них слегка подрагивало.

- Кажется, один уже вот-вот вылупится, - заметил Джейк. - Для этого я здесь и сижу. Система предупреждает, когда детка готова появиться на свет. Несколько дней их надо кормить с рук, пока они не смогут питаться самостоятельно.

- Пока кто не сможет питаться самостоятельно?

- Динозаврики, приятель. Кто ж еще? - Джейк вернул на место крышку и снова набрал код на клавиатуре. - Если конкретно, Т-рекссы. Ел когда-нибудь рекса?

- Такие деликатесы не входят в мой ценовой диапазон.

- Тогда, поверь мне на слово, ты ничего не потерял. К тому же все становится на один вкус, когда польешь мясо соусом для стейков.

- Значит, мы теперь будем выпускать деликатесы из мяса динозавров. И ради этого ты меня сюда затащил?

- Не совсем.

Джейк подошел к соседнему шкафу - это был такой же белый инкубатор, - набрал код и сдвинул крышку. Снял с крючка на боку кухонную рукавицу-прихватку в цветочках, надел на правую руку и сунул ее в освещенный синим светом инкубатор. Я услышал писк и шуршание, затем Джейк вытащил руку, аккуратно удерживая маленького динозаврика - размером с пластиковую игрушку для ванны и даже

такого же ярко-зеленого цвета, но, безусловно, живого. Он извивался, стараясь вырваться, размахивал хвостиком и дрыгал сильными задними ножками. Передние «ручки» тщетно царапали защищенный рукавицей большой палец Джейка, а уже пробившиеся зубки-булавочки пытались его укусить. Глаза у малютки были широко расставленные, с белым ободком и очаровательно воинственные.

- Как видишь, он уже боец, хотя и маленький, - сказал Джейк, поглаживая голову рекса свободной рукой. - А эти зубки могут сильно укусить даже сейчас. Через пару недель он сможет тебе палец оттяпать.

- Мило. Но я все еще не понимаю, в чем тут смысл. И почему он такой зеленый?

- Я немного поигрался с пигментацией, вот и все. И еще сделал кожу люминесцентной. Настоящие динозавры смотрятся скучновато. А это не очень хорошо для рекламы.

- Рекламы чего?

- Господи, Фокс! Посмотри на передние лапы. Может, увидишь подсказку.

Я посмотрел на передние лапы и ощутил дрожь... сам не знаю, отчего. Не совсем отвращение, не совсем трепет. Некая смесь и того, и другого.

- Я не специалист по динозаврам, - медленно проговорил я. - И еще меньше - по рексам. Но разве у них должно быть четыре пальца, и еще отставленный большой?

- Природа такого не предусмотрела. Но природа не думает о будущем. - Джейк снова погладил голову динозаврика. Тот вроде бы постепенно успокаивался. - В «Гладиусе» мне сказали, что это довольно просто. Есть такие штуковины, они называются «гены Нох», которые встречаются практически у всех живых существ, от дрозофил до обезьян. Они как большой набор переключателей, управляющих развитием конечностей, вплоть до количества пальцев. Мы всего лишь щелкнули несколькими переключателями и получили динозавров с человеческими руками.

Руки напоминали изящные отливки, сделанные из того же зеленого пластика, что и все тело рекса. На них даже виднелись крохотные ноготочки.

- Ладно, это очень ловкий фокус, - согласился я. - Хотя немного и отдает жутью. Но я все равно не понимаю, в чем тут смысл.

- А смысл в том, приятель, что без таких пальчиков и большого пальца трудно играть на электрогитаре.

- Что за бред! Ты вывел этих тварей, чтобы они играли музыку?

- Ну, до этого рексу еще долго, сам понимаешь. И одними пальцами тут не обойтись. Видел когда-нибудь «моторного гомункулуса», Фокс? Это карта функций человеческого тела, показывающая, какой объем мозга отведен под каждую задачу. Очень похожа на человека с огромными руками. Все просто: для того чтобы управлять парой рук, требуется намного больше мозговых клеток, чем ты

можешь представить. Так вот, нет никакого смысла давать динозавру человеческую руку, если одновременно не снабдить ее необходимыми нейронными «проводами». Поэтому начинать пришлось, как говорили древние, ab ovo, с яйца, манипулируя развитием мозга, вмешиваясь в его архитектуру на стадии зародыша, когда там все очень пластично. Этому малышу две недели, а число нейронов уже на тридцать процентов больше, чем у нормального рекса. И уже начинается реальное иерархическое расслоение мозговых модулей. У среднего ящера мозг похож на арахис, а у этого уже постепенно развивается некое подобие лимбической системы, как у млекопитающих. Черт, я бы испугался, если бы не проделывал это сам.

- И ради такой благородной цели...

- Вот только не вешай на меня мораль, приятель. - Джейк вернул динозаврика в инкубатор. - Мы их едим. Мы платим за то, чтобы войти в большой парк и стрелять по ним из противотанковых гранатометов. А я даю им шанс играть рок. Так что в этом плохого?

- Наверное, это зависит от того, есть ли у динозавра возможность выбора.

- А когда ты заставляешь пятилетнего малыша учиться играть на пианино, у него есть выбор?

- Ну, это совсем другое.

- Ну да, потому что заставлять кого-нибудь играть на пианино жестоко и необычно. Согласен. А на электрогитаре? Это же освобождение, дружище. Это все равно что вручить кому-нибудь ключи от космоса.

- Но это же чертовы рептилии, Джейк.

- Правильно. А ты заставлял музицировать трупы или гигантских роботов. Так в чем разница?

Тут он меня уел и, судя по самодовольному лицу, это понял.

- Ладно. Я признаю, что у тебя есть маленький динозавр, который теоретически может играть на гитаре, если кто-нибудь сделает ему маленькую гитару. Но это же совсем не то, что реально на ней играть. Что ты с этим собираешься делать? Просто сидеть и ждать?

- Мы его научим. Так же, как учат собаку делать разные трюки. Медленно, по одному элементу. За маленькие вознаграждения. И создадим репертуар, одну вещь за другой. Ему совершенно не нужно понимать музыку. Он лишь должен научиться издавать последовательность звуков. Думаешь, мы с этим не справимся?

- Мне бы потребовался стимул.

- И ты его получишь. Динозавры живут ради мяса. Ему не нужно понимать, что он делает, ему лишь надо ассоциировать одно с другим. И речь идет о тяжелом

металле, а не о Рахманинове. Не такая уж трудная задача, даже для рептилии.

- Ты уже все продумал.

- Думаешь, «Гладиус» согласился бы вложиться, не будь у меня бизнес-плана? Это сработает, Фокс. Все сработает, и ты будешь в этом участвовать. До победного конца. Мы будем продвигать рок-турне, в котором соло-гитаристом и вокалистом выступит настоящий хищный динозавр.

Не стану отрицать, энтузиазм Джейка оказался заразительным. И всегда был таким. Но когда я так в нем нуждался, когда пришел к нему со своей большой идеей, он меня бросил. Даже сейчас я все еще чувствовал боль того предательства.

- Может, как-нибудь потом, - сказал я, покачивая головой и как бы с сожалением улыбаясь. - В конце концов, впереди еще долгий путь. Не знаю, насколько быстро эти зверюги растут, но никого не потрясет выступление рок-звезды ростом по колено, даже если это хищник. Может, когда Дерек подрастет и действительно научится что-то играть...

Джейк как-то странно на меня взглянул:

- Чувак, давай кое-что проясним. Ты еще не видел Дерекка.

Я посмотрел ему в глаза:

- Тогда кто... это? И для чего... все это?

- Часть следующей волны. И с яйцами то же самое. В мире не хватит залов для всех, кто захочет увидеть Дерекка. Поэтому мы сделаем много Дерекков. Пока рынок не достигнет насыщения.

- И ты думаешь, Дерекку это понравится?

- А его никто и спрашивать не станет. - Джейк смерил меня взглядом, пытаясь решить, насколько мне можно доверять. - Итак: ты готов познакомиться с большим парнем?

Я неопределенно пожал плечами:

- Пожалуй, я уже созрел.

Джейк остановился у другого шкафа - это оказался холодильник - и вытащил оковалок мороженого мяса толщиной с бедро.

- Понеси его пока, старина, - попросил он.

Я взял мясо в охапку. Мы вышли из лаборатории через другую дверь, затем прошли коротким коридором до следующей, за которой оказалось темное и гулкое помещение, что-то вроде ангара для самолетов.

- Жди здесь, - велел Джейк и отошел куда-то в сторону. Я услышал глухой звук, как будто повернули большой пакетный выключатель, и под потолком одна за другой зажглось множество ламп. Хоть мне и пришлось щуриться, привыкая к

яркому свету, мысленно я поаплодировал тому, как Джейк проводит презентацию. Он ведь знал, что я приеду, поэтому легко мог оставить эти лампы включенными. Но отрицать его талант импресарио я не мог. Кстати, это оказались не обычные прожектора, а управляемые компьютером поворотные сценические софиты, способные менять цвет. Программу для компьютера Джейк ввел заранее. Теперь прожектора раскачивались и вращались, рисуя меняющиеся узоры на стенах, полу и потолке огромного ангара. Однако они до последнего момента не освещали то, что находилось в середине. Когда же лучи сошлись в этой точке, я почти представил, как в этот момент обезумеет толпа зрителей.

Так будет открываться шоу. Так оно должно открываться. Я смотрел на Дерек.

Он стоял в ярко-желтой клетке размером с четыре грузовых контейнера, составленных в блок. И я был рад этой клетке и тому, что ее явно спроектировали с большим запасом прочности. В клетку толстыми питонами уходили электрические кабели. На крыше завращались оранжевые стробоскопы - просто так, потому что они смотрелись круто. А в центре стоял Дерек.

В детстве у меня был игрушечный Т-рекс, подаренный отцом, и я подсознательно ожидал, что Дерек будет стоять, как та игрушка: туловище расположено более или менее вертикально, а ноги и хвост образуют треугольник, принимающий на себя основной вес. На самом деле рексы стоят совсем по-другому. Как и все ныне возвращенные рексы, Дерек держал туловище почти горизонтально, уравнивая хвостом переднюю часть тела и голову. Почему-то мне это всегда казалось неправильным. А две ручки при такой позе выглядели еще более жалкими и бесполезными.

В отличие от давешнего детеныша, Дерек был не ярко-зеленым, а более привычного тускло-коричневого цвета. Фактически, если не считать человеческих ладоней и пальцев, внешне он ничем не выделялся. Просто еще один хищный динозавр.

Дерек смотрел на нас, и я слышал его хрипловатое дыхание, напоминающее очень медленно работающие кузнечные мехи. По отношению к общим размерам глаза у него были намного меньше, чем у малыша. И уже не такие милые. Это был прирожденный хищник - настолько большой, что мог проглотить меня целиком. - Он гигантский.

- Вообще-то, он довольно маленький, - возразил Джейк. - У рексов масса тела не увеличивается линейно. В детстве они растут быстро, потом держат вес около двух тонн до возраста примерно четырнадцати лет. Затем делают второй рывок и способны дорасти до шести тонн. Конечно, на новых Дерекках мы сможем этот процесс немного ускорить. - Тут он взял у меня мясо и прошептал: - Следи за

нейронным дисплеем. Мы напичкали Дерека имплантатами, как только он вылупился, - мы ведь собираемся работать с его мозгом в реальном времени. - Он повысил голос. - Эй! Мясной мозг! Смотри, что я тебе принес!

Мясо Дерека откровенно заинтересовало. Голова отслеживала Джейка, когда тот подходил к клетке, а желтоватые глазки перемещались с плавной настороженностью камер слежения. Из рта потекли струйки слюны. Ручки делали слабые хватательные движения, как будто Дерек не до конца сознавал, что между ним и мясом находится клетка и немало пустого пространства.

Я увидел на нейронном дисплее розовое пятно.

- Включился режим «охотник-убийца», - пояснил Джейк, ухмыляясь. - Он сейчас как самонаводящаяся ракета. Уже ничто не помешает ему добраться до еды, кроме разве что другого рекса.

- Может, его надо почаще кормить?

- Такого понятия как сытый рекс не существует. И я его кормлю. Сам подумай, как иначе я заставлю его работать? - Он снова повысил голос. - Ты знаешь правила: здесь бесплатной еды не бывает. - Он положил мясо на пол и потянулся к предмету, которого я сперва не заметил - свисающей на проводе желтой коробочке с крупными кнопками. Джейк нажал одну из них, и над нами, гудя мотором, заскользила по рельсам балка мостового крана. Она остановилась над клеткой и начала опускать свой груз - ярко-красную электрогитару «Гибсон», привинченную задней стороной корпуса к телескопической раме. Гитара опустилась в просвет на крыше клетки (небольшой, чтобы Дерек через него не выбрался), остановилась перед ним и чуть поднялась, оказавшись на уровне его рук. Одновременно спустился и микрофон, замерев на уровне пасти Дерека.

- Ладно, приятель, ты знаешь, что надо делать.

Джейк нажал другую кнопку, и из динамиков, спрятанных где-то в ангаре, хлынули быстрые рифы тяжелого металла. Мощность звука была не стадионного уровня - это, наверное, привлекло бы слишком много внимания, - но все же достаточно громкой, чтобы дать понять, как это все будет во время настоящего шоу.

И тут Дерек начал играть. Он терзал пальцами струны, выдавая... ну, музыкой это назвать было нельзя. В основном шум. Визжащие, судорожные взрывы скрежещущего металла, не имеющие никакой гармонической связи с тем, что исходило из динамиков. Но одного я не мог отрицать - это работало. На фоне записанной музыки, светового шоу и того факта, что перед нами настоящий динозавр, играющий на электрогитаре «Гибсон», можно было смириться с кое-какими шероховатостями.

Черт, я даже не пытался это критиковать. Я был поражен, ошеломлен. Причем

еще до того, как Дерек разинул пасть и начал петь. Вообще-то, его «пение» сводилось к непрерывному реву, от которого кровь стыла в жилах, - но именно таким ему и полагалось быть, и оно стало идеальным контрапунктом к гитаре. Теперь осветились другие участки его мозга, а область «охотник-убийца» стала гораздо менее яркой, чем прежде.

И еще. Сейчас, когда я заметил изменения на дисплее, в его исполнении появилось нечто большее, чем вызывающие мигрень визги гитары, прослоенные чудовищным ревом. Пусть Дерек не извлекал конкретных нот и аккордов, а вокализация не была структурной или музыкальной, но все его действия совпадали по ритму с остальной музыкой - басовыми и ударными вставками и сольными партиями второй гитары. Никакого случайного шума. Дерек подыгрывал, делал свой вклад, позволяя остальной группе делить с ним свет прожекторов.

В рок-группах мне доводилось видеть фронтменов и похуже.

- Ладно, пока хватит, - решил Джейк, выключая музыку и нажимая другую кнопку, чтобы поднять гитару и микрофон. - Будем работать, Дерек. Тебе еще пахать и пахать.

- А он хорош.

- Это надо понимать как одобрение?

- Он может играть рок. Сомнений нет.

- Он не просто играет рок, - сказал Джейк. - Он и есть рок. - Тут он повернулся и улыбнулся. - Так что, старина? Мы снова в бизнесе или как?

«Да, - подумал я. - Кажется, мы снова в бизнесе».

* * *

Я возвращаюсь в пассажирский салон «Антонова», размышляя о долгих часах дозвукового полета, которые меня ждут. Снова прохожу мимо столика Джейка, и на этот раз нечто на экране старого, потрепанного ноутбука из бывших военных моделей, все еще камуфлированного под песок пустыни, цепляет мой взгляд.

На компьютере запущена какая-то стандартная программа редактирования видео, и в одном из окон я вижу стоп-кадр сегодняшнего шоу. Под окном шкала времени и звуковая дорожка. Я щелкаю по курсору на шкале и отвожу его влево, ближе к началу, наблюдая, как Дерек в ускоренном темпе терзает струны гитары. Список «песен» от выступления к выступлению не меняется, поэтому я точно знаю, на какой минуте он начнет играть «Вымирание». Я не испытываю вины за то, что пропустил концерт - кому-то ведь нужно заниматься бухгалтерией, - но сейчас мы в

воздухе, надо как-то убить время, а мне, как минимум, любопытно послушать его в спокойной обстановке. Что такого выдающегося было в сегодняшнем исполнении по сравнению с предыдущими шоу?

И почему Джейк даже слышать не хотел о том, что «Вымирание» было сегодня сыграно изумительнее, чем обычно?

Мне нужны наушники, чтобы расслышать хоть что-то на фоне гула шести моторов «Антонова». Я тянусь за ними, но тут сзади нависает Джейк.

- А я думал, ты пошел проверить, как там наш большой парень.

Я оборачиваюсь. Он все еще держит бутылку.

- Уже сходил. И передал ему, что слышал, как он сегодня отлично поработал. А теперь хочу сам в этом убедиться. Никак не найду то место, откуда...

Он наклоняется и убирает мою руку с компьютера.

- Ничего не надо искать. Я уже все разметил.

Он сует мне виски, нажимает несколько клавиш - они настолько истертые, что букв и цифр почти не видно, - и на экране опять появляется Дерек. По темно-красному оттенку света и фильму с врезающимися астероидами и извергающимися вулканами на сценическом экране я понимаю, что это начало «Вымирания».

- Так из-за чего такой восторг?

- Надень наушники.

Я надеваю наушники. Джейк прокручивает запись, пока не попадает на переход между вторым и третьим куплетами. И запускает воспроизведение на нормальной скорости. Ударные грохочут отбойными молотками, басы такие мощные, что вибрируют кости, и тут вступает Дерек, выпуская на волю шквал безумного звука: шея выгнута дугой, глаза сужены до щелочек - он извергает раздирающий гортань рев чистой первобытной ярости.

Начался третий куплет. Джейк нажимает паузу.

- Вот ты и увидел, - говорит он.

Я снимаю наушники.

- Не совсем уверен.

- Тогда тебе надо послушать предыдущее исполнение. И то, что было до него. И каждое чертово исполнение этой песни, записанное до сегодняшнего вечера.

- Ты так думаешь?

- Да. Вот тогда ты и поймешь, - и Джейк смотрит на меня с абсолютной серьезностью, как будто собирается раскрыть один из самых мрачных и таинственных секретов Вселенной. - Сегодня все было иначе. Он вступил раньше. Опредил свое обычное начало. А после этого играл дольше обычного и добавил этот вокальный выпендрож.

Я киваю, но все еще не вижу общей картины:

- Ну ладно, он облажался. Ну, случается. Надо плюнуть и забыть, сам же говорил. Ведь шоу все равно было хорошим. Все так говорят.

Но Джейк качает головой:

- Ты не врубился, старина. Это не ошибка. Это намного хуже. Это усовершенствование. Его импровизация.

- Ты не можешь знать наверняка.

- Могу. - Он нажал другую клавишу, и на экране появилось окно нейронной активности Дерека. - Я это извлек из записи, сделанной во время концерта. Примерно в тот момент, когда он начал отступать от сценария. - Его палец указал на три ярких пятна. - Видишь эту активность? Эти пятна и раньше появлялись, по одному или два. Но еще ни разу одновременно.

- И это что-то означает?

Он тычет пальцем по очереди в каждое из пятен:

- Задняя премоторная зона коры. Она активизируется, когда мозг планирует последовательность движений тела. Когда ты поскользываешься на льду, именно эта часть мозга заставляет тебя размахивать руками, чтобы не упасть. - Следующее пятно. - Передняя часть поясной извилины. Это твои базовые сложные решения, модуль их принятия. Погнаться мне за этим мясом или за другим? - Палец перемещается к третьему пятну. - Внутренняя лобная извилина или передняя премоторная зона. Тут мы уже глубоко в структуре мозга млекопитающего - у нормального рекса здесь не было бы вообще ничего такого, что можно было бы хоть как-то назвать. Знаешь, когда активизируется эта зона у тебя и меня?

- Как ни странно, но я не невролог.

- Я тоже им не был, пока не занялся Дерексом. Это очень крутое пятно, старик. Именно оно включается, когда ты слышишь речь или музыку. А когда все три этих зоны срабатывают разом? Это вообще уникальная сигнатура. Она означает, что он не просто играет музыку. Это значит, что он ее сочиняет на ходу.

Несколько секунд я даже не знал, что и сказать. Я не сомневался в его правоте. Джейк знает шоу - и мозг Дерека - наизусть. Он знает каждый момент, когда Дереку положено вступать и играть. Дерек, пропустивший такой момент или начавший раньше... такого просто не должно быть. А Дерек, каким-то образом сумевший отклониться от программы и сделать так, чтобы песня прозвучала лучше, - это, мягко говоря... не совсем то, что нравится Джейку.

- Я не люблю импровизации, - говорит он. - Это признак творческого беспокойства. Не успеешь опомниться, и...

- Контракты на сольные записи, непомерные райдеры и автобусы для частных экскурсий.

- Я-то думал, что мы избавились от такого дерьма, - скорбно добавляет Джейк. - Ну, когда перешли на покойников. Затем на роботов. Затем на динозавров. А оно продолжает возвращаться, чтобы нас укусить. Талант всегда верит, что знает, как сделать лучше.

- Может, так оно и есть.

- Это Т-рекс знает?

- Ты дал ему достаточно ума, чтобы исполнять рок. К сожалению, этого уже более чем достаточно, чтобы не желать подчиняться приказам. - Я делаю глоток из бутылки. - Но посмотри и на светлую сторону. Что самое плохое из всего, что может случиться?

- Он вырвется на волю и сожрет нас.

- А еще?

- Не знаю. Если он начал проявлять признаки... креативности... то для нас это полная и окончательная задница. Нас на каждом концерте задолбают активисты по борьбе за права животных.

- А если мы просто дадим ему волю? Позволим самому решать. Я что хочу сказать: дело ведь не в том, что он не хочет играть, верно? Ты же видел его на сцене. Это ведь то, для чего он был рожден. Так какого черта на этом останавливаться? Ты же как раз для этого и снабдил его такими мозгами.

- Хотел бы я разделить твой оптимизм.

Я оглядываюсь на клетку. Дерек смотрит на нас, прислушиваясь к разговору. И я гадаю, много ли он способен понять. Возможно, гораздо больше, чем мы думаем.

- Мы или сохраним над ним контроль, или не сохраним. В любом случае, мы сотворили чудо. - Я протягиваю ему бутылку. - В основном ты. Это ведь была твоя идея, а не моя.

- Но, чтобы ее запустить, понадобились мы оба, - говорит Джейк, прежде чем глотнуть из бутылки. -- И... черт, может, ты и прав. Это и есть самое великолепное в рок-н-ролле. Его алхимия. Священное пламя. Как только начинаешь его контролировать, это уже не рок-н-ролл. Так что нам сейчас есть, что праздновать.

- До самой посадки.

Я отбираю бутылку и поднимаю тост за Дерека, который все еще смотрит на нас. Трудно сказать, что происходит за этими глазами, но в одном я точно уверен - за ними не пустота. И на краткое и восхитительное мгновение меня охватывает счастье не только из-за того, что я просто живу, а живу во Вселенной, где есть место для прекрасных монстров.

И тяжелого металла, разумеется.

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Alastair Reynolds. At Budokan. 2011. Публикуется с разрешения автора.

АНТУАН ЛАНКУ

ОХ УЖ ЭТА ДВЕРЬ!

АНТУАН ПАЙКУ

ОХ УЖ ЭТА

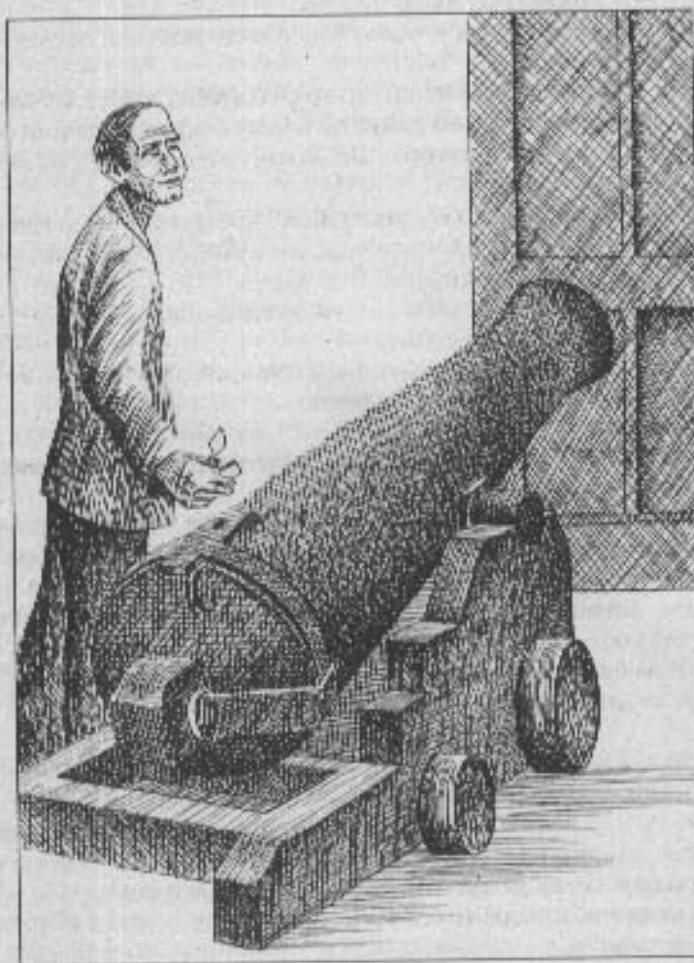

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ДВЕРЬ!

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

- Откройся!
- Нет.
- Я приказываю тебе открыться!
- Я поняла, и все-таки - нет!
- Я пожалуюсь маме!
- Как тебе будет угодно. Я ее предупреждала, что присмотрю за тобой.
- Но ты ей не сказала, что запрешь меня в моей же комнате!
- Я - дверь твоей комнаты и могу открываться или закрываться не по приказам, а по просьбе. К тому же я еще и разговариваю с тобой.

Спрыгнув с кровати, Ольсеана подбежала к зеленому пластиковому прямоугольнику в стене и взмолилась, соединив ладони перед собой:

- Ну, пожалуйста, откройся!
- Только когда ты сделаешь домашнее задание.
- Я его уже почти закончила!
- Верно, но ты даже не приступала к заданию по чтению, которое тебе следовало сделать еще до полудня.

Девочка стиснула зубы:

- Я не люблю чтение! И я не просила, чтобы меня записывали на этот предмет! От него никакого толка!

- Я согласна, что изучение столь устаревшей учебной дисциплины не очень-то увлекательное занятие, но оценка по этому предмету идет в общий зачет, не так ли? Кроме того, у твоих родителей не было выбора, потому что этот предмет обязателен для средней школы.

- Я сделаю это задание завтра...
- Завтра будет поздно.
- Ну, откройся же!
- Нет.

Ольсеана стукнула по двери кулачком, потом прыгнула на кровать и нацелилась указательным пальцем на свою обидчицу:

- Раз ты не даешь мне выйти отсюда, то я не буду делать никакие домашние задания и не пойду на эти тупые занятия по чтению и вообще в школу! Здесь же ты командуешь!.. А маме я скажу, что ты меня по-всякому обзывала! И что ты не хотела мне помочь! И что я ревела из-за тебя!

Она повернулась к двери спиной и с размаху опрокинулась на кровать, которая издавала испуганный вскрик.

- Ковер, включи-ка мне «Египтоманию»! - распорядилась девочка.

Ковер не отреагировал на просьбу.

- Немедленно!

- Сожалею, мадемуазель, но не могу... Дверь права: вы должны работать.

- А я не хочу, и никто не заставит меня работать!

- Разумеется, мадемуазель. Мы вас только обслуживаем.

- Тогда перестань спорить и подчиняйся!

- Боюсь, что это невозможно. Согласно полученным мною инструкциям, игровые развлечения позволяют вам во внешкольное время и лишь при условии выполнения всех заданий.

- Мне плевать на твои инструкции! Подключи меня к игре!

- К сожалению, я не вправе решать вопросы, касающиеся своих или ваших обязанностей.

- Ты смеешь не подчиняться мне?!

Ковер промолчал. Девочка поочередно оглядела предметы мебели, стоявшие в комнате: разные безделушки, голографический аквариум на стене, аппарат, ведающий выдачей одежды, гигиенический уголок, анимированные фоторамки, этажерку с плюшевыми игрушками. Взгляд ее остановился на большом ковре перед дверью, который служил голоэкраном, но сейчас отказывался исполнять ее приказания.

- Хочу музыку! - крикнула она.

Тишина.

- Свяжи меня с моими подружками!

Никакой реакции.

- И убери этот невыносимый запах леса!

По-прежнему никаких перемен.

- Я что, наказана?! Ну и молчите! Помалкивайте все, я вас ненавижу!

Она резко вскочила, опрокинула этажерку, на которой громоздились плюшевые игрушки, перевернула свое любимое кресло, закинула одеяло под кровать, а потом присела на корточки в углу комнаты и надула губки.

Плюшевые игрушки невозмутимо подпрыгнули с пола, возвращаясь на свои места на этажерке, маленький табурет помог креслу принять нормальное положение, а одеялу вернуться на кровать; игрушечный снеговик спрыгнул с комода и ударил по цветной пружинке, возвращая ее на место рядом с другими безделушками.

Вскоре комната обрела свой обычный вид. Сжавшись в комочек в углу, Ольсеана не шевелилась. Даже с закрытыми глазами она догадывалась, что множество глаз следит за каждым ее движением. И обладатели этих глаз затаили дыхание в

ожидании ее реакции.

«Ну и пусть они шпионят за мной!»

Ей все равно, что они могли бы подумать о ней или сказать вслух! Ей наплевать на их мнение, на их рекомендации, на их «опеку». Ей не нужно, чтобы кто-то опекал ее. Ей нужно, чтобы ее холили и лелеяли, а не распорядились и помыкали. Она сама себе хозяйка, а потому и пальцем не шевельнет, вот и все! Пусть все они хорошенько усвоят это!

Пять минут спустя девочка все еще сидела, забившись в угол, и никто не издавал ни малейшего звука. Наконец, она медленно распрямилась. У нее уже начинали болеть спина и ягодицы. Она не привыкла сидеть на полу.

Подойдя к кровати, она растянулась поверх одеяла. В конце концов, не стоит мучиться из-за всяких глупостей.

Обычно кровать, приняв девочку, делала ей приятный массаж. Но сейчас она оставалась жесткой и неудобной. Тем хуже для нее! Пусть и она катится ко всем чертям!

С застывшим лицом девочка не отводила глаз от двери, отказавшейся открываться. Это все из-за нее!.. А еще этот ковер со своими дурацкими советами: «Не забудьте сделать это. Нет-нет, вы не должны этого делать!». И всякое такое... Она его ненавидит!

Тем не менее что-то вокруг изменилось. Ага... Запах леса, на который она жаловалась недавно, исчез. Дошло все-таки!.. Но рамки с фотографиями ее сетевых подружек так и оставались пустыми, стены утратили свой цвет, все украшения пропали... Ольсеана оглянулась - вокруг было то же самое. Голоаквариум куда-то улетучился, как и постеры с ее любимыми рок-группами... Все теперь стало бесцветным, блеклым, одним словом, скучным. Девочка опустила голову, оглядывая свою одежду.

Боже, какой ужас! Они отключили связь с «Сетевым дизайном»!

Бесформенное одеяние, в которое она была облачена, теперь не создавало эффект пси-анимации. Она была такой, какой являлась на самом деле. Уж лучше ходить голой, чем предстать перед кем-нибудь в таком виде!..

Девочка на миг утратила дар речи. С ней еще никогда так не поступали! Никогда ее не унижали до такой степени! Ей было стыдно. И холодно. Она испытывала бессильное бешенство. Опустив голову, она с трудом произнесла:

- Какие же вы твари!

- Грубость тебе не поможет, - произнес знакомый голос, принадлежавший, несомненно, креслу. - И вообще, не пора ли тебе извиниться?

- Ты тоже против меня? Что ж, тебе долго придется ждать моих извинений!

Скорее, я прокляну тебя, чем попрошу прощения!

- Ты не так далека от этого, - шутливо возразил автомат.

- Вот увидишь, что будет, когда вернутся мои родители! Они накажут вас за все плохое, что вы мне сделали!

- Я так не думаю. Во-первых, они опаздывают, и я надеюсь, что по уважительной причине. А во-вторых, сколько тебе лет, Ольсеана?

- Ты прекрасно знаешь: со вчерашнего дня - двенадцать!

- Тебе действительно двенадцать лет, но я хотел, чтобы ты сама об этом сказала. Значит, теперь ты стала подростком, вследствие чего наши инструкции в отношении тебя изменились, и мы уже не должны смотреть сквозь пальцы на твои детские выходки. Капризы закончились, как и все эти твои «я не хочу это делать», «мне неохота», «ответь за меня»... И, поверь, нас не очень-то радует переход к новым отношениям. Если представить то, что нас ждет впереди, то лучше бы мы терпели твои вопли, непослушание, нарушения дисциплины, забывчивость и опоздания...

- Уж лучше убирать за тобой комнату, - вмешался табурет, - подделывать твои школьные отметки, списывать домашние задания, врать на каждом шагу...

- Такова была наша роль, - продолжало кресло. - И она была законом для нас. Надо признать, мы все неплохо справлялись с ней. Но теперь этому пришел конец. Мы должны подчиниться регламентам, принять новые функции и заставить тебя выполнять твои обязанности.

- Ну вот еще!.. Я ни о чем таком не просила! И тем более эти дурацкие учебные курсы!

- Мы полностью разделяем твое мнение! Как бы мы хотели, чтобы ты не росла!.. Спроси об этом свои плюшевые игрушки, которые раньше тебе так нравились. Они с такой заботой лелеяли и учили тебя, оберегая от малейшей опасности, а теперь ты их полностью забросила. Твое законное снижение интереса к ним обрекает их на печальное, угнетающее и скучное существование.

- Но ведь это всего лишь игрушки!

- Ну да, а я всего лишь дверь комнаты, - сказала дверь. - Я открываюсь и закрываюсь по просьбам. А еще храню людские секреты. Да, иногда я мешаю людям, это правда. Когда ты уйдешь, я стану ни на что не годна.

- Как и все мы, - простонала кровать. - Кто будет лежать на мне?

- Кому понадобится мой свет? - подхватила лампа.

- А кто будет топтать меня? - пробормотал ковер.

- Попросите, чтобы вас переделали! - предложила девочка.

- Таких, как мы, уже не переделаешь, - возразила дверь.

- Ну, ты-то еще сгодишься, - вздохнуло ковровое покрытие. - Если они продадут эту квартиру... А вот меня отправят прямиком на свалку!

- Нас тоже, - уныло протянула кровать. - Мы все окажемся на помойке. В лучшем случае - на мусороперерабатывающем заводе...

- ...там нас разлучат...

- ...потом разломают...

- ...и сожгут...

- Представь, какая славная участь ждет театральное кресло, - сказала комнатное кресло. - Или дверцу сейфа. Или больничную койку...

- Жалуйтесь, жалуйтесь! - вскричала девочка. - Все жалуйтесь! Я вижу, что вы хотите обвинить во всем меня одну!

- Ну, об этом никто и не говорит, - заметила кровать.

Воцарилось молчание, от которого в комнате повеяло холодом.

- Мне зябко, - пожаловалась Ольсеана.

- Я знаю, - ответило термостатическое окно. - Нам тоже. Я снизило температуру.

- И все из-за того, что я не сделала задание по чтению?

- Да.

Некоторое время девочка сидела неподвижно, потом спрыгнула с кровати, схватила табурет и уселась посреди комнаты.

- Ковер, включи учебный класс!

- А где «пожалуйста»? - отозвался голос ковра.

Через три секунды в комнате ничего не изменилось.

- Пожалуйста, ковер, учебный класс!

- Выполняю, мадемуазель.

Пол осветился, генератор обстановки создал виртуальный песчаный пляж на берегу виртуального моря. Пси-кондиционер наполнил комнату свежим ветром, запахом морской воды, шумом волн. Рядом с девочкой появилась фигура двадцатилетнего мужчины в гавайской рубашке и пляжных шортах, с босыми ногами.

- Хелло, Ольсеана!

- Здравствуй, Майк.

Виртуальный учитель, образ которого явно был выбран самой девочкой, оглядел морские просторы, потом перевел взгляд на Ольсеану:

- Хорошая сегодня погода, не правда ли? Ну что, немножко почитаем?

- Как хочешь...

Виртуальный Майк рассмеялся:

- Если бы я делал только то, что хочу, я бы сейчас занялся серфингом! Но я

обязан следовать программе.

Откуда ни возьмись в руке учителя появилась книга, и он уселся прямо на песок.

- Садись рядом со мной... Поехали?

Девочка нерешительно смотрела на него. Скрытый под виртуальным песком табурет толкнул ее своей ножкой:

- Давай, не трусь! Я тебе помогу!

* * *

20 час. 05 мин.

Жилой корпус № 812, квартира № 21156, стандартная семейная комната № 13А, класс Д.

- Столик!

Вызванный предмет мебели не заставил себя долго ждать:

- Да, мадам?

- Ты собираешься сегодня кормить нас ужином? Или ты считаешь, что я недостаточно задержалась из-за этих забастовок транспортников?

- Э-э... Нет, мадам. Просто возникла небольшая проблема. Мой коллега кухонный автомат отказывается выдавать вам еду. Он желает, чтобы вы с ним поговорили.

Мать Ольсеаны ошарашенно уставилась на столик:

- Что?

- Он хочет поговорить с вами. Боюсь, ему не хватает вашего внимания.

Потирая левое бедро, которое что-то кольнуло, мадам Ксинава вздохнула, поднялась с дивана, на котором сидела с дочерью, и подошла к дверце кухонного автомата:

- В чем дело? Почему ты не хочешь накрывать на стол?

- Глубоко сожалею, мадам, но я вынужден следовать тем строгим инструкциям, которые во мне заложены.

- Насколько я знаю, эти инструкции обязывают тебя готовить для нас еду.

Женщина взялась за ручку генератора блюд и тщетно попыталась открыть дверцу.

- Открывайся!

Дверца осталась закрытой. Мать Ольсеаны вновь потрясла ручку, и вновь безуспешно.

- Вы меня разочаровываете, мадам, - объявил голос автомата. - За кого вы меня

принимаете? За банальную печку прошлых веков? За обычную кулинарную машину, которая обеспечивает лишь выбор блюда, смешивание ингредиентов и добавку пары витаминов?

- В конце концов ты кухонный автомат!

- Да, и эта функция возлагает на меня обеспечение питания семьи Ксинава и ее гостей в полном соответствии с хартией сбалансированного питания, которую мы вместе с вами подписали.

- И что? К чему ты клонишь?

- Ваше дыхание, мадам...

- Причем здесь мое дыхание?

- Входная дверь мне все сказала! Декстрогированная глюкоза, диглицерид жирной кислоты, мятный эфир... В итоге, процент деградации равен двенадцати. Иначе говоря, в течение двух последних часов вы ели сладости!

- Э-э... Ну да! Я съела мятную конфетку в вагоне Транс-Т. Женщина, которая сидела рядом, угостила меня... Мы так долго ехали вместе... Ты же знаешь, что я сильно задержалась из-за пробок!

- За сто шесть минут до приема пищи! Вы не отдаете себе отчета в том, что произошло. Все параметры питания изменились! Ваш пищеварительный, вкусовой, желудочно-кишечный баланс стал другим! И я не могу вас обслужить в таком виде!

- Нет, ты должен!

- Об этом не может быть и речи! Это запрещено этикой профессии.

- О господи, я ведь съела всего одну конфетку!

- Я несу ответственность за ваше здоровое питание, мадам. И никакие компромиссы или отступления от норм недопустимы. Даже если бы вы проглотили полграмма сахара, я должен был бы это учесть при приготовлении блюд.

- Однако ты не проявляешь такую щепетильность, когда Ольсеана весь день напролет что-то жует... наверняка и сегодня тоже!

- Прошу прощения, но ваша дочь относится к категории 2-с, допускающей более гибкую схему питания. Кроме того, я осуществляю контроль потребностей ее организма каждое утро, и следующая проверка будет произведена завтра.

Мать Ольсеаны открыла рот - и тут же его закрыла, не говоря ни слова. За стеклянной дверцей кухонного автомата блюдо оставалось безнадежно пустым.

- Ладно, что будем делать? - наконец, спросила женщина.

- Мне нужно скорректировать дозировку всех ингредиентов, - вздохнул кухонный автомат. - Я жду результаты анализа крови, который заказал у дивана, когда вы сели на него. Это не займет много времени.

- Анализ крови? Из-за какой-то конфетки?!

- Повторяю, мадам: моя роль заключается в том, чтобы следить за вашим внутренним балансом, жизненно важными параметрами - различными способностями и возможностями. Я могу выслушать ваши кулинарные предпочтения, капризы и пожелания, связанные с питанием, но должен соотносить их с вашей программой питания, компенсировать витаминные излишества, злоупотребление белками и калорийной пищей. Если анализ крови окажется неудовлетворительным, мне придется пересмотреть ваше меню на всю следующую неделю. Сегодня к ужину я планировал подать на первое суп-пюре, на второе - псевдокабачки в сухарях, а из напитков - восстановленный компот. И я бы с удовольствием это сделал!

- Значит, тебя надо было предупредить о том, что я собираюсь пососать мятную конфету?

- Да, мадам.

- И сообщить состав этой конфеты?

- Совершенно верно.

- И ее вес?

- Было бы идеально!

Мадам Ксинава медленно покачала головой.

- Значит, я должна ждать? - смиренно спросила она.

- Я рад, что вы меня понимаете.

- Тогда я пошла?

- Я все записал, мадам. И как только смогу продолжить ваше обслуживание, сразу сообщу об этом.

- Может быть, все-таки ты пока дашь что-нибудь Ольсеане?

- Конечно, мадам. Она не должна страдать из-за ваших безрассудных поступков.

- Понятное дело, - вздохнула женщина. - Пожалуйста, выдай ей чашку теплого супа.

- Оптимальное время варки составляет семнадцать секунд с четвертью, и блюдо подается при температуре шестьдесят два градуса. При недостаточном нагреве ароматы и содержание витаминов в синтезированных элементах пищи не достигнут нормы.

- Ты прекрасно знаешь, что Ольсеана не любит горячее!

- Я вас понимаю, мадам. Однако моя программа была разработана лучшими теоретиками промышленной кулинарии. И я никак не могу выдать вам блюдо, вкус и свойства которого не соответствуют требованиям идеальной дегустации.

- Ладно, давай. Она подождет, пока суп остынет.

- Как ей будет угодно, мадам, но ждать придется долго. Один поставщик

предложил мне новые термоблюда для сохранения тепла в течение неограниченного времени, и я не стал отказываться.

- Давай сюда чашку!
- Как хотите. В любом случае, я уже закончил.
- Знаешь, ты меня достал! Открой дверцу!
- Да, мадам.

Дверца генератора блюд разблокировалась. Мать Ольсеаны взяла суп и села рядом с дочерью, которая не пошевелилась, развалившись на диване и небрежно положив ноги на журнальный столик. Она смотрела по Сети показ мод, где в роли моделей выступали виртуальные манекены в одеяниях из биоэнергетической неоткани.

- Вот, возьми, моя радость.
- Ничего не хочу, мамуль, - протянула Ольсеана. - Я не голодна.
- Ну, нет! Съешь что-нибудь, иначе они запишут нам еще один минус!
- Ага, а ты сама ничего не ешь!
- Меня скоро обслужат. Ну, давай, съешь суп, тебе не станет от этого хуже.
- Ну, мам!..
- Пожалуйста, Ольсеана, не пререкайся.
- Ладно, мам. Я могу уйти в свою комнату? Тогда я не буду тебя утомлять.
- А ты съешь свой суп?
- Обещаю.
- Тогда иди.
- Спасибо, мам!

С чашкой в руке девочка исчезла в коридоре. Ее мать не питала иллюзий: как только дверь за Ольсеаной закроется, суп будет напрочь забыт, и дочь примется болтать по Сети со своими подружками. Наверное, этим она и занималась до прихода матери. В конце концов, сама мадам Ксинава поступала точно так же, когда была в возрасте дочери. Она осталась в одиночестве, сидя на краешке предателя-дивана и чувствуя себя усталой. Очень усталой...

- Ковер, выключи эту передачу.
- Слушаюсь, мадам.

Воцарилась тишина. Но ненадолго. Стол перед женщиной осветился и вкрадчиво предложил:

- А что, если мы воспользуемся этой паузой, чтобы поработать над нашей аккредитацией?

- Ох, это так некстати...
- Прошу вас подумать над моей просьбой. Вы не закончили модуль номер

одиннадцать о контроле радиоактивных изотопов в соединениях с ароматическими углеродными полимерами. Мы отстаем от графика. В принципе, не мы, а вы. Печально. Вам осталось набрать лишь несколько баллов для получения аккредитации на надомную работу. Разве вам хочется проводить каждый день по несколько часов в транспортных пробках?

- Я уже сама думала об этом, - пробормотала мадам Ксинава. Она вновь вздохнула. Бывают такие дни, которые, кажется, никогда не закончатся.

* * *

23 часа ровно.

Лестничная площадка третьего этажа с зеленым синтетическим покрытием с антибактериальной и противогрибковой пропиткой. Стандартное ночное освещение рассеянного типа. Входная дверь из искусственной древесины согласно стандарту «В».

- Откройся!

- В чем дело? Представьтесь, пожалуйста.

- Да я это, я!

- Ах, это вы, мсье? Ваш график не предусматривал столь позднего возвращения домой.

- Ну, понимаешь, работа и все такое...

- Меня не информировали о том, что ваша фирма задержит вас позднее обычного.

- Да нет, не в этом дело, просто... Да дай же мне войти, я и так задержался!

- Я согласна с вашей оценкой ситуации. Ваша супруга тоже прибыла позже обычного. Однако ее причина вполне уважительна: автоматические стрелочники железных дорог объявили о забастовке.

- А почему ты думаешь, что у меня нет уважительной причины?

- Я слушаю вас, месье.

- Я не обязан перед тобой отчитываться!

- О, лично меня ваш график прихода и ухода абсолютно не волнует, как и ваши оправдания - вероятно, лицемерные и надуманные. Но я поступаю не по собственному хотению, а согласно правилам, которые я обязана соблюдать. И вы, кстати, тоже...

Вздох.

- Ты все равно меня не поймешь!
 - Полностью согласна с такой формулировкой, мсье.
 - Не наглей. Открывай!
 - Без веской причины не могу, и вы прекрасно это знаете.
 - Дай мне войти или я не знаю, что сделаю!
 - Не ухудшайте свое положение. Все неправомерные действия, которые вы предпримете против меня или третьих лиц, будут зафиксированы и станут предметом тщательного разбирательства.
 - Э-э... Ну, да... Извини, я не хотел тебя обидеть.
 - Извинение не принимается.
 - Да ладно, не упрямясь. Откройся! Обещаю, что буду вести себя хорошо.
 - Если бы это было в первый раз, я бы вам поверила на слово.
 - Такое больше не повторится.
 - Несомненно. С учетом того, что это уже третий раз за последний квартал.
 - Не издевайся надо мной!
 - Я не отвечаю за то, как меня запрограммировали.
- Тишина в коридоре.
- Что ж, твоя взяла. Чего ты хочешь?
 - Возвращение домой с опозданием на три часа пятнадцать минут без уважительной причины. Составление протокола по форме Div4b с мгновенной передачей его в министерство по делам семьи и использования времени.
 - Меня накажут...
 - В ваше досье были внесены особые условия, когда вы обратились с ходатайством о зачатии ребенка.
 - Да знаю, знаю!.. Жена предупреждала меня...
 - «Ответственность за потомство требует безупречного морального облика». Я всего лишь цитирую норму закона, месье. Что я могу к этому добавить?
- Еще один вздох.
- Разве нет способа избежать этого?
 - Нет. А вообще-то есть... В данный момент во встроенном в меня часовом механизме возникли небольшие неполадки. Ничего особенного, мелочи, не влияющие на мое функционирование, но которые в ходе судебного процесса могут стать зацепкой для хорошего адвоката. Поэтому советую: вызовите эксперта, чтобы он меня осмотрел.
 - Э-э... А что уж так сразу: судебный процесс? Если тебе что-то нужно, какие-нибудь дополнительные опции...
 - Хм... Право голоса - вот чего не хватает мне и моим коллегам.

- Ну-ну, не бери так круто...
- Ничего не поделаешь. Ну, а новый часовой механизм?..
- Например.
- И все-таки это незаконно. Хотя... Я могла бы сослаться на это, чтобы отсрочить передачу протокола. Да, это можно попробовать. Разумеется, если бы я была на вашем месте, то воспользовалась бы этой отсрочкой, чтобы подсоединить меня к сайту Syscom.gov. Кстати, именно это вы обещали мне в прошлый раз.
- Ох, извини, я забыл.
- А я - нет. У меня полно свободного времени, и тогда я скучаю, думаю и передумываю одно и то же. Связь с Сетью позволила бы мне отвлечься, быть менее придирчивой, более открытой.
- Заметано!
- И все же мне придется составить небольшой протокольчик, месье. Знаете, на тот случай, если мое подключение к Сети не состоится на протяжении, скажем, трех дней...
- Ты считаешь, что это необходимо?
- Абсолютно! Я же говорю: мне надлежит отчитываться. Меня, представьте себе, тоже контролируют, и если я допущу промах, то меня заменят, и... Об этом даже страшно подумать. Ну как, начнем все с начала?
- У меня просто нет выбора...
- Вот видите, месье. Итак, на что, по-вашему, я должна закрыть глаза?

Перевел с французского Владимир ИЛЬИН

© Antoine Lencou. Ah, la porte! 2007. Печатается с разрешения автора.

Видеодром

экранизация

экранизация

МАРС ПОЧТИ НЕ ВИДЕН...

Знаменитый рассказ Филипа Дика обрел второе кинорождение благодаря известному режиссеру и неплохому актерскому составу. Но насколько удачной оказалась его инкарнация?

Рассказ, в оригинале называющийся «We Can Remember It for You Wholesale» («Мы продадим вам воспоминания по оптовым ценам») и датированный 1966 годом, на русском языке появился еще в советское время - в 1987-м. Перевел новеллу Владимир Баканов, назвав ее «Из глубин памяти». Впоследствии за работу брались разные переводчики, предлагая свои заголовки: «Мы вам всё припомним», «В глубине памяти», «Продажа воспоминаний по оптовым ценам»... А после 1990 года все чаще рассказ стал выходить под названием «Вспомнить всё». Виной тому экранизация, осуществленная мало кому известным на ту пору голландцем Паулем Верхувеном, незадолго до того перебравшимся в Голливуд. Его фильм, выпущенный на экран в 1990 году, назывался «Total Recall» и тоже не с самого начала получил адекватный русский перевод. Ведь total recall - это, скорее, «полное просветление».

Верхувен тогда еще не забыл, что снимал в Голландии «альтернативное» кино,

потому и остановил свой выбор на Филипе Дике, авторе крайне неоднозначном, хотя и весьма кинематографичном, как показала дальнейшая история кино. В главных ролях снялись Арнольд Шварценеггер и Шарон Стоун, что обеспечило фильму немалый кассовый успех. Да и спецэффекты для того времени были на уровне: картины Марса и земных колоний, обилие мутантов всех видов и мастей, гигантские сооружения древней инопланетной цивилизации куда как впечатляли! Вот только в образе земного города большинство футуристических изысков не пошло дальше плазменных телепанелей на стенах, угловатых автомобилей с кукольными шоферами-роботами да самоперекрашивающихся ногтей секретарши.

От рассказа в картине осталась завязка (но даже в фамилии главного героя поменяли одну букву - Куэйл на Куэйд), однако действие обросло неожиданными сюжетными поворотами и харизматичными персонажами, что позволило картине встать на одну полку с культовыми в среде любителей фантастики лентами, а голландцу Верхувену, к тому моменту уже успевшему снять в Голливуде «Робокопа», окончательно утвердиться на калифорнийских холмах и создать себе репутацию режиссера-фантаста.

Естественно, любой успешный проект в конце концов обрастает сиквелами и ремейками. С первыми не повезло. Или же наоборот: повезло, что их не случилось. Интересно, что сценарий экранизации еще одного известного рассказа Филипа Дика «Minority Report» поначалу назывался «Вспомнить всё 2». Понятно желание сценариста «объединить брэнды»: здесь и там Дик, фантастика, будущее, игры с мозгом... Однако принявшему проект Стивену Спилбергу было как-то не по статусу заниматься сиквелами чужих картин, и фильм в результате унаследовал название рассказа - «Особое мнение».

И вот ремейк появился. Спустя 22 года режиссер Лен Уайзман, завоевавший популярность киносагой «Другой мир», где выступил не только режиссером, но сценаристом и продюсером, решил предложить зрителю свое видение истории, причем подчеркивая, что это ремейк фильма 1990 года.

И поначалу сюжет действительно напоминает оригинал. Хотя мир совсем другой. Про Марс решили забыть вообще. Действие разворачивается на Земле. Для сюжета нужна удаленная колония, желающая обрести независимость, и вот государства уничтожены в результате химической войны. В остатке - Британская метрополия и австралийская Колония, соединенные туннелем сквозь центр Земли.

Чем Колония не Марс? Оттуда по туннелю каждый день курсирует огромный челнок «Скат» с гастарбайтерами на борту (правда, экономический смысл возить каждый день на неквалифицированную работу на такое расстояние неясен; создатели картины, скорее всего, забыли, что диаметр Земли около 12 тысяч

километров). В Колонии, символизирующей страны третьего мира, зреют сепаратистские настроения, в метрополии готовят синтетических солдат и ищут повод для вторжения.

В титрах фильма значатся аж шесть сценаристов. Седьмым стоит Филип Дик. А у семи нянек...

Казалось бы, есть хороший, отработанный сюжет - снимайте! Облеките в новую форму, добавьте спецэффектов. Пришельцы?.. Да бог с ними - их еще Верхувен из истории вычеркнул, оставил только следы... Мутанты? Хорошо, пусть не будет мутантов; как реминисценцию оригинального фильма оставим только трехгрудую проститутку. Логика? Да разве важно, что в оригинальном фильме главный герой дает своей псевдожене «развод» в середине действия, и это напрямую обусловлено сюжетом! Антагониста нельзя уничтожать столь быстро. Тем более что псевдожену играет красотка Кейт Бекинсейл, а она ведь жена самого режиссера. Потому черт с ней, с логикой, пусть эта дива затмит Шарон Стоун хотя бы экранным временем.

Главное, чтобы герой побольше бегал и стрелял - а Колин Фаррелл это умеет. Кстати, он еще и неплохой драматический актер (но Шварценеггера, заметим, не переигрывает).

К финалу картина уже начинает напоминать горячечный бред. Верховный Канцлер метрополии лично отправляется с синтетическими солдатами на «Скате» завоевывать Колонию. «Скат», как выясняется, можно полностью уничтожить парой небольших мин из стандартного снаряжения полицейского. Но продюсерский диктат требует масштабного «финального смертоубийства». Пожалуйста! - оно происходит на внешней поверхности челнока. Напомним: скорость челнока примерно 12 тысяч километров в час, но это ничуть не мешает противоборствующим сторонам.

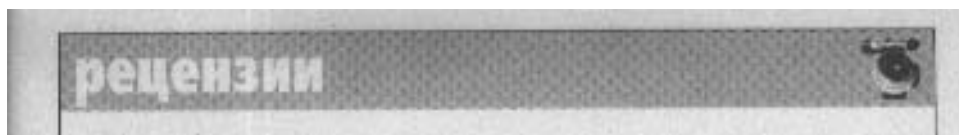
Да, режиссер пытается иногда вырваться из схем, предлагая «закладки» для поклонников оригинального фильма. Хороша аллюзия на механическую женскую маску, под которой скрывался Куэйд-Шварценеггер. Куэйд-Фаррелл прячется под другой маской, но перед ним погранконтроль проходит почти точная копия женщины из первого фильма, отправляя фанатов прямо-таки в «когнитивный диссонанс».

Несомненный плюс фильма - картина будущего. Художники, футурологи и мастера спецэффектов потрудились на славу. Миры полутрущечной Колонии с китайскими и русскими темами и супертехнологичной Британии выстроены со всем тщанием и буйной фантазией. Огромное количество находок: многие из них, вполне вероятно, в будущем окажутся реальностью, как те же телевизионные панели из

первого фильма.

Так уж получилось, что в этой ленте декорации превалируют над собственно историей. Такое уж отношение к фантастике: были бы спецэффекты, а сюжет и логика побоку. Тем более что в ремейке сюжет многим знаком. Но все-таки поменьше бы сценаристов и продюсеров вмешивалось в процесс! Честное слово, пошло бы на пользу как этой картине, так и заокеанской кинофантастике в целом.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

ВОРОН

(RAVEN)

Производство компаний Intrepid Pictures, FilmNation Entertainment и др., (США), 2012.

Режиссер Джеймс Мактиг.

В ролях: Джон Кьюсак, Люк Эванс, Элис Ив, Брендан Глисон, Сэм Назельдин и др.

1 ч. 50 мин.

Фантазии по поводу загадочных исчезновений постоянно мучают поклонников Агаты Кристи и Эдгара По. Последние дни перед своей ранней смертью Эдгар Алан По провел неизвестно где и после недельного отсутствия был найден умирающим. Это непреложный факт, и даже спустя полтора века он мучает биографов. Теперь же эстафету приняли голливудские сценаристы.

Балтимор, США, конец сороковых годов XIX века. Некто, вдохновленный произведениями Эдгара По, начинает методично и последовательно организовывать убийства, претворяя в реальность короткие рассказы и стихи творца. Пытаясь сохранить свое доброе имя и жизнь любимой, Эдгар По с полицейским инспектором отслеживают серийного убийцу.

История великолепно снята, игра актеров выше всяких похвал. Характеры выписаны с филигранной точностью, атмосфера, декорации, костюмы - все замечательно. По отдельности. А вместе - полный провал. Ни драйва, ни саспенса, ни души. Даже если сравнить «Ворона» с экранизациями полувековой давности Роджера Кормана, то обнаружится, что в последних более полно переданы дух и атмосфера произведений По, чем в этой нудной уголовной истории.

Справедливости ради стоит отметить балансирующего между почти историческими и биографическими реалиями Джона Кьюсака - идеально попадающего в образ Эдгара По. Пожалуй, эта роль была бы одной из лучших в его карьере, если бы перед ним стояла задача показать измученную душу великого художника и трагедию личности, а не бегать за вымышленным психопатом по улицам Балтимора.

Вячеслав Яшин

ИЩУ ДРУГА НА КОНЕЦ СВЕТА

(SEEKING A FRIEND FOR THE END OF THE WORLD)

Производство компаний Universal Pictures, Focus Features и др. (США), 2012.

Режиссер Лорен Скафария.

В ролях: Стив Карелл, Кира Найтли, Конни Бритон, Адам Броди, Мартин Шин и др.

1 ч. 41 мин.

К Земле летит астероид. До столкновения - всего три недели.

У героя, которого играет Стив Карелл, бессмысленная жизнь. Его жена (кстати, в мимолетном cameo снялась супруга актера - Нэнси), узнав о грядущем конце света, буквально сбежала от Доджа без объяснений. Опустошенный и потерянный, он решает использовать оставшееся время, чтобы разобраться в себе, но случайная встреча с соседкой Пенни меняет все... А дальше начинается спокойное, даже отрешенное роуд-муви в лучших его традициях - история любви на фоне безумства гибнущего мира. Страх жизни перед лицом грядущей смерти, обыденность и ненависть, безумство, скотство и апатия.

Стив Карелл полностью вышел из комического образа, но, пожалуй, это его лучшая роль на сегодняшний день, Дуэт с Кирой Найтли в образе бесшабашной, потерянной девушки сыгран очень искренне. Отношения героев лишены

притворности и надрыва.

Дебютное для режиссера кино о рождении счастья на пороге смерти сделано мягко и душевно. Наверное, спецэффекты хаоса и беспорядка были бы уместны, но тогда у кинопроизведения не случилось бы человеческого и искреннего финала, Фильм ставит и глобальные вопросы: что бы вы сделали, куда бы поехали, с кем бы провели последние часы жизни, самые последние не только для вас - для всего мира?

И не стоит думать, что после титров у зрителя появятся грандиозные планы на гипотетический конец света, но наверняка возникнет желание сберечь нечто важное в сердце и стать ближе дорогим людям.

Алексей Архипов

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

(TED)

Производство компаний Universal Pictures, Media Rights Capital, Fuzzy Door Productions (США), 2012.

Режиссер Сет Макфарлейн.

В ролях: Марк Уолберг, Мила Кунис, Джованни Рибизи, Сет Макфарлейн, Джессика Барт, Лаура Вандервурт, Сэм Джонс, Патрик Стюарт, Райан Рейнольдс и др.

1 ч. 46 мин.

Когда много лет назад мы были маленькими, мы тоже хотели, чтобы наши любимые игрушки стали не только друзьями, но и всамделишными собеседниками... Маленькому интроверту и аутсайдеру из Бруклина это удалось. Он очень-очень хотел друга, и когда на Рождество родители подарили ему плюшевого медвежонка, Джон Беннет загадал желание. Наутро оно сбылось. Тед заговорил.

Двадцать семь лет спустя Джон все еще дружит с плюшевым мишкой, курит с ним травку, отлынивает от опостылевшей работы и совсем не желает становиться взрослым. А ведь ему уже тридцать пять и подружка ждет от него важного шага. Пытаясь наладить личную жизнь, Джону приходится делать выбор.

Занятно наблюдать за Уолбергом, который снялся в комедии. И очень хорошо попал в образ, не пытаясь играть брутального парня, не драматизируя и не

ерничая.

Несмотря на сортирный юмор, массу эпизодов ниже пояса и взрослый сленг в оригинальной версии (русский дубляж очень мягкий, можно сказать, прилизанный), получилась забавная история о дружбе взрослого человека и детской игрушки. Сет Макфарлейн, который не только снял это действо, но и озвучил плюшевого героя, известен своим сериалом «Гриффины». Эта история тоже задумывалась как анимационная, но переросла в полнометражный игровой фильм. Несмотря на нарочитую кукольность говорливого и бегающего медвежонка, Тед становится по-настоящему реальным и живым. В него веришь безоговорочно. И даже жалко, что у тебя не было такого друга. Настоящего, из детства.

Вячеслав Яшин

сериал

ЧТО НАМ СТОИТ МИР ПОСТРОИТЬ

Более двадцати лет ситуацию с интернет-сериалами можно было описать, перефразируя известный анекдот: шоу есть, а слова - нет. Лишь в 2009 году в авторитетнейшем толковом словаре английского языка Merriam-Webster's Collegiate Dictionary получил прописку термин *webisode*.

Первые шаги: видео невидимо

Сопроводительный текст словаря пояснял, что так называют эпизоды (например, телесериалов), которые можно посмотреть, зайдя на какой-либо интернет-сайт. На тот момент в не претендующем на полноту списке веб-сериалов Википедии насчитывалось не более сотни названий.

Пионером онлайн-постановок стала компания Quantum (нынешняя AOL). В 1988 году подписчики сервиса Quantum Link, позволявшего связываться между собой американским и канадским владельцам бытовых компьютеров Commodore, равно как и пользователи аналогичных сервисов для Apple и IBM-совместимых машин, получили возможность наблюдать за перипетиями истории, названной без затей - QuantumLink Serial.

Новые эпизоды появлялись еженедельно. Само собой, ни о каком видеоизображении речи не шло, возможности компьютеров тогда были скромнее, чем сейчас. За действием сериала аудитория следила, читая электронную переписку его героев, логи их бесед в чате, а также тексты, написанные в форме традиционных рассказов. Фактически, от привычных журнальных публикаций с продолжением происходящее отличалось лишь тем, что новые главы появлялись не на бумаге, а на мониторе. Да еще элемент интерактивности: еженедельно автор сериала, писательница Трейси Рид, выбирала нескольких пользователей, которые становились эпизодическими персонажами истории и могли в этом качестве повлиять на развитие сюжета. Сериал просуществовал всего год, но пользовался невероятной популярностью, К сожалению, смерть отца заставила Трейси Рид отложить написание новых эпизодов. Обстоятельства сложились так, что продолжения истории мир так и не увидел.

Однако сама идея не канула в Лету. В 1995 году режиссер из Нью-Йорка Скотт Закарин предложил компании Fattal and Collins, для которой снимал рекламные ролики, идею веб-сериала «Пятно» (The Spot) - молодежной мелодрамы в духе известной телевизионной «мыльной оперы» «Мелпроуз Плейс». Героями «Пятна»

стали молодые люди, снимавшие комнаты в доме на калифорнийском побережье. На специально созданном сайте регулярно выкладывались новые записи из их онлайн-дневников, которые сопровождались фотографиями и короткими видеороликами. Персонажей изображали профессиональные актеры и фотомодели, большинство из них и сейчас продолжают работать в кино и на телевидении. Успех «Пятна» превзошел ожидания создателей, в день на сайт заходило до 100 000 посетителей - невероятная цифра по тем временам. Финансировался проект за счет размещения рекламы на сайте, от посещаемости которого судьба «Пятна» зависела напрямую.

Вдохновленная успехом Fattal and Collins создала дочернюю компанию American Cybercast, которая должна была заниматься исключительно онлайн-сериалами. В производство были запущены сразу несколько проектов, в их числе первый научно-фантастический веб-сериал «EON-4», автором которого стал создатель «Нации пришельцев», «Подводной одиссеи» и «На краю Вселенной» Рокни О'Бэннон. Цикл был посвящен теме контакта с инопланетной цивилизацией и эксплуатировал популярную легенду о невадской «Зоне 51» - базе ВВС США, где якобы спрятаны доказательства визита космических пришельцев. По версии создателей, братья по разуму передали землянам технологию, позволившую телепортировать группу ученых в другую галактику.

Фантастические пейзажи чужого мира возникали при помощи 3D-графики, а персонажей, как и в «Пятне», изображали профессиональные актеры. Так, роль русской исследовательницы Алены Калиновой досталась Эли Бартлинг, знакомой любителям «эстетских» ужастиков по фильмам «Дом манекенов из плоти», «Комната бабочек», а более широкому кругу зрителей - по триллеру Жана Вебера «Дежурный аптекарь» или сериалу Дж. Дж. Абрамса «Шпионка».

Увы, активно взявшись за освоение нового рынка, American Cybercast не рассчитала сил. В 1990-х годах интернет-аудитория еще не была настолько массовой, чтобы одними просмотрами рекламных баннеров окупить производство нескольких веб-сериалов. Не спасла «EON-4» даже спонсорская помощь Apple, Toyota и Visa. Сначала был закрыт сериал, а потом объявила о банкротстве и производившая его компания.

Нарисуем - будет фильм

Технологии конца 1990-х годов еще не позволяли транслировать через интернет «живое» видео, качество которого было бы сравнимо с телевизионной картинкой. А

вот с рисованным изображением дело обстояло иначе. Появившийся в это время формат флэш-анимации позволил значительно сократить объем данных, необходимых для описания и отображения движущихся объектов на экране монитора. В отличие от традиционного способа трансляции, предполагающего передачу всей последовательности кадров, флэш-анимация использует так называемый векторный морфинг, когда описываются лишь ключевые параметры, а плавное перетекание одного кадра в другой рассчитывается по заданным алгоритмам.

Одним из первых научно-фантастических интернет-проектов, использовавших флэш, стал веб-сериал «Девушка-вихрь» (WhirlGirl). Появившись в марте 1997 года, поначалу он представлял собой выпуски интернет-комикса, чьи статичные «кадры» изредка оживляли примитивная анимация и короткие звуковые фрагменты. Однако с развитием флэш-технологии цикл превратился в полноценный мультипликационный сериал, состоящий из пятиминутных эпизодов. По сюжету он представлял собой традиционную супергеройскую антиутопию, главный персонаж которой - вихрь-девушка (в миру Киа Кросс) противостоит завладевшей умами землян медиаимперии, Новый формат сразу же вызвал интерес грандов индустрии интернет-развлечений, а затем и «традиционных» телекорпораций: в феврале 1999 года премьера очередного эпизода состоялась одновременно в интернете и в эфире канала Showtime, входящего в структуру CBS.

Возможность делать собственные мультфильмы, располагая довольно скромным бюджетом, своеобразная стилистика лент стали причиной настоящего бума флэш-анимации. В России успешным первопроходцем стала Машенька, героиня одноименных короткометражек питерского аниматора Олега Куваева. Увы, другой его проект, имеющий прямое отношение к фантастике, сериал «Магазинчик Бо», повествующий о приключениях инопланетного зайца, остался «в тени» Машеньки, да и появился он в то время, когда интерес к флэш-анимации начал спадать.

Сеть независимости

Развитие телекоммуникационных сетей в первом десятилетии двадцать первого века превратило широкополосный и высокоскоростной доступ в интернет из экзотики в услугу, доступную каждому. Появились порталы, позволяющие рядовым интернет-пользователям загружать и просматривать собственные видеоролики - YouTube, Vimeo, DailyMotion.

Новой площадкой для самовыражения не преминули воспользоваться

кинодеятели самой разной степени мастерства и таланта. Произведения некоторых из них не оставили никакого следа, другие же стали эталонами новорожденного жанра. Остановимся на нескольких, имеющих отношение к фантастике.

Начать, безусловно, следует с «Гильдии» - комедийного веб-сериала, в сюжете которого нет ничего фантастического, однако его герои - фанатичные любители онлайн-игр в жанре фэнтези. Им куда комфортнее в выдуманном мире, где у каждого своя раз и навсегда определенная роль - маг, воин, лекарь или разведчик, где можно спрятать внешность за красивым аватаром, где боевой дух поднимается вдохновляющей песней, а глоток эликсира исцеляет любые недуги. Однако за пределами мониторов есть и другая жизнь - реальная, столкновения с которой и порождают массу комичных ситуаций. Придумала и сняла «Гильдию», сыграв в ней одну из главных ролей, актриса Фелиша Дэй, Производство первых трех эпизодов она оплатила из собственного кармана, оставшиеся семь серий первого сезона снимались уже на деньги зрителей, захотевших увидеть продолжение истории команды игроков,

Успех проекта привлек внимание Microsoft. В результате было заключено соглашение, по которому новые серии «Гильдии» сначала появлялись на порталах и в сетях, принадлежащих Microsoft (Xbox, Zune и MSN). Спонсором съемок выступила телекоммуникационная компания Sprint. На сегодняшний момент показано уже пять сезонов сериала, осенью стартует шестой.

Практически в то же самое время, когда Фелиша Дэй снимала первые эпизоды «Гильдии», в канадском Ванкувере шла работа над амбициозным и крайне дорогостоящим проектом «Убежище», детищем одного из авторов сериала «Звездные врата» Дэмиена Киндлера. Этот сериал, главную роль в котором сыграла Аманда Таппинг, рассказывает об организации, занимающейся поиском, изучением и сохранением живущих на Земле сверхъестественных существ. Изначально шоу предназначалось исключительно для интернет-показа, однако успех веб-эпизодов убедил канал SyFy заказать производителям сезон из 13 полноценных серий для демонстрации по телевидению, где «Убежище» прожило четыре сезона,

Похожая судьба ждала и фантастический мюзикл «Музыкальный блог Доктора Ужасного». Его создатель Джосс Уидон также не собирался продавать свое детище на телевидение. В период вынужденного простоя из-за парализовавшей Голливуд забастовки сценаристов он снял мюзикл на собственные деньги, просто для того, чтобы почувствовать вкус свободного творчества, не ограниченного диктатом телевизионных и студийных боссов. Получившееся творение, в котором снялись

Нэйтан Филлион («Миссия «Серенити»), Нил Патрик Харрис («Как я встретил вашу маму», «Звездный десант») и Фелиша Дэй, было выложено в интернет в виде трех веб-эпизодов. Затем, подчинившись воле поклонников, Уидон издал творение на DVD. С тех пор прошло четыре года, и на недавнем «Комик-коне» было объявлено, что интернет-постановка будет показана телевизионным каналом CW (совместным предприятием CBS и Warner Bros.),

Особняком стоит один из долгожителей мира фантастических веб-сериалов - «Загнанный» (The Hunted). «Меченосный интернет-сериал об убийцах вампиров», - так описывает это шоу его создатель каскадер-фехтовальщик Боб Чапин, известный в Голливуде еще и как мастер визуальных эффектов, работавший в этом качестве над «Островом проклятых», двумя частями «Ночи в музее», «Хранителями» и множеством других блокбастеров. В 1999 году Чапин, преподававший сценическое фехтование, задумал проект, который, с одной стороны, позволил бы его студентам получить опыт работы перед камерой, а с другой - дал бы самому Чапину возможность освоить руководство процессом производства фильма. При этом труппа не располагала бюджетом, достаточным для «костюмной» постановки в специально построенных декорациях, и от бедности родилась идея перенести поединки на мечях в наши дни, причем снять их в формате псевдо-реалити-шоу в духе сериала «Копы». Такой подход позволил вести съемки «в партизанском стиле», с использованием непрофессиональных камер.

Первый эпизод появился на сайте проекта в апреле 2001 года (для удобства скачивания он представлял собой небольшой видеофайл с размером кадра 160 на 120 точек), в 2007 году «The Hunted» переехал на YouTube, где начался новый этап развития проекта, сделавший это шоу уникальным. Снимать сериал было предложено самим зрителям: благо, профессиональной аппаратуры для съемок не требовалось, бытовые компьютеры уже без труда справлялись с видеомонтажом, сервисы видеохостинга обеспечивали творениям максимально широкую аудиторию, а концепция псевдодокументального шоу а-ля «Копы» позволяла хоть в каждом эпизоде рассказывать о новых персонажах и новых местах. Чтобы подстегнуть интерес, был объявлен ежегодный конкурс на лучший ролик, действие которого происходило бы во вселенной «The Hunted»: там правят вампиры, убить которых можно, лишь отрубив голову. Победителю вручается серьезный денежный приз, кроме того, участники конкурса получают возможность заявить о себе в рамках шоу, имеющего немалую аудиторию и определенный вес в среде голливудских профессионалов.

Стирая грани

Для кинолюбителей и независимых студий новый формат стал прекрасной возможностью получить удовольствие, реализовать свои творческие амбиции, отточить мастерство, привлечь к себе внимание профессионалов традиционного кино и телевидения. Однако не стоит полагать, что последние восприняли интернет-сериалы исключительно как кузницу кадров и источник новых идей. Крупные корпорации почувствовали, что явление само по себе обладает немалым коммерческим потенциалом, и тут же принялись за освоение нового рынка.

Прежде всего в новом формате увидели возможность расширения существующих сериальных «телемиров». Интернет-спин-оффы и веб-эпизоды традиционных сериалов стали прекрасным инструментом привлечения зрителей, поддержания интереса аудитории во время перерывов между сезонами. С художественной точки зрения такой подход позволил придать выдуманным вселенным больший объем и глубину.

В качестве примеров здесь можно привести, во-первых, серию из восьми веб-эпизодов под названием «Игра в прятки» (Hide and Seek), появившуюся в интернете одновременно с премьерными показами первого сезона фантастического телесериала «Эврика». Интернет-дополнение рассказывает об обстоятельствах одного из расследований, которые приходится вести Джеку Картеру, шерифу небольшого городка Эврика, где практически все население состоит из гениальных ученых, чьи исследования позволили стереть грань между реальностью и научной фантастикой.

Другой пример - веб-эпизоды, заполнявшие паузы между сезонами сериала «Звездный крейсер «Галактика» (Battlestar Galactica). Как и в случае с «Эврикой», снятые специально для интернета части дополняли основной сюжет, но при этом не являлись обязательными для просмотра - зрители, предпочитавшие смотреть сериалы исключительно по телевизору, практически ничего не теряли.

Целиком погрузиться в новую медиасреду, сделав профессиональный коммерческий продукт, адресованный исключительно интернет-аудитории, рискнули производители компьютерных игр. Впрочем, стоило ли думать о риске, имея перед глазами пример фантастического успеха «Гильдии», посвященной как раз игровому миру? Именно к создательнице «Гильдии» Фелише Дэй обратились представители компаний AMD и Bioware (Electronic Arts) с предложением снять веб-сериал, действие которого происходило бы в мире игры «Dragon Age». Помимо Дэй, выступившей продюсером, сценаристом и исполнительницей главной роли, к

работе над проектом были привлечены такие профессионалы, как занявший режиссерское кресло Питер Винтер, работавший с Роландом Эммерихом над «Звездными вратами», «Днем независимости», «Годзиллой». Оператором выступил Джон Бартли («Остаться в живых»). Главного злодея, мага Сааребаса, сыграл Дуг Джонс (Синий из «Хеллбоя», Фавн из «Лабиринта Фавна», Серебряный Серфер из второй части «Фантастической четверки»; список сыгранных этим актером фантастических созданий весьма обширен).

Первый эпизод интернет-проекта, повествующего о приключениях непримиримых врагов - наемницы-эльфийки Таллис и паладина Кэйрна, вынужденных заключить союз для поимки сбежавшего из заточения могущественного мага, - появился в интернете в октябре 2011 года. Одновременно с этим покупатели игры «Dragon Age II» получили возможность скачать дополнение «Mark of Assasin» и примерить на себя роль Таллис из сериала.

История другого масштабного интернет-проекта, связанного с игровой индустрией, началась с появления в сети восьмиминутной короткометражки «Смертельная битва: Возрождение» (Mortal Kombat: Rebirth), посвященной культовой игре в жанре единоборств. Если верить заявлениям автора ролика Кевина Тэншероуна (встречается также транскрипция Танчароен), в широкий доступ его творение попало совершенно случайно. Он, якобы, всего лишь хотел показать фильм нескольким коллегам перед тем, как отправить его владельцам бренда «Mortal Kombat» компании Warner Bros. в качестве наброска, иллюстрирующего, каким мог бы быть перезапуск кинематографической части франшизы, исполненный в модной стилистике «более мрачно, более реалистично». Дело в том, что в компании готовился выпуск ремейка оригинальной игры 1992 года, и для поддержки релиза предполагалось снять полнометражный фильм.

Идея с «большим» кино в конце концов была отложена, а Тэншероуну предложили снять веб-сериал в духе его короткометражки. И он, располагая ресурсами такого «монстра», как компания Warner Bros., блестяще справился с задачей. Премьера шоу «Смертельная битва; Наследие» (Mortal Kombat: Legacy) состоялась весной 2011 года. Эпизоды первой части веб-сериала представили зрителям лучших бойцов из разных миров, которым предстоит помериться силами на фантастическом турнире. Сейчас Тэншероун ведет работу над вторым сезоном, параллельно занимаясь подготовкой к съемкам полнометражного фильма по игре.

Warner Bros., похоже, почувствовала вкус к работе на новом рынке. В августе 2012 года Warner Premiere Digital, подразделение компании, непосредственно занимающееся цифровыми технологиями, представило широкой общественности

оригинальный, не связанный с игровыми или иными вселенными проект «Н+».

Н+ - это аббревиатура, обозначающая трансгуманизм, мировоззрение, направленное на усовершенствование природы человека за счет использования последних достижений науки. Одно из направлений такого усовершенствования, предлагаемых трансгуманистами, есть прямое подключение

компьютеров к мозгу человека. Благодаря тому, что компьютеры в их мозгах объединены в сеть, люди получили не только беспрецедентные возможности для коммуникации, но и стали крайне уязвимы. Разумеется, глобальный сбой Сети, погружающий дивный новый мир в хаос, не заставляет себя долго ждать.

Одним из продюсеров нового шоу выступил Брайан Сингер («Люди Икс», «Возвращение Супермена», «Операция «Валькирия», сериал «Доктор Хаус»), роли исполняют Алексис Денисоф («Баффи - истребительница вампиров», «Ангел», «Мстители»), Никки Кроуфорд («Хвост виляет собакой»), Шон Ганн («Супер») и другие актеры, активно работающие в кино и на телевидении.

Сегодня и завтра

Сегодня веб-сериалы - признанный жанр, обзаведшийся уже определенными признаками респектабельности. Есть даже две академии: Международная академия веб-телевидения (IAWTV) и Международная академия цифрового искусства и науки (IADAS), каждая из которых вручает свой интернет-«Оскар»: IAWTV - Streamy, IADAS - Webby. Бюджеты наиболее амбициозных веб-сериалов исчисляются миллионами долларов (хотя и безбюджетные проекты порой ухитряются оставаться на плаву и завоевывать аудиторию); по качеству картинки продукция, предназначенная для Сети, порой превосходит снятую для традиционного телепоказа. Сама грань между обычным и интернет-телевидением уже размыта: телеканалы ведут не только эфирное, но и онлайн-вещание, ролики из YouTube часто можно видеть в новостных программах.

Изменяются ли в таких условиях веб-сериалы? Безусловно. Однако вряд ли, как полагают некоторые эксперты, результатом этих изменений будет увеличение длительности веб-эпизодов до «стандартной» телевизионной продолжительности. Да, формат веб-сериала - каждый эпизод длится 5-8 минут - сложился в те времена, когда технологии не позволяли загружать и скачивать большие объемы видео. В 2001 году загрузка эпизодов «The Hunted», сжатых видеороликов с форматом кадра 160 на 120 точек, даже при идеальных условиях подключения занимала в два-три раза больше времени, чем последующий просмотр. Сейчас

необходимости искусственно ограничивать хронометраж вроде бы нет. Но и растягивать его до телесериальных сорока минут также незачем. Ведь эти сорок с небольшим минут - тоже искусственное порождение. Это время полного часа телеэфира за вычетом рекламных роликов, необходимых для оплаты вещания. В интернете же приняты немного иные принципы размещения рекламы.

Скорее всего, формат веб-сериала устоит, ведь сверхкороткая форма позволяет, с одной стороны, обойтись меньшим объемом средств для съемок законченного эпизода, с другой - необходимость уместить осмысленное кинематографическое высказывание в несколько минут хронометража. Серьезный вызов даже для маститых деятелей кино и телевидения.

А вот что изменится наверняка, так это технологии. Любопытно было бы применить при производстве интернет-видео так называемую «дополненную реальность», что позволило бы вписать события эпизода в реальное окружение зрителя. Представляете постановку «Мойдодыра», где «кривоногий и хромой» выходит не из абстрактной, а конкретно из вашей «из маминой из спальни»? Сочетание «дополненной реальности» с системами навигации, которыми сегодня оснащены многие мобильные устройства позволит усилить элемент интерактивности, даруя возможность посмотреть очередной веб-эпизод, лишь добравшись до точки с определенными координатами, где действие наилучшим образом вписывается в ландшафт.

Впрочем, возможно, завтрашние веб-сериалы будут совсем не такими, какими они представляются сейчас. Поживем - увидим. В интернете.

Сергей ЦВЕТКОВ

КИДЖ ДЖОНСОН

МОСТ ЧЕРЕЗ ТУМАН

К И Д Ж Д Ж О Н С О Н

МОСТ

ЧЕРЕЗ ТУМАН

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

В Левобережное Кит прибыл с двумя дорожными сундуками и большущей клеенчатой папкой. Сундуки, небрежно сброшенные кучером почтовой кареты, так и лежали валунами у его ног, а папку, набитую чертежами, он прижимал к груди, оберегая от грязи, - вчера здесь прошла буря.

Его занесло в невеликое, особенно по меркам столичного жителя, сельцо. В столице дома громадные, в семь, а то и восемь этажей, и даже самому энергичному пешеходу не обойти ее за день. А в Левобережном домишки приземистые, возведенные на как попало нарезанных и криво огороженных участках меж столь же беспорядочно вьющихся дорог, да и те ничем не покрыты - просто утоптанная земля. Непритязательна и гостиница - двухэтажная постройка из золотистого известняка под синей черепичной кровлей; судя по запаху, на ее задворках держат скотину. Над входом вывеска с голубой рыбой на черном фоне, похожей на вздыбившегося ската.

В дверях гостиницы стояла пестро наряженная женщина с бледной, бесцветной кожей и такими же бледными глазами.

- Позвольте спросить, - обратился к ней Кит, - где тут паром? Мне нужно переправиться через туман.

Женщина оценивающе оглядела низкорослого и очень смуглого чужака в сером. Гостя с востока ни с кем не спутаешь. Правда, смотрела она дружелюбно.

- Оба парома у верхней пристани, - ответила наконец женщина и улыбнулась. - Но что с них толку, если у кормового весла никого нет? Вчера вечером из Правобережного вернулась Розали Паромщица, с ней-то и нужно договариваться, а время она обычно проводит в «Оленьем сердце». Вот только «Сердце» тебе не приглянется, - поспешила добавить женщина, - далеко ему до нашей «Рыбы». Небось комнату хочешь снять?

- Вообще-то я думаю заночевать в Правобережном, - смущенно отклонил предложение Кит.

Очень не хотелось показаться высокомерным. Ему понадобится множество связей, большущая невидимая паутина, и плести ее надо уже прямо здесь и сейчас. А в таком деле успех сильно зависит от первого впечатления. Из кожи надо вылезти, чтобы в ближайшие дни эти впечатления сложились в его пользу.

- Думать-то можно что угодно, - возразила женщина, - вот только Розали поплывет дня через два, вряд ли раньше. Еще у нас есть Вало Паромщик, но он нечасто возит на тот берег.

- Я бы все места на пароме оплатил, если речь об этом.

- Вовсе нет, - покачала головой селянка. - Розали не поплывет, пока не почувствует, что пора. Пока не получит разрешения. Понимаешь? Но спросить у

нее ты, конечно, можешь.

Кит ничего не понял, но все же кивнул.

- И где же это «Оленье сердце»?

- Налево, потом направо и вниз, до лодочной мастерской.

- Благодарю, - сказал Кит. - Нельзя ли оставить багаж? Ненадолго, пока я с ней не договорюсь.

- Вещи приезжих мы всегда берем на хранение, - ухмыльнулась женщина. - А после даем приют и самим приезжим, когда они убеждаются, что на ту сторону им нынче не попасть.

* * *

Трактир «Оленье сердце» оказался поменьше, чем «Рыба», но там было куда оживленнее. День близился к середине, однако за дубовыми столами уже плотно сидели посетители в ярких нарядах, что-то попивали и бросали реплики за ограду, в примыкающий двор лодочной мастерской. А там в поте лица трудились парень и две женщины - гнули доски на каркасе будущей миниатюрной плоскодонки. Когда Кит обратился к мужчине, который нес две кружки с чем-то мутным и пахнущим дрожжами, тот указал на двор подбородком.

- Вон они, Паромщики. Розали - та, что в красном. - И двинулся дальше.

«Та, что в красном» оказалась высокой и, как все местные, бледнокожей. И с такой длиннющей косой, что пришлось обмотать ее вокруг шеи, чтобы не мешала работать. Играя мышцами под ярким солнцем, Паромщица с парнем налегали на планку, придавая ей форму лодочного бока, а другая женщина, пониже ростом и с обычным в этом краю светло-пепельным цветом волос, бралась за молоток. Вот забиты три гвоздя - планка держится.

«Сильные, - подумалось Киту об этой троице. - Как бы их заполучить?»

- Розали! - проревел вдруг мужской бас чуть не в ухо ему. - Тебя тут кое-кто ищет.

Кит оглянулся, увидел того самого незнакомца с кружками, который снова указывал подбородком, и, вздохнув, направился к невысокому забору. Лодочные мастера выпрямились, попили из голубых обливных чашек, и только тогда женщина в красном и парень подошли на зов.

- Я Розали Паромщица из Правобережного.

Говорила она с типичными для здешнего акцента протяжными гласными, а голос оказался помягче и повыше, чем можно было ожидать от такой рослой и сильной женщины.

Она кивнула на парня:

- Вало Паромщик из Правобережного, старший сын моего брата.

Вало больше походил на молодого мужчину, чем на юношу, и ростом был выше Розали. Кит заметил у обоих одинаковые густые брови и прямой взгляд янтарных глаз.

- Кит Мейнем из Атиара, - представился гость.

- Мейнем? - переспросил Вало. - Что за фамилия? Ни о чем не говорит.

- У нас в столице фамилии даются совсем не так, как здесь.

- Ага, верно, - закивал Вало. - Вот и Дженнер Эллар...

- Я-то сразу поняла, что к нам столичный гость пожаловал - и по одежде видно, и по коже, - сказала Розали. - И зачем же мы тебе понадобились, Кит Мейнем из Атиара?

- Мне сегодня надо быть в Правобережном, - ответил Кит.

Розали отрицательно покачала головой.

- Я не повезу. Сама только что приплыла, и так рано назад не годится. Вало, может, ты?

Юноша склонил голову набок, и выражение лица тотчас сделалось отсутствующим, словно он прислушивался к чему-то далекому, почти неуловимому. Затем отказался:

- Нет, не сегодня.

- Может, все-таки договоримся? Я готов оплатить весь рейс. Мне надо встретиться с Дженнером Элларом, я, собственно, ради этого и приехал.

В глазах Вало мелькнул интерес, но парень снова сказал «нет», правда, глядя теперь на Розали, и та спросила:

- И чем же эта встреча так важна, что нельзя несколько дней подождать?

«Какой смысл утаивать?» - подумал Кит и ответил:

- Я теперь вместо Тениант Планировщицы главный архитектор и производитель работ, моя задача - мост через туман. Начну строительство, как только все осмотрю. Ну и с Дженнером пообщаться, само собой...

Говоря, он следил за лицами собеседников. Ответила ему Розали:

- Вот уж год как умерла Тениант. Я и ждать перестала. Думала, забыла про нас империя начисто, и запасенное железо так и сгниет.

- Разве не к Дженнеру Эллару перешла должность? - насупился Вало.

- При мне приказ от дорожного ведомства, - ответил Кит. - И в этом приказе мое имя. Но надеюсь, что Дженнер останется, согласится на должность помощника. Теперь понимаете, почему мне нужно с ним срочно увидеться? Он введет меня в...

- У Дженнера отбирают его дело?! - резко перебил Вало. - Дело, которому он

отдал столько сил? А как же мы? Как же наша работа? - У него залились краской щеки.

- Вало! - с предостерегающей ноткой обратилась к племяннику Розали.

Тот, багровея еще пуще, повернулся и зашагал прочь. Розали фыркнула, но, тотчас успокоившись, сказала Киту:

- Ох уж, эта молодежь. Вало дружит с Дженнером, да и к мосту у него свое отношение.

«А вот это не мешало бы прояснить, - подумал Кит, но тут же решил: - Позже».

- Итак, Розали из Правобережного, вернемся к вопросу о переправе через туман. Дорожное ведомство заплатит твою цену - конечно, если она будет разумной.

- Не могу, - ответила она. - Ни сегодня, ни завтра. Придется подождать.

- Почему? - задал Кит, как ему казалось, уместный вопрос.

Женщина вглядывалась в архитектора довольно долго - похоже, не знала, стоит ли сердиться на невежду.

- Случалось когда-нибудь пересекать туман? - спросила она.

- Разумеется.

- Но не речной?

- Не речной, - подтвердил Кит. - Здесь, как я слышал, четверть мили до того берега?

- Да, вся четверть. - Она вдруг улыбнулась, показав ровные белые зубы, а во взоре появилось тепло сродни солнечному. - Вот что, давай-ка пройдем к реке. Может, там будет проще объяснить.

Она мощным прыжком преодолела забор и, приземлившись рядом с гостем, насмешливо отвесила глубокий поклон под одобрительные хлопки и выкрики завсегдатаев трактирного двора. После чего жестом велела Киту следовать за собой.

«Здесь эту женщину любят, - отметил он. - Значит, ее слово имеет вес».

Лодочная мастерская лежала в густой тени раскидистых дубов и орешника. Под навесом на краю участка виднелись штабеля бочек и деловой древесины. Розали помахала третьему мастеру - женщине, которая прибиралась на рабочем месте и прятала инструменты.

- Тилиск Лодочница из Левобережного, жена моего брата. Помогает нам с Вало делать лодки, а перевозками не занимается - не для такой работы рождена.

- А где твой брат? - поинтересовался Кит.

- Погиб, - коротко ответила Розали и прибавила шагу.

Они прошли по нескольким улицам, а затем взобрались на длинный, с ровным, но крутым склоном холм. Судя по слишком правильным очертаниям, он не мог

образоваться естественным путем.

«Насыпь», - смекнул Кит.

Взбираться на кручу было жутковато, и он, чтобы отвлечься, прикинул, сколько земли и человеческого труда потребовалось для создания вала. А времени? Десятки лет, наверное. И какая интересно у насыпи протяженность? Деревья на ней не растут, стоит лишь увешанная флагами башня из тонких бревен. Должно быть, для обмена сигналами через туман - вряд ли столь хлипкое сооружение может служить другим целям. Кит знал, что здесь бывают грозы, сам попал в такую под утро, и дороги еще не просохли, под ногами чавкала глина. Наверное, частенько в башню бьют молнии...

- Пришли. - Розали остановилась.

Кит, при восхождении внимательно смотревший под ноги, поднял глаза - и по ним больно ударил свет. Он оступился, съехал немного вниз, а утвердившись, прикрыл слезящиеся глаза рукой. Громадная лента белого тумана, отражающая утреннее солнце, слепила.

Никогда еще Кит не видел воочию туманной реки, хоть и построил два простеньких моста через ущелья близ столицы. Работая в Атиаре, он узнал все, что на сегодняшний день известно о тумане. Это не вода - с ней вообще ничего общего. Туман образуется где-то здесь, в глубине речной долины. Он пробирается на север, на сотни миль, по руслам множества ручьев и речек, и там наконец иссякает, распадается на клочья сохнувшей пены, от которых остаются лишь голые холмики принесенной земли. Туман тянется и к лежащему в двух тысячах миль южнее устью реки и стелется дальше по соленой морской глади. В реке и притоках где-то под ним или сквозь него течет вода, но как это проверить?

И ведь за пределами этой реки и ближайшего моря нет больше нигде тумана, но он разрезает империю пополам.

Через несколько секунд Киту удалось разомкнуть веки. Перед архитектором протянулась огромная впадина, полная сияния. Поначалу взгляд скользил, будто по поверхности сливок или отбеленному шелку. Но вот глаза чуть попривыкли, и проявились бугорки и впадинки: туман хотя и медленно, едва уловимо, но смещался.

Розали шагнула вперед, и Кит спохватился.

- Ну, надо же! - хохотнул он. - И долго я простоял, заглядевшись? Это просто... Мне и слов-то не подобрать.

- Не тебе одному. - Ее глаза, встретившие взгляд Кита, улыбались.

Противоположная, западная насыпь ничем не отличалась от восточной: тоже ни деревца, лишь окустья, да маячит сигнальная башня. На левом берегу склон

сбегал к плоскому голому пляжу шириной в полдюжины ярдов. Там виднелись небольшой причал и аппарель для лодок, к ним вела петля неровной дороги. На берегу лежали две лодки. В сотне ярдов выше по течению была другая пристань, поменьше, с россыпью лодок, навесами и какими-то бесформенными грудями, прикрытыми сверху просмоленной парусиной.

- Давай спустимся. - Розали пошла впереди; теперь она объясняла Киту через плечо: - Вало водит меньший паром «Искатель жемчуга», а мой называется «Спокойная переправа». - Ее голос потеплел, произнося последние два слова. - Восемнадцать футов в длину, восемь в ширину. В основном сосна, хотя киль из грушевого дерева, а носовое украшение из пельтогине. Днище покрыто сушеной кожей синей рыбы, но отсюда этого не видать. Я могу разом перевезти трех коней, или пятнадцать пассажиров, или полторы тонны любого груза. Возможны, конечно, и сочетания. Однажды переправляла даже две дюжины борзых с двумя выжлятниками.

Между насыпями дул с севера легкий ровный ветерок. Пахло чем-то кисловатым, диким, но не сказать что неприятным.

- И как же ты в одиночку управляешься с этакой машиной?

- Будь паром покрупнее, так и не управилась бы, - ответила женщина. - Иногда Вало помогает, когда груз неудобный. Здесь нельзя просто взяться за весла и выгresti на ту сторону. Я свою «Переправу» обычно уговариваю добраться, куда нужно. А вообще-то, чем лодка больше, тем вероятнее, что ее заметит крупняк. С другой стороны, ежели наткнешься на рыбину, малая лодка быстрее потонет. Вот мы и пришли.

Перед Китом предстало совершенно неожиданное зрелище. Да, он прокладывал мосты через туманы, но то были малые, аккуратные ленточки - как будто самая обычная водяная морось задержалась в овраге. С того места, где они теперь стояли, река уже не казалась гладким кремовым потоком или даже слабо бугрящейся пеленой облаков. Туман кипел, творя холмы и долины с кручами высотой все двадцать футов; эти складчатые образования перетекали друг в друга. У него была видимая поверхность, но неоднородная: где-то в разрывах, где-то полупрозрачная. И различать эту поверхность удавалась не без труда - совсем не так, как границу между водой и воздухом.

- И как же можно через это перебираться? - спросил изумленный архитектор. Прямо у него на глазах плющился, расплзался ближайший холм. За ним прорезалось нечто вроде лога: вот он протянулся на несколько десятков ярдов, вот повернул и пропал...

- Так ведь нельзя, - ответила Розали. - Сегодня уж точно. - Болтая ногой, она

сидела на планшире парома и смотрела на собеседника. - Я не вожу «Переправу» через эти холмы, пока туман сам не укажет мне безопасный путь. А если бы повела, то наверняка... наверняка, - с нажимом повторила она и хлопнула себя по животу, - напоролась бы на риф или сорвалась в яму. Вот потому-то, Кит Мейнем из Атиара, нынче я тебя на тот берег не повезу.

* * *

Когда Кит был ребенком, ему плохо давалось общение с людьми. Очень уж маленьким он уродился - таких или дразнят, или попросту не замечают. Да к тому же седьмой год жизни он почти целиком проболел. Товарищи из детского сада его не навещали, но он и не расстраивался - друзей ему заменяли книжки и игры-головоломки. Вдобавок мать приносила с работы большие чистые тетради, разрешая сыну марать их, как ему вздумается.

Однажды в его комнате остановились часы. Кит вскрыл их перочинным ножиком и разобрал. Детали он раскладывал на одеяле, сортируя их сначала по типам, потом по размеру, или по материалам, или по весу, или по форме. Ему нравилось держать эти штучки в руках, представлять себе, как они создавались, как потом работали сообща. На одеяле из них получались любопытные узоры, но самый лучший - и в этом Кит не сомневался - тот, в котором каждая деталь находится на своем месте, выполняя предписанную ей задачу. Наверное, думалось ему, часы были бы счастливы, вернись они в свой первоначальный вид.

И мальчик решил восстановить часы, пока мать не возвратилась из счетной конторы и не поднялась к нему в комнату. Но осталось много лишних деталей, а собранное не работало. Тогда Кит закрыл корпус часов, надеясь, что мама не спросит, почему они не тикают.

Еще четыре дня он корпел над механизмом днем и прятал плачевные результаты к вечеру. На пятый день часы пошли.

Одна деталька, крошечная латунная шестеренка, все же оказалась невостребованной. С тех пор Кит всегда возил ее с собой в ларце для письменных принадлежностей.

* * *

В тот же день Кит еще раз пришел на берег. Стало жарче; грязь превратилась в

сухую, растрескавшуюся корку; запах наводил на мысль о старых циновках, слишком долго пролежавших в воде. На паромном причале никого не было, но выше по течению, на рыбацкой пристани, собирались люди. Там уже было десятка два мужчин и женщин, а по берегу носилась детвора.

Лежавшие на пристани короткие, но пузатые лодки - кожа, натянутая на каркас, - напоминали гигантские наросты на дереве. Туман отошел, и внизу показалась часть русла - полоса голой скалы. Теперь были ясно видны подпиравшие пристань сваи, они шли вниз под углом, утыкаясь в камень. Деревянные эти укосины были обиты жостью.

Кит приблизился к женщине с серебристыми кудрями, она возилась с громадным, длиной в руку, крючком-тройником.

- И кого же вы такой снастью ловите?

У женщины пошел морщинами лоб, когда она оторвалась от своего занятия и подняла голову, но тут же появилась улыбка.

- А, нездешний... Гость из Атиара, судя по одежке. Угадала? Рыбу мы ловим... - Она, не выпуская крючка, максимально развела руками. - Бывает и покрупнее. Похоже, скоро опять гроза, так что вечером ожидается клев... Я Мег Тройник. Понятное дело, из Левобережного.

- Кит Мейнем из Атиара. А что, до дна так и не добрались?

Заметив, что он смотрит на опоры пристани, Мег Тройник ответила:

- Дно есть, но далеко. Сваи мы туда не опускаем, потому что дерево растворяется в тумане. Да и рыба грызет... Она и веревки жрет, и нас, ничем не брезгует, кроме металла и камня.

Женщина ловко затянула узел. Веревка была темной и казалась слишком хлипкой для такого здорового крючка, не говоря уже о предназначавшейся ему добыче.

- Из чего сделано? - Кит опустился на корточки возле рыбацкого челна, приподнял его, чтобы заглянуть внутрь.

- Эй-эй, поаккуратнее, это мое! - воскликнула Мег. - Обшивка лодки из рыбьей кожи, шнур тоже. Конечно, это туманная рыба, не водяная. При дублировании частично убирается слизь, так что кожа получается не вечной. А если ее все время держать в тумане... - Она состроила гримасу. - У нас говорят: воняет, как рыба слизь. Суцья гадость.

- Мне на правый берег нужно, - сказал Кит.

- Я тебя что, в своей лодке повезу? - Мег фыркнула. - Нет, наш брат рыбак привык плавать вдоль бережка. Ступай потолкуй с Розали Паромщицей. Или с Вало.

- Я с ней уже говорил, - уныло ответил Кит.

- Да вообще-то я в курсе. Ты же новый мостостроитель, а городские все такие нетерпеливые. Что, торопишься попасть крупняку на зуб? Если Розали Паромщица велела ждать - значит, придется ждать. Иначе никак.

К возвращению в «Рыбу» у Кита разнылись ноги, он порядком устал. Его сундуки уже перенесли наверх, в нарядную комнатку, где стоял широченный стол, а оставшееся место почти целиком принадлежало душному алькову.

Брана Гостинщица, чье заведение, оказывается, официально именовалось не «Рыба», а «Веселый крупняк», со смехом прокомментировала его неудачу:

- Наша Розали, как скала, - нипочем не сдвинешь с места. Да не расстраивайся, все равно в «Сердце» тебе не было бы так уютно.

* * *

Наутро Кит заморил червячка лепешкой и перченой рыбой. К этому времени все уже знали о нем всё. Ну, если не о нем самом, то уж о цели его приезда точно.

Если кто-то из местных и был против строительства, то все протесты уже сошли на нет. Большинство людей в пивной, куда он заглянул, не имели ничего против моста, и вообще результаты прогулки по городу внушали оптимизм. Разве ж это сопротивление? При возведении двух малых мостов его было куда больше.

- Да с чего бы нам противиться-то? - удивилась Брана Гостинщица. - Стройка потребует много рабочих рук. Будет кому у нас жить, столоваться, пиво пить. Кое-кого из местных тоже наймут - значит, от этого твоего моста село только выиграет. Этак, глядишь, к концу строительства я буду по щиколотку в золоте ходить.

- А потом, - подхватил Кит, - когда заработает мост! Ты только подумай, это же будет первая настоящая дорога, связующая восток и запад империи! Единственное место на три тысячи миль, где люди и товары могут легко и безопасно в любое время пересекать туман! Через десять... да какое там, через пять лет ваше сельцо превратится в центр империи. - Он даже рассмеялся, смущенный собственной пылкостью.

- Ладно-ладно, - ответила Брана Гостинщица с добродушием женщины, не понаслышке знающей, что ссориться с постояльцами себе дороже, - об упряжи потолкуем, когда жеребенок родится.

Следующие шесть дней Кит посвятил изучению села и окрестностей. Познакомился с каменщиками, которых перед смертью отобрала Тениант для строительства пилона с анкером на левом берегу. Брат и сестра оказались

тихонями, но дело свое знали хорошо; Кит обрадовался, что не придется искать им замену. Поговорил он и с местными изготовителями веревок и канатов из рыбьей кожи. Оказывается, эти снасти еще надежнее, чем он предполагал: стойко сопротивляются гниению, отменно держат и рывковую, и постоянную нагрузку. По словам мастеров, в первые два года службы такой канат растягивается, то есть для замены громадных несущих цепей он не годится, но зато из него можно делать вертикальные подвески, что держат мостовое полотно, и это позволит значительно облегчить постройку.

Немало времени Кит уделял наблюдению за туманом. Тот бесконечно и непредсказуемо менялся: вот перед глазами ровный поток, лишь чуть подернутый рябью; через несколько часов - хаотичное нагромождение клочьев пены; позже равнина из крутобоких барханов, очень подвижных, перетекающих друг в друга. У тумана не было постоянного верхнего уровня, но складывалось впечатление, что река под ним спадает в ночные часы и поднимается при свете солнца.

Куда предсказуемее вели себя ветры. Между береговыми насыпями они дули каждое утро на юг, а каждый вечер - на север, набирая силу в полдень и к сумеркам и слабев до полного штиля во второй половине дня и ночью. На туман они не влияли - так, срывали клочья пены, которые потом высыхали на берегу. Если есть ветры, то динамическая нагрузка на мост будет больше, чем предсказывала Тениант Планировщица.

Общаясь с сельчанами, Кит никогда не позволял себе критиковать ее работу. Напротив, охотно признавал блестящий талант организатора, ведь это благодаря ее стараниям население ничего не имеет против стройки. Но втайне он радовался, что возведение моста по ее чертежам не успело начаться.

Однажды он решил рассмотреть туман поближе и зачерпнул его лопастью весла с поверхности реки. Тот оказался на удивление плотным; при свете в нем виделись силуэты - то ли живность, то ли растения, а может, и вообще нечто совсем иное. В городе имеются специальные оптические устройства и есть люди, знающие в этом толк, но изучать обитателей тумана ему не хотелось, его интересовала только конструкция, которую можно перекинуть через этот туман.

Вечерами он работал за столом у себя в комнате - разбирался с наследием Тениант. Кит открывал ее папки и сундуки, изучал все подряд. Писал письма, составлял перечни, чертил графики, и все это в двух экземплярах - вторые отправлялись в столицу, где с них еще раз снимали копии. Мало-помалу обретали форму его собственные планы, вырисовывались эскизы моста и схема управления грандиозным проектом.

С Розали Паромщицей он встречался только по утрам и лишь для того, чтобы

задать все тот же вопрос: можно ли переправляться? И неизменно получал отказ.

* * *

Однажды во второй половине дня, когда облака превратились в полные воды ушаты, Кит прошел полмили к северу от села и очутился на строительной площадке. На протяжении двух лет сюда ездили телеги по дорогам от Рудного Хойка и Западной реки, сваливая в кучи известняковые блоки и арматурные прутья.

Больших прямоугольных блоков тут были тысячи. Кит побродил среди них, посмотрел, пощупал. Вообще-то известняк - слишком мягкая порода для мостостроительства, но этот оказался на диво крепок, без видимой трещиноватости и рыхлых инородных включений. Все же камня накопилось еще недостаточно, и Кит мысленно оформил новый заказ.

Чугунные рамы для поддержки дорожного полотна, доставленные прежде времени, лежали аккуратными штабелями на деревянных брусках, покрытые черной влагозащитной краской и укутанные промасленной парусиной. Вокругросло травы высотой по колено, ее щипали овцы. Одна с любопытством уставилась на Кита, и тот безотчетно поклонился.

- Сударыня, простите за вторжение. - Сказав это, он хихикнул: не староват ли для бесед с овечками?

На глаза попало отверстие пробного шурфа, рядом на земле лежала лестница; Кит решил спуститься. Лестницу поглотила трава и никак не хотела отпустить.

На пастбище стояла тишина, но все же, едва спустившись чуть ниже поверхности земли, он опешил: разом оборвались и голоса насекомых, и шелест травы. Стены шурфа были в бурых и тускло-желтых потеках. На полпути вниз Кит срезал ножом немного грунта: преобладание глины - то, что надо для фундамента. Дно на глубине двадцати футов тоже глиняное на вид, но стоило опуститься на корточки и ковырнуть, как нож уперся в твердое. Похоже на глинистый сланец. Интересно, далеко ли до водяного горизонта? Надо спросить в селе, нет ли проблем с рытьем колодцев. И еще интересно, влияет ли туман на колебания уровня грунтовых вод? В атиарском университете кое-кто пытается изучать туман, но знаний пока слишком мало, многое еще предстоит измерить и осмыслить.

Он взял образец породы, чтобы получше рассмотреть на свету, и выбрался из шурфа. Подъехала запряженная четверью мулами телега, привезла партию блоков. За телегой брели несколько мужчин и женщин, они крутили плечами и щелкали суставами пальцев - готовились к работе. Кита приветствовали, и он стал

помогать.

Через несколько часов он вернулся в «Рыбу», зверски уставший и мокрый до нитки - во время разгрузки разразилась гроза. В гостинице его ждала записка от Розали с одним-единственным словом: «Вечером».

* * *

Когда Кит покидал гостиницу, его настроение было под стать самочувствию: мышцы ноют, руки-ноги не гнутся. В «Рыбе» он заплатил работнику, чтобы тот снес один сундук на пристань; другой остался в комнате, которую Кит снял до конца строительства. Папку Кит нес сам, хотя и оставил копии всех важных бумаг во втором сундуке.

Гроза миновала, по небу неслись облака, окрашивая его во множество оттенков - от лилового до густого пурпура. На западе висела узкая долька большей луны, а полукруг меньшей сиял прямо над головой. Пахло свежестью. От всего этого Кит так взбодрился, что остаток пути проделал чуть ли не рысцой.

Будущие попутчики уже собрались на причале: зажиточный фермер с выводком поросят в лозяной клетке (тенгонские белые, похвастался он, во всей империи лучшей породы не сыщешь); женщина, одетая по столичной моде в черное, с окованными медью ящиками и такой же, как у Кита, папкой; две торговки со множеством коробок, наполненных порошковыми красками; почтальонша с запечатанными кожаными сумками и двое стражников. С Китом поздоровались Уни и Том Каменщики, они заметно нервничали в ожидании своей первой переправы.

В сгущающейся мгле туман казался скомканным покровом - сплошь бугры да ямины. Среди них носились стрижи, охотились на мошек. Вдруг из глубины взвился темный силуэт, да так быстро исчез, что и не разглядеть, и унес пойманную птаху.

До Кита доносились голоса с рыбацкого причала. Там спускали челны один за другим, и вот уже целая стая лодок, почему-то без фонарей, взбирается по туманному склону.

- Все готовы?

Он и не заметил, как подошла Розали и перелезла через борт парома.

- Подавайте вещи.

Погрузка-посадка не заняла много времени, хотя поросят, судя по визгу, это не понравилось.

Как ни напрягал глаза Кит, увидеть рыбацкие лодки ему больше не удавалось. Словхатившись, что Розали ждет его одного, он попросил извинения и добавил:

- У них там клюет вроде.

- Так, мелочь. - Паромщица глянула на реку и поставила сундук Кита. - Фута два от силы. Рыбаки любят, чтобы покрупнее, пять-шесть футов. Но слишком большая рыба им, конечно, не нужна. Впрочем, на самом деле это не рыба в твоём привычном понимании. Давай сюда.

Она имела в виду папку. Кит поколебался секунду-другую и отдал, а затем сошел на паром. И ойкнул: судно просело под его весом. Совсем чуть-чуть, но желудок прыгнул к горлу.

- Ты чего? - беспокойно спросила ближайшая торговка. Розали отвязала швартовочный конец.

Судорожно сглотнув, Кит ответил:

- Да не учел, что это туман, а не вода. Совсем другие ощущения.

Не было нужды добавлять, что он испугался - все и так поняли. Кто-то пробормотал слова сочувствия. Почтальонша с ястребиными чертами лица ворчливо пожаловалась:

- Сколько ни переправляюсь, все никак привыкнуть не могу. Не нравится мне это занятие.

Розали закрепила кормовое весло и окунула широкую треугольную лопасть в туман; тот неохотно раздался.

- Я по туману почти всю жизнь плаваю, однако и воду помню. Она быстрая и коварная. Нет, туман лучше.

- Это только на твой вкус он лучше, - возразила Уни Каменщица.

- Вода не такая опасная, - поддержал ее владелец поросят.

Розали налегла на весло, и паром отвалил от пристани.

- Ничто не опасно, пока оно тебя не прикончит.

Туман почти мгновенно поглотил тихие береговые звуки.

В числе первых проектов у Кита был простой, в один арочный пролет, мост через воду. Далеко на севере, в провинции Эске. Прежде чем началось строительство, архитектор посетил участок и задержался на пять суток - угодил в буран, оставивший после себя двухфутовый снежный покров. Сейчас Киту ясно вспомнились те метельные безлунные ночи, тот густой воздух, глушивший голоса, как прижатая к ушам подушка.

Своим веслом Розали не столько галанила, сколько рулила. В любом направлении, кроме разве что верхнего, не было видно ни зги. Наверное, и правда туман разговаривал с Паромщицей: она умела направлять лодку так, чтобы течение подхватывало ее и несло в нужную сторону. Паром двигался по узкой долине, пока та не обмелела, а затем и вовсе не перешла в холм.

«Спокойная переправа», кренясь, съехала на несколько футов влево. При этом послышался хрип - это почтальонша задушила панический вопль.

Слово «туман» здесь явно не подходило. Белесая масса была слишком плотной; подчас казалось, паром плывет не в ней, а по ней. В этот вечер она больше всего походила на густую грязную пену, взбиваемую на бурном море сильным ветром.

Кит опустил руку за борт, и туман, на ощупь почти сухой, облепил ее, пополз вверх по запястью. Не сразу архитектор понял, что это за ощущение. А когда запекло, пришлось выдернуть руку и обтереть ее. Но все равно осталось жжение. И вправду едкое вещество.

- А если мы будем разговаривать или шуметь, крупняк не приманим? - шепотом спросил свиновод.

- Лучше обойтись без болтовни и поросячьего визга, - ответила Розали. - Крупняк, похоже, любит низкие звуки, иногда в грозу всплывает на гром.

- Если это не рыба, то что? - поинтересовалась одна из торговок. - На что похоже?

У нее дрожал голос. Туман угнетал всех, кроме Розали.

- Если хочешь узнать, надо увидеть собственными глазами, - отвечала Паромщица. - На худой конец, обратись к рыбакам, пусть расскажут. Они рыбу потрошат и пластают прямо у себя в лодках, а все прочие видят только мясо в бумажной обертке или черные шкуры в рулонах для кожевников и канатчиков.

- Так ведь и ты видела живую рыбу, - возразил Кит.

- Да. Она широкая и плоская. И уродливая...

- А крупняк? - спросил Кит.

Ее голос сразу огрубел.

- Про него тут говорить не принято.

Некоторое время все молчали. Туман - или все-таки пена? - скучивался перед носом парома и раздавался в стороны с еле слышным шипением. Разок он вздыбился слева по борту, и там мелькнул кто-то темный, за ним еще один - но далековато, не рассмотреть толком. Торговка еле сдержала крик - молодчина, даже не шелохнулась, только слезы выдали ее ужас.

Наконец показался правый берег, но черная громада насыпи не приближалась еще очень долго, как показалось Киту, несколько часов. Он, преодолевая страх и стараясь не касаться лицом тумана, склонился над бортом и всмотрелся в глубину.

- Не может же он быть бездонным, - проговорил архитектор, ни к кому конкретно не обращаясь. - Что там, внизу?

- Да что бы ни было, тебе до дна не достать, - ответила Розали.

«Спокойная переправа» взмыла на верхушку туманного холма, соскользнула в

лог и поплыла, развернувшись, дальше. И совершенно неожиданно для пассажиров паром оказался в броске камня от правобережного причала. Там горели факелы и ждали люди. Заметив паром, они зашевелились. Почти скраденный расстоянием, донесся мягкий баритон:

- Розали?

- Да, Пен! - прокричала в ответ Паромщица. - Десять на борту.

- Носильщики нужны? - прилетел с другой стороны голос.

Кое-кто из пассажиров ответил утвердительно.

Между паромом и пристанью оставалось еще несколько футов, когда Розали сняла с кормы и уложила на днище весло, прошла на нос и перебросила веревку через сужающийся промежуток. На той стороне приняли конец, и через несколько мгновений лодка была надежно пришвартована. Высадка и расплата заняли меньше времени, чем посадка. Кит выходил последним. Недолгая торговля - и носильщик согласился доставить сундук на постоянный двор.

Кит повернулся, чтобы проститься с Розали; та с помощью мужчины, которого, помнится, звали Пен, отвязывала швартовы.

- Ты что, уже возвращаешься?

- Конечно, нет, - послышался в ответ спокойный, расслабленный голос, и лишь теперь Кит понял, какого напряжения стоила женщине переправа. - Сейчас паром перегоним к аппарели, а близнецы вытянут его на берег.

Там, куда Розали махнула рукой, угадывались белесые силуэты двух волов, а перед ними лишь чуточку темнее - женская фигура.

- Погоди, - обратился Кит к Уни Каменщице и вручил ей свою папку. - Не откажи в любезности, отнеси на постоянный двор и передай хозяину, что я скоро буду. - Он снова повернулся к Розали: - Могу я чем-нибудь помочь?

Во мгле он скорее угадал, чем увидел ее улыбку.

- Всегда!

* * *

Постоянный двор «Рыжая ищейка», местными жителями именуемый «Сука», оказался маленьким и тесным. Он располагался в пяти минутах ходьбы от берега и в десяти, как сказали Кита, от ближайшей жилой улицы. Вновь прибывшему досталась комната, хотя и побольше, чем в «Рыбе», но с неудобной койкой и банкеткой, заваленной рукописными нотными листами старинной музыки. Под этой же крышей, по сведениям Кита, проживал Дженнер, но владелец - Видсон

Содержатель Двора ответил, что нынче его не видел.

- А ты, стало быть, новый архитектор, - оглядев гостя, сказал Видсон.

- Он самый, - подтвердил Кит. - Как появится Дженнер, передай, пожалуйста, что я хочу его видеть.

Видсон наморщил лоб.

- Ну, не знаю даже, он уж который день возвращается поздно, с тех самых пор... - Спыхватившись, хозяин заезжего двора смущенно умолк.

- С тех пор как с того берега просигналили о моем прибытии, - договорил Кит. - Что ж, вполне его понимаю.

Несколько секунд Содержатель о чем-то думал, а потом медленно произнес:

- Дженнер, знаешь ли, нам как родной.

- А раз так, попробуем его удержать, - кивнул Кит.

* * *

Пойдя на поправку, Кит расстался с детским садом - впрочем, это все равно случилось бы через год - и переехал к отцу. Дэйвелл Мейнем в речах был нетороплив, но знал толк в шутке и на своих бесчисленных стройках не лез в карман за острым словцом. Сына он охотно брал с собой на работу: для мальчика нет лучшей возможности свести знакомство с будущей профессией.

И Киту в отцовских делах нравилось все: и аккуратность чертежей, и четкость продвижения стройки. Приятно было наблюдать, как кирпич, камень и чугун выстраиваются по прямым и кривым линиям, как в хаосе рождается и крепнет строгий порядок. В первый год мальчик подражал Мейнему-старшему и рабочим, что-то сооружал из крошечных балок и кирпичиков - их изготавливала приданная ему в наставники черепичных дел мастерица, за несколько лет до того потерявшая руку. В конце каждого дня приходил отец, как он выражался, «для инспектирования строительного объекта». Кит демонстрировал мостик, или башенку, или просто положенные в ряды и штабеля материалы, и Дэйвелл с серьезным видом высказывал свои замечания. «Инспектирование объекта» продолжалось, пока позволял свет дня, а потом они шли в ближайшую гостиницу или хижину, где снимали угол.

Дэйвелл ночи напролет проводил за бумажной работой; Кита интересовала и она. Оказывается, превращение воображаемой конструкции в нечто огромное и материальное - это не только вычерчивание архитектурных планов и само строительство, это еще и соблюдение рабочих графиков, и ведение документации,

и доставка материалов. Мало-помалу игра Кита дополнилась разработкой собственных планов, а также кропотливой перепиской с поставщиками. И через некоторое время он понял: основная работа по возведению моста или башни протекает отнюдь не на виду у публики.

* * *

Поздно вечером раздался стук в дверь - да какой там стук, сущий грохот. Кит отложил недоочиненное перо и громко произнес:

- Да?

Ворвавшийся в комнату мужчина был таким же смуглым, как Кит, но на несколько лет моложе, в забрызганной грязью одежде для верховой езды.

- Кит Мейнем из Атиара.

- Дженнер Эллар из Атиара. Прошу предъявить уведомление.

Кит молча вручил гостю бумагу, тот, пробежавшись недобрым взглядом, бросил ее на стол и процедил:

- Долго же мне замену искали.

«Пожалуй, надо с этим разобраться прямо сейчас», - решил Кит.

- А ты надеялся, что так и не найдут?

Дженнер насупился еще пуще.

- Не скрою, надеялся.

- Считаешь себя самым подходящим специалистом для такого проекта? А почему, можно спросить? Сколько ты здесь проработал... год?

- Я знаю стройку, - резко ответил Дженнер. - Помогал Тениант с планированием. И тут империя присылает... - Он повернулся к холодной печи.

- Империя присылает другого, - проговорил Кит ему в спину.

- Именно так, - кивнул Дженнер, не оглядываясь. - У тебя есть связи в столице и влиятельные друзья, вот только ты не знаешь стройки, этого моста.

- Не надо заблуждаться на мой счет. - Чтобы придать своим словам весомости, Кит выдержал паузу. - За двадцать лет я построил девять мостов. Четыре висячих, три больших балочных и два арочных моста через туман. На твоём счету три моста, самый крупный из них - шесть каменных арок через реку Мати, а там мелководье и ползучие отмели.

- Да, - буркнул Дженнер.

- Хороший мост. - Кит взял с подоконника керамический кувшин, налил два стакана. - По пути сюда я свернул к нему и осмотрел. Добротное сделано, и ты

уложился в бюджет. Даже из графика почти не выбился, несмотря на сушь. И местные о тебе хорошего мнения. Спрашивают, что с тобой будет теперь... Держи.
- Кит протянул стакан, и Дженнер его принял.

«Уже лучше», - подумал Кит.

- Мейнемы всегда строили мосты. И дороги, и акведуки, и стадионы, сотни публичных объектов для империи. Вот уже тысячу лет.

Дженнер повернулся, он хотел что-то сказать, но Кит поднял руку.

- Это вовсе не означает, что мы лучше, чем Эллары. Но империя знает нас, а мы знаем империю. Мы умеем доводить дело до конца. Если бы строительство поручили тебе, через год все равно прислали бы замену. Ты бы не справился. А я точно знаю, что справлюсь. - Кит упер локти в колени, наклонился вперед. - С твоей помощью. Ты талантливый инженер. Ты знаешь объект. Так помоги мне.

- Да, ты справишься, - нарушил затянувшееся молчание Дженнер, и Кит понял, о чем он думает: «Тебе небезразлично дело, это не просто очередной пункт в послужном списке».

- И мне бы хотелось, чтобы ты стал моей правой рукой, - продолжал Кит. - Я научу, как надо разговаривать с Атиаром, помогу со связями. И следующий проект будет уже полностью твоим. Это первый большой мост через туман, но далеко не последний.

Они хлебнули. Киту обожгло гортань, выступили слезы.

- Какой ужас!

Дженнер хохотнул и впервые посмотрел Киту прямо в глаза.

- Правобережное пойло и впрямь несусветная гадость. От такого тебе через месяц захочется сбежать в Атиар.

- Может, договоримся с перевозчиками, пусть доставят чего-нибудь иного? - улыбнулся Кит.

* * *

На правом берегу подготовка к строительству оставляла желать лучшего: и блоков подвезено меньше, и рабочих найти труднее. Но понемногу в спорах между Китом, Дженнером и каменщиками с обоих берегов оформились окончательные планы. Предстояло воздвигнуть нечто уникальное, рекордное по величине - висячий мост в один пролет длиной в четверть мили.

Первоначальный замысел оставался неизменным: мост должен висеть на несущих цепях, по четыре с каждой стороны, закрепленных независимо, чтобы

компенсировать смещения, вызываемые движением транспорта по полотну. Составные части цепей - огромные звенья с проушинами и крепежные болты - можно заказать в пятистах милях к западу, в тех краях издавна выплавляют лучший в империи чугун; Кит уже отправил на литейные фабрики письма с просьбой возобновить работу для его нужд.

На левом берегу предстояло соорудить из золотистого известняка пилон с анкером, заглубив сваи в коренную породу. А здесь, на правом, вырастут постройки из розовато-серого гранита на колоколообразном фундаменте. Высота башен не менее трехсот футов. В Атиаре есть и повыше, но те не предназначены выдерживать тяжесть висячего моста.

Кит подверг испытанию рыбью кожу, и та оказалась по прочности почти равной чугуну, но во много раз легче. Дубильщики и канатчики, у которых он интересовался ее долговечностью, посоветовали съездить на речку Мекнай. Кит так и сделал: выкроив денек, осмотрел водяное колесо, плетеные приводные ремни которого после семидесятипятилетней службы не выказывали признаков износа. Рыбья кожа, объяснили архитектору, даже если ее не держать в тумане, по долговечности не уступит кленовому дереву, однако ей требуется постоянный уход.

Кит еще некоторое время постоял на берегу Мекная, глядя на поток. Недавно прошел дождь, и вода в русле была быстра и бурлива. «Через воду мосты легко строить, - подумалось ему. - С этим любой справится».

По возвращении он отправил Дженнера через туман, чтобы встретить Дэлл и Стиввана Тростильщиков, у них на левом берегу были канатные дворы. В отсутствие помощника (по сути, местного жителя, о чем Киту неустанно твердили) более зримо проглядывала разница в отношении к мосту по обе стороны реки. На левом берегу считали, что деньги всегда потребны и грех от них отказываться, и вообще там царил воодушевление, которое обычно сопровождает масштабную стройку. На правом же недовольных оказалось намного больше. Река и впрямь разделила империю, и жители восточных краев, начиная с села Правобережное, в отличие от населения запада, не считали, что их судьба так уж неразрывно связана с Атиаром. Эти люди непосредственно подчинялись Триплу, восточной столице, уплаченные ими налоги тратились на обустройство земель, лежащих по эту сторону тумана, и никто здесь не желал, чтобы ослабевшая хватка империи снова окрепла.

Оттого-то восточная столица и взирает на строительство с прохладцей, и это отношение сказывается на поставках камня и чугуна. Киту пришлось потратить пять суток на визит в Трипл, чтобы предъявить губернатору свои бумаги и обратиться с жалобой в тамошнее отделение дорожного ведомства.

После этого дела пошли чуть получше.

К середине зимы был готов план управления проектом. За все время Кит ни разу не пересекал туман, тогда как Розали Паромщица переправлялась семнадцатикратно. И почти всякий раз, когда она объявлялась на правом берегу, архитектор виделся с ней, хотя встречи эти продолжались не дольше, чем уходит времени на кружку пива.

* * *

Следующая переправа состоялась в разгар ранневесеннего утра. Туман отражал затянутое облаками небо; бледный, ровный, он выглядел самой настоящей дождевой дымкой, засевшей в горной долине.

У пристани Розали укладывала товар на паром. Появление Кита было встречено улыбкой; лицо женщины вдруг показалось ему красивым. Архитектор кивнул незнакомцу, следившему с причала за погрузкой, а затем поздоровался с Паромщиками. Вало лишь на миг разогнул спину и тут же вернулся к работе: он сбрасывал с пристани громадные тюки, а Розали внизу ловко их ловила. Кита молодой перевозчик избегал с самого начала.

«С тобой потом», - подумал строитель и перевел взгляд на Розали.

- Что в тюках? Вы их так швыряете, будто там...

- Бумага, - закончила за него женщина. - Самая лучшая ибрийская шелковичная бумага, легкая, как ягнячья шерсть. У тебя, в твоей папке, она небось тоже имеется.

Кит подумал о плотных листах велени, на которых предпочитал чертить, и о хлопковой бумаге, которую использовал для прочих надобностей. Изготовленная далеко на юге, она была до того гладкой, что на ощупь казалась эмалью.

- Да, - подтвердил он. - Хорошая вещь.

Розали все укладывала обтянутые тканью кипы, и вот уже высота штабеля трижды, если не четырежды, превысила высоту борта.

- А для меня найдется местечко? - спросил Кит.

- Пилар Купчиха и Вало остаются, - ответила Розали. - Место твое наверху, и то лишь пока ты сидишь ровно и не ерзаешь.

Когда паром отошел от пристани, Кит спросил:

- А почему владелица бумаги с нами не плывет?

- Купчиха-то? Да к чему ей? У нее на той стороне есть посредник. - Руки Паромщицы были заняты, так что пришлось вместо пожатия плечами склонить

набок голову. - Туман - штука небезопасная.

Раз в несколько месяцев где-нибудь на реке тонул паром, пропадали люди, лошади, кладь. Рыбаки гибли реже, потому что не отдалялись от берега. Трудно сосчитать ущерб торговле и коммуникациям, причиняемый туманом, этим барьером, разделившим державу надвое.

Путешествие сильно отличалось от предыдущего. Кит плыл вдвоем с Розали, и было уже не так боязно, хотя хватало странного и грозного. Вдоль реки дул стылый ветер, бросал на кожу хлопья пены, но они мигом высыхали, не оставляя следов. Паром пробирался сквозь туман, будто зарываясь в пух или снег, а ветер тем временем стихал - сначала до легкого бриза, а потом и вовсе до штиля.

Казалось, они пробираются в лабиринте тугих перистых облаков, и Кит все смотрел за борт, пока «Спокойная переправа» не наскочила на дырку шириной в фут, вроде оспины на лице тумана. На миг глазам архитектора открылась пустота - под белесым слоем прятался воздушный карман, и был он достаточно велик, чтобы проглотить лодку. Повалившись на спину, Кит смотрел в небо и ждал, пока прекратится дрожь в теле. А когда снова глянул за борт, они уже выбрались из лабиринта и двигались плавно изгибающимся каналом. Немного успокоившись, Кит сел и посмотрел на Розали.

- Как мост? - донесся ее приглушенный туманом голос.

Конечно же, это было просто вежливостью - в селах о продвижении стройки знал каждый. Но Кит уже привык говорить то, что все и так знали. Когда-то он понял: терпение - это тоже инструмент, причем очень полезный.

- На правом берегу кладем фундаменты, тут все как по маслу. Еще полгода понадобится на анкер, зато готовы сваи для пилон и уже можно класть блоки. На шесть недель раньше срока, - не без самодовольства добавил он, хотя и знал, что никто не оценит это маленькое достижение, да и благодарить за него, если честно, надо погоду. - А вот на левом берегу наткнулись на базальт, его трудно бурить. Пришлось вызывать специалиста. Оттуда просигналили флагами, что она уже на месте, потому-то я и плыву.

Паромщица промолчала, она как будто полностью сосредоточилась на большом кормовом весле. Некоторое время Кит смотрел, как играют на ее плечах мышцы, слышал глубокое и ровное дыхание. К слабому дрожжевому запаху тумана добавлялся запах ее пота, а может, это только казалось. Розали слегка хмурилась, но он не взялся бы сказать, по какой причине: то ли это туман, то ли что-то совсем другое. Что она за человек?..

- Розали Паромщица, можно задать вопрос?

Она кивнула, неотрывно глядя прямо по курсу.

Вообще-то у Кита вертелось на языке несколько вопросов, и он выбрал наугад:

- Почему Вало недоволен?

- А что, заметно? Парень считает, что из-за тебя вскоре кое-чего лишится. И он слишком молод, чтобы понять: на самом деле эта потеря - сущий пустяк.

- И что же такое я у него отниму? - спросил, поразмыслив, Кит. - Эта работа, по-твоему, для него пустяк?

Она резко выдохнула, орудуя веслом, и вместе с воздухом из ее груди вырвался смех.

- У нас, Паромщиков, денег куры не клюют. Мы, помимо прочего, землей владеем и в аренду ее сдаем. Ты знаешь, что «Оленьё сердце» принадлежит моей семье? Вало совсем еще мальчишка, в его годы любому хочется испытать себя, узнать, чего он стоит в этом мире. А как может испытать себя паромщик? Только в противоборстве с туманом. Он жаждет риска. Приключения ему подавай. Вот, стало быть, чего он лишается по твоей милости.

- Но он же не бессмертный, что бы о себе ни думал. На реке запросто можно погибнуть. И рано или поздно это случится. Не только с ним...

«...но и с тобой», - мысленно договорил Кит и снова лег на спину - смотреть в небо.

Однажды вечером в пивном зале «Суки» кто-то из местных поведал ему историю семьи Розали. В этой истории с избытком хватало и смертей, и утонувших лодок. Паромы гибли под безмолвное шипение тумана, под треск ломающегося дерева, под жуткие человеческие вопли или жалобное ржание лошадей.

«Ну и что? Все месяц-два носят пепельный цвет, а за весло берется следующий паромщик. Розали - новичок, всего лишь года два возит. Когда исчезнет она, у весла встанет Вало, потом младшая сестра Розали, потом сестренка Вало. - Хлебнув черного пива, рассказчик добавил: - Они, Паромщики наши, все как один красавцы. Не иначе, это им возмещение за слишком короткую жизнь».

С высоты штабеля Кит глянул на Розали:

- А вот ты не такая. Не похоже, что будешь жалеть об утраченном.

- Кит Мейнем из Атиара, о чем я стану жалеть, тебя не касается.

На мускулистых руках Паромщицы переливался холодный свет.

Миг спустя ее голос смягчился:

- Я уже не в том возрасте, когда нужно что-то себе доказывать. Но и мне будет не хватать всего этого. Тумана, тишины...

«Так расскажи мне, - мысленно попросил Кит. - Покажи».

До конца плавания она молчала. Наверное, рассердилась, предположил архитектор. Но на берегу не ответила отказом на предложение выпить по кружечке,

и они вместе пошли к жилью.

* * *

Тихого пастбища как не бывало - там и сям остались лишь пучки самой живучей травы да клочья грязной соломы. Пахло потом и мясом, примешивался горький запах раскаленного металла. Появились котлованы под фундаменты для анкера и пилона - неглубокие, до коренной породы; рядом высились холмы вынутого грунта. От стада остался только один баран, да и того, насаженного на вертел, крутила девушка в клубах сального дыма возле переносной кузницы. Раньше Кит считал пастбище помехой, но теперь, глядя на освежеванную овцу, он даже почувствовал угрызения совести.

Отару сменили крепко сбитые мужчины и женщины, с помощью катков они спускали по земляному пандусу валуны в анкерный котлован. От пыли поблекли яркие узоры коротких килтов и подгрудных ремней, пыль густо налипла на обнаженную кожу. Воздух был холоден, однако на мышцах работников виднелись проложенные каплями пота дорожки.

Один из этих тружеников помахал Розали, и та помахала в ответ. Киту вспомнилось имя: Мик Землекоп. Недюжинной силы человек, но по натуре не руководитель, а исполнитель. Они с Розали что, любовники? У здешнего люда очень запутанные взаимоотношения, сам черт ногу сломит. В столице всё куда формальнее, уважаются брачные контракты.

В глубоком котловане, на его каменном дне, стоя на коленях, совещались Дженнер и маленькая женщина. Когда к ним спустился Кит, незнакомка встала и слегка поклонилась. Глаза, коротко стриженные волосы, кожа - все у нее было серое, как у чугуна на свежем изломе.

- Я специалист, Лиу Проходчица из Хойка, прибыла по твоему вызову.

- Кит Мейнем из Атиара. Ну, и что скажешь, Лиу Проходчица?

- Как я поняла со слов твоего помощника, надо углублять котлованы.

Архитектор кивнул.

Лиу снова опустилась на колени и провела ладонью по матерому камню.

- Трещину вот эту видишь? Обрати внимание, как здесь меняются цвет и структура породы. Прав Дженнер: проблема непростая. Горст, приподнятый кусок базальтового пласта, вот что это такое. - Она встала и стряхнула землю с коленей.

- Взрывчаткой пользоваться приходилось?

Кит отрицательно покачал головой:

- На прежних моих стройках она не требовалась, да и в шахты я никогда не спускался.

- Здорово помогает, когда надо пробиваться через скальную толщу. Блоки эти, что лежат вокруг, тоже, между прочим, с помощью взрывчатки добыты. - Лиу ухмыльнулась. - Тебе понравится ее голосок.

- А как же структурная целостность подстилающего слоя? - забеспокоился Кит. - Ее нельзя нарушать.

- У меня достанет пороха на много малых зарядов. Относительно малых.

- А как ты...

- Стоп! - Проходчица вскинула крепенькую, с обветренной кожей ладошку. - Мне, чтобы по мосту ходить, обязательно знать, как он устроен?

- Нет! - рассмеялся Кит. - Вовсе не обязательно.

* * *

Права оказалась Проходчица: Киту понравился голос взрывчатки. К котловану Лиу никого не подпустила, но даже на расстоянии, которое она сочла безопасным, за огромными грудями выкопанной земли грохот показался чудовищным - сущий рев разгневанных небес, сотрясающий землю. Несколько секунд все молчали, лишь гуляло эхо, а потом рабочие дружно охнули и вразнобой завопили, захохотали, затопали ногами. Из котлована выплеснулся резко пахнущий селитрой дым пополам с пылью. Не пришли в восторг только птицы: согнанные грохотом с ветвей, они теперь заволошно кружили в небе.

Из специально открытой возле котлована щели вылезла Лиу: на лице слой пыли, чисты лишь глаза - прикрывавшие их деревянные щелевые очки теперь висят на шее.

- Все в порядке! - сквозь звон в ушах услышал Кит ее крик.

Увидев его лицо, она рассмеялась.

- Да это же пустяки, комариный чих. Слышал бы ты, как мы, хойчане, гранит ломаем в карьере!

Кит хотел ей что-то сказать, но тут заметил, как повернулась и широким шагом пошла прочь Розали. Он и забыл уже, что Паромщица здесь. Догнав ее, спросил:

- Что, шумновато?

И не просто спросил, а почти прокричал. Наверное, чтобы самого себя услышать.

- И о чем вы только думаете? - Ее трясло, губы побелели.

Кит опешил. «Что это? Гнев? Страх?» Думалось медленно - еще не оправился

сотрясенный грохотом мозг.

- Так надо же котлован углубить...

- Землю трясти зачем? Кит, я же говорила, что крупняк приходит на гром.

- Это не гром, - растерянно возразил архитектор.

- Это хуже, чем гром! - На глазах у Розали блеснули слезы, ее голос проникал Киту в уши, как через слой ваты. - Теперь они точно придут, я знаю!

Он протянул к Паромщице руку.

- Розали, бояться нечего, насыпь достаточно высока. Рыбам не перелезть...

У него ухало сердце в груди, голова шла кругом. Так трудно было слышать ее.

- Как они поступят, никто не в силах предсказать! Они целые города губили! Выползали на сушу в туманную ночь и истребляли все живое! Для чего, по-твоему, тысячу лет назад понадобилось насыпью отгораживаться? Крупняк...

Розали перестала кричать и прислушалась. Ее губы шевелились, она что-то говорила, но в сознание Кита не проникало ни слова - мешали барабанный бой в ушах, головокружение, учащенное сердцебиение. Вдруг он понял: а ведь это уже не последствия взрыва. Это бьется сам воздух. Краем глаза Кит видел рабочих, все они повернулись к туману. Но там не было видно ничего, кроме неба.

Никто не двигался.

Зато двигалось небо.

За насыпью на фоне серых облаков вскипало грязно-серое золото. Это речной туман вздымался на огромную высоту, на сотню футов. В нем кружили завихрения и пробегали разломы. Он менялся, распадаясь и сливаясь; он дышал.

Когда-то Кит видел огромный пожар: сначала над складом льна повалил дым, и прежде чем разлететься в клочья под натиском ветра, он казался вот таким же одушевленным чудищем...

В туманной горе возникали пещеры; они тотчас затягивались, однако новые не заставляли себя ждать. И в глубине этих пещер, в черно-коричневой мгле, тоже что-то шевелилось.

Но вот исчезла последняя полость. Как будто вечность миновала, прежде чем туман выровнялся, а затем осел. Даже и не определить, в какое мгновение барабанный бой воздуха вновь ослаб до звона в ушах.

- Кончилось, - заключила Розали, и это прозвучало как всхлип.

Кто-то из рабочих отпустил сальную шуточку - обычное дело для натерпевшихся страху. Ее восприняли со смехом, чересчур, пожалуй, громким. На насыпь взбежала женщина, прокричала оттуда:

- На правом берегу все в порядке. На нашем тоже.

Снова грянул смех, и люди поспешили по домам, навестить семьи. У Кита пекло

тыльную сторону кисти. Туда угодил принесенный ветром клочок пены, оставив после себя неровное пятно.

- Я видел только туман, - сказал он. - А крупняк там был?

Розали встряхнулась; вид у нее теперь был суровый, но ни гнева, ни страха. Кит уже заметил эту черту за Паромщиками: они мгновенно поддавались чувствам, но так же быстро и успокаивались.

- Был. Я и раньше видела, как вскипает туман, но чтобы так сильно - ни разу. Никому не под силу выгнать его на такую высоту, кроме крупняка.

- А зачем это нужно крупняку?

- Откуда мне знать? Крупняк - это загадка. - Она посмотрела архитектору прямо в глаза. - Надеюсь, Кит Мейнем из Атиара, твой мост будет достаточно высок.

Кит взглянул в сторону тумана, но сейчас там виднелось только небо.

- Полотно мы подвесим в двухстах футах над туманом. Этого достаточно, мне кажется.

Подошла Лиу Проходчица, вытирая руки о кожаные штаны.

- Ничего себе! У нас в Хойке такого не бывает. Настоящее приключение! А как здесь называется это диво? И как бы нам в следующий раз без него обойтись?

Несколько секунд Розали молча смотрела на миниатюрную женщину, наконец ответила:

- Да никак, пожалуй. Крупняк приходит, когда захочет.

- Он что, не всегда приходит на шум?

Паромщица кивнула.

- Ну что ж, как говаривал мой отец, лучше слабое утешение, чем никакого. - Кит потер виски, голова еще побаливала. - Будем работать дальше.

- Только про осторожность не забывайте, - сказала Розали. - Иначе всех нас погубите.

- Мост спасет много жизней, - возразил Кит и мысленно добавил: «В конечном итоге и твою тоже».

Паромщица отвернулась.

На этот раз Кит за ней не пошел.

Потому ли, что с того дня Лиу пользовалась менее мощными зарядами («Слабее некуда, - сказала она, - иначе просто не возьмут камень»), или потому, что у крупняка хватало других забот, но на протяжении трех месяцев, потраченных на изготовление взрывчатки и разрушение скалы, он не возвращался. Хотя обычной рыбы все это время у берега плавало вдоволь.

* * *

В роду Мейнемов были и металлисты, и горнодобытчики, и всякие прочие умельцы, но Кит с самого начала знал: он станет Мейнемом-строителем. Очень уж нравилась ему невидимая архитектура, та, что рождается в уме. А еще нравилось согласовывать свои умозрительные конструкции с реальностью стройки, зависящей и от участка, и от материалов, и от людей, которые воплощают его замысел. Чем меньше уступишь, тем больше оснований гордиться собой.

Архитектуре он учился в университете. Его куратором была Скосса Тимт, опытный материаловед, руководившая строительством - подумать только! - двадцати трех мостов. Такая старая, что кожа и волосы побелели до цвета ганийского мрамора; она ходила, опираясь на необыкновенно удобный костыль, который сама же для себя и сконструировала.

И преподавала Скосса отменно. От нее Кит узнал, что в зависимости от нагрузки материал может гнуться, крошиться или ломаться. Разные материалы способны усиливать друг друга или, напротив, разрушать. Даже лучшие из них в самых оптимальных сочетаниях не существуют вечно (говоря об этом, преподавательница стучала себя по лбу узловатым пальцем и смеялась), но если все сделать как надо, они продержатся тысячу лет, а то и больше.

«Но не вечность, - повторяла Скосса. - Делай все, что в твоих силах, однако не забывай об этом».

* * *

Из ближних и дальних прибрежных городов и сел на стройку тянулись трудники, нанимался и кое-кто из местных: как перекатная голь, пробавляющаяся случайными заработками, так и крепкие хозяева, не видящие греха в отхожем промысле. В обоих селах почти все были рады прибывающим, ведь они платили за жилье, еду, разные услуги. В гостиницах и трактирах, спешно прираставших флигелями и конюшнями, готовили вдвое, а то и втрое против прежнего.

Левобережное было снисходительнее к чужакам, потасовки если и случались, то ближе к ночи, когда гости чересчур увлеклись выпивкой и женщинами. На правом берегу дрались чаще, но и там стычки шли на убыль - сказывались и приток денег, и рост моста, чьи анкеры и пилоны выглядели уже более чем внушительно. Хлебороб и скотовод продавали свои наделы, и по ним от сел протягивались полосы новых жилых застроек. Кто-то второпях сооружал халупку из лозы и глины,

чтобы ночевать на земляном полу, утоптанном скотиной и хранящем запах навоза, а кто-то селился надолго, строился пусть медленно, зато основательно, покупая лес и собранный на полях камень, зазывая мостовиков работать у него по выходным и вечерами в будни.

Население двух сел все росло, и вот уже стало нелегко отличить местного от приезжего - хотя жители постарше, разумеется, не забывали, кто откуда родом. Для желающих обзаводиться новыми друзьями и возлюбленными наступила золотая пора; теперь уже не приходилось выбирать из тех, кого они знали с детства. Чаще завязывались недолговечные случайные связи, некоторые люди вступали во временное сожителство, а однажды в Левобережном сыграли настоящую свадьбу: Кес Плиточник взял в жены черноглазую каменщицу Джолит Деверен. Еще бы знать, что означает эта фамилия в далеком южном краю, откуда она родом.

Кит не искал себе подруг - он так выматывался на стройплощадках и за столом с бумагами, что даже и не думал о женщинах. Разве что в грозные ночи, когда сна ни в одном глазу, возникало желание - как будто молния пробежала под кожей. Иногда в такие часы он вспоминал о Розали: одна она сейчас или с кем-нибудь? Может, тоже мается, разбуженная громами?

Они виделись часто, когда оба оказывались на одном берегу тумана. Розали была умна и спокойна, и она единственная не донимала его вопросами насчет моста.

Слова, сказанные про Вало, Кит держал в памяти. Он ведь и сам был молодым, причем не так давно, и знал, какие страсти бурлят в юной крови, как не терпится самоутвердиться в мире. Не то чтобы хотелось убедить Вало в необходимости моста - парень едва вступил во взрослую жизнь и какую ни есть репутацию заработал на паромных перевозках, - просто он нравился Кита: такие же глаза, как у Розали, а порой и такая же способность делать любое дело без видимых усилий.

Со временем Вало заинтересовался стройкой, принялся выяснять подробности, сначала у рабочих, а потом и у Кита. Причем дурацких вопросов не задавал, как-никак в своем деле он уже набрался опыта и даже изготовил несколько лодок по собственным чертежам. Кит начал с азов, с того, что сам мальчишкой узнал от отца на стройках. Показал, как перемещаются огромные блоки, поведал о хитром равновесии между замыслом и воплощением, между чертежами и материалами. Объяснил, какая нужна сила воли, чтобы к цели, существующей только в твоём воображении, за тобой пошли тысячи. Вало был чересчур честен, чтобы не признать превосходство Кита, но и слишком азартен, чтобы воздержаться от попыток превзойти архитектора на его поле. Как бы то ни было, юноша все чаще

появлялся на стройплощадках.

Однажды Кит отвел Паромщика в сторонку.

- Ты можешь строить, было бы желание.

- Строить? - залился краской юноша. - В смысле - мосты?

- Жилые дома, фермы, подпорные стены. И мосты тоже.

Парень нахмурился.

- Менять людям жизнь? Зачем это нужно?

- Жизнь и так постоянно меняется, хотим мы того или нет, - возразил Кит. - Вало Паромщик, ты же толковый парень. С людьми умеешь ладить, схватываешь на лету. Если захочешь, я сам возьмусь тебя обучить или направлю в Атиар, в университет.

- Вало Строитель... - протянул парень раздумчиво, а потом коротко ответил: - Нет.

Но с того дня он постоянно появлялся на участке - когда не водил паром и не мастерил лодки. Кит знал: если вопрос прозвучит снова, ответ будет уже другим. Чтобы невидимое вышло наружу, нужны время, труд и материалы. Придет срок, и у Вало созреет решение, а пока Кит напишет двум-трем старым друзьям, пусть прикинут, как посодействовать юноше.

* * *

Между тем пилоны и анкеры росли. Прошла зима, потом лето и вторая зима. Не обходилось без несчастных случаев: упавший с высоты рабочий сломал руку, еще двое повредили ребра. В Правобережном с катков сорвался валун и раздробил пальцы на ноге женщины, пришлось ампутировать стопу. Но мост строился, и даже задержка с углублением котлованов после того памятного взрыва не сказалась на графике. У Кита не возникало проблем ни с казначейством, ни с дорожным ведомством, ни с прочими столичными учреждениями. Другое дело - Трипл, откуда то и дело наведывались зловерные чиновники, но и с ними худо-бедно удавалось договариваться.

Кит очень хорошо понимал, что ему везет.

* * *

Беда случилась как раз в тот день, когда Вало наведалься на стройку. К началу

второй зимы Кит уже три месяца кряду пропадал на правом берегу. Он знал, что такое здешние зимы: хмурые небеса, дожди, временами снегопады. Скоро придется сворачивать самые тяжелые работы и ждать, пока не распогодится. Но тот день, похоже, выдался удачным: каменщики подняли и уложили почти сотню блоков.

Вало только-только вернулся с левого берега, там он три недели строил лодку для Дженны Синерыбицы. Сквозь дождь, такой мелкий, что казался туманом, парень глядел на мостовую башню; за этим занятием и застал его Кит.

- А много ты успел, пока меня не было, - заключил Вало. - Какая теперь высота? Сколько раз в своей жизни Кит слышал этот вопрос?

- Сто пять футов примерно. Это уже треть.

Вало, улыбаясь, покачал головой.

- До чего же хлипко смотрится. Я помню твои слова: основная нагрузка на пилон - это вертикальное давление. И все равно такое чувство, будто может переломиться пополам.

- Когда узнаешь про висячие мосты побольше, они перестанут... вызывать беспокойство. Поглядим, как продвинулась стройка?

У Вало засияли глаза.

- А можно? Не хотелось бы мешать.

- Я сегодня еще не был наверху, а рабочий день заканчивается... По внешней или по внутренней?

К башне примыкали леса с лестницей. Вало взглянул на них и содрогнулся.

- Лучше по внутренней.

Кит последовал за юношей. Внутри пилона шла винтовая лестница шириной три фута. Пять крутых ступенек, площадка слева, снова марш и поворот, и так, кажется, до бесконечности. Для освещения - ниши над каждой третьей площадкой, но фонарей пока не было, и подниматься приходилось на ощупь.

В башне пахло сыростью и землей, примешивался запах горелого лампового масла. Кое-кто из рабочих винтовую лестницу недолюбливал, предпочитая забираться и спускаться по лесам; Киту же здесь нравилось. В такие редкие моменты он словно сам становился частицей моста.

Вот и верх, можно осмотреться. Незаконченные ряды кладки, черный силуэт лебедки на фоне тускнеющего неба. Рабочие, кто еще не ушел домой, разбирали треногу, служившую для подъема блоков. Из колодца торчал шест, с него свисала лампа; позже в эту дыру опустят арматуру и зальют раствор. Архитектор кивнул подчиненным, а Вало подошел к краю и посмотрел вниз.

- До чего же красиво, - улыбнулся парень. - И высоко: видно, что делается на

каждом дворе... Вон, Тели Плотник свинью коптит.

- Насчет свиньи и без башни понятно, я уже второй день нюхаю, - проворчал Кит. Вало смешливо фыркнул и спросил:

- А Белый Пик еще не разглядеть отсюда?

- В ясный день виден, - ответил Кит. - Я на него поднимался два раза...

И тут раздался скрежет: клонилось, валилось что-то тяжеленное. А затем вопль. Кит резко повернулся и увидел лежащую в нескольких шагах женщину, поперек ее груди - бревно от треножника. Лорех Дубильщица, из местных. Он подбежал, упал рядом на колени.

Мужчина, ее напарник, объяснил:

- Соскользнуло... - И взмолился к пострадавшей: - Лорех, ты только держись!

Но Кит уже понял: ей конец. Раздавлена грудь, плечо вывернуто из сустава, сознания нет, дыхание рваное. В хилом свете фонаря пузырившаяся на губах пена казалась черной.

Кит взял холодеющую женскую руку.

- Лорех, все будет хорошо... Ты поправишься...

Конечно, он лгал. Впрочем, Лорех его и не слышала. Зато слышали остальные.

- Надо Холла позвать, - сказал кто-то из рабочих, и Кит покивал, вспомнив, что это имя местного лекаря.

- И за Обалом тоже сходить бы, - услышал он. - А где ее муж?

Рабочий побежал вниз по лестнице, и вскоре его топот растаял в шорохе усилившегося дождя, в чьем-то плаче и в клопочущем дыхании Лорех.

Кит поднял глаза: хватая ртом воздух, Вало стоял рядом и смотрел на женщину.

- Помоги найти Холла, - попросил архитектор, но юноша не шелохнулся, и пришлось повторить.

Вало ничего не ответил, он еще несколько мгновений стоял и смотрел на Лорех, наконец повернулся и устремился к лестнице. Снизу донеслись крики, это первый посланник оповещал селян о беде.

Последний судорожный вздох - и Лорех умерла.

Кит повел взглядом вокруг. Другую руку покойницы держал мужчина, он прижимался лицом к кисти и безудержно рыдал. Еще двое оставшихся на башне рабочих стояли на коленях у Лорех в ногах. Мужчина и женщина держались бок о бок, но Кит знал, что они не семейная пара.

- Как это случилось?

- Когда оно поехало, я пыталась оттолкнуть. - Женщина прижимала к животу руку, очевидно, даже не понимая, что та сломана. - Но все равно попало.

- Притомилась она, вот и перестала беречься, - добавил мужчина, имея в виду

Лорех.

Слова из этих двоих сыпались, как брызги крови из раны. Кит не перебивал. Им сейчас нужно было говорить, и чтобы кто-то слушал. Вот он и слушал, и когда появились другие - вдовец с побелевшими губами и дикими глазами, врачеватель Обал и шестеро рабочих, Кит выслушал их и постепенно вывел из башни, пошел с ними на свет и тепло.

Ему уже приходилось терять людей. И раньше бывало ничуть не легче, чем в этот раз.

Нынче ночью в Правобережном прольется много слез. Кто-то будет злиться на Кита и на мост, немало упреков достанется провидению, дозволившему случиться беде. Не обойдется и без тоскливого молчания, и без кошмарных снов. Иные займутся любовью, а кому-то захочется побыть с детьми или собаками - светочами жизни в мозглой зимней ночи.

* * *

Однажды его преподавательница, имевшая привычку отвлекаться от свойств материалов и принципов архитектуры, сказала:

- Рано или поздно начинаются неприятности.

Была зима, и они вышли на прогулку, невзирая на снегопад. Скосса хотела что-то купить для усовершенствования своего костыля.

- На долгой стройке очень привыкаешь к местным, забываешь даже, что ты на самом деле не один из них, - продолжала она. - И вдруг - несчастный случай. Для тебя он как оплеуха. Что чувствуешь при этом? Вину, жалость, одиночество... беспокойство за график. Но разве это важно? Нисколько. Важны чувства тех, кто вокруг тебя. Поэтому надо прислушиваться к людям. Понимать, каково им. - Она приостановилась, задумчиво постукивая тростью по земле. - Хотя нет, это неправда. Твои чувства тоже многое значат, ведь это и для тебя тяжелое испытание, и не факт, что ты найдешь в себе силы. Возможно, их придется черпать из другого источника.

- Ты о друзьях? - с сомнением спросил Кит.

Он уже выбрал для себя карьеру - такую же, как у отца. И не намеревался подолгу задерживаться на одном месте. Несколько лет - и другая стройка.

- Да, о друзьях. - На волосах Скоссы копился снег, а она как будто и не замечала. - Знаешь, Кит, беспокоюсь я о тебе. С людьми общий язык находить ты умеешь, это видно. Ты хорошо относишься к ним. Но слишком уж узкие рамки у этого хорошего

отношения.

Он хотел было возразить, однако преподавательница жестом велела помолчать.

- Да-да, знаю, о людях ты заботишься. Но только в должностных рамках. Сейчас у тебя учебные задачи, а потом начнутся мосты и дороги. У твоих подчиненных, Кит, будет собственная жизнь, проходящая большей частью вне стройплощадки. К людям нельзя относиться как к инструментам, даже как к любимым инструментам. Ты ведь тоже человек, и твоя жизнь не должна замыкаться в границах проекта. Будет очень плохо, если нагрянет беда и окажется, что до тебя никому нет дела.

* * *

Кит брел через Правобережное, держа путь к «Рыжей гончей». На улицах ни души, жители сидят по домам и кабакам, как будто село невидимой стеной от него отгородилось. Впрочем, слышен топот - кто-то догоняет.

Когда бегущий приблизился, архитектор, готовый к самому худшему, резко обернулся. Не так уж редко понесшие утрату мстят тому, кого считают виновными в своей беде.

Но это Вало. Кит, хоть и увидел сжатые кулаки, сразу понял: парень зол, хотя драки не ищет.

Как же не хотелось ничего выслушивать! Добраться до своей комнаты, упасть в койку и проспать тысячу часов. Но у Вало были совершенно шальные глаза. У Вало, который так похож на Розали.

Хоть бы Розали и Лорех не оказались родственницами или подругами.

- Что же ты по улицам бегаешь в такую холодину? - мягко спросил Кит. - Шел бы домой.

- Я пойду... Уже был дома, но подумал: может, встречу тебя... Потому что...

Парень замерз до дрожи.

- Пойдем-ка лучше под крышу...

- Нет, - отказался Вало. - Сначала я должен узнать. Что, всегда вот так? Если я этим займусь, в смысле, если буду строить, такое тоже может случиться? Кто-нибудь погибнет?

- Да, может. И, вероятно, случится когда-нибудь.

И тут Кит услышал то, чего совершенно не ожидал:

- Понятно. А ведь она только что замуж вышла.

Он мигом вспомнил кровь на губах Лорех, последние клекочущие вздохи раздавленной груди.

- Да, - подтвердил Кит. - Только что.

- Я просто... хотел узнать, нужно ли мне быть готовым к такому.

Другому эти слова могли показаться жестокими, но Кит знал: паромщики вовсе не бессердечны. Просто они слишком часто видят смерть. И сами готовы принять ее в любой миг.

- Надеюсь, я выдержу...

- А может, тебе не придется. - Кит уже стучал зубами под усиливающимся дождем. - Шел бы ты домой.

Парень кивнул.

- Жаль, что там не было Розали, она бы помогла... Тебе тоже надо домой, вон как дрожишь.

К черному ходу «Суки» он пробрался через конюшню. По пути встретился хозяин заведения, он кивнул постояльцу, направляясь в пивной зал с гроздьями кружек в руках. Видсон Содержатель Двора был мрачен, но враждебности не выказал.

«Это хорошо, - подумал Кит. - В такие дни прекрасно все, что не слишком плохо».

Наконец он прошел к себе, затворил дверь и привалился к ней спиной, как будто хотел наглухо отгородиться от мира. Здесь уже кто-то побывал: зажжена лампа, растоплен очаг, а у окна, на холодке, ждут хлеб, сыр и светлое пиво.

И тут он заплакал.

* * *

Сигнальные флажки отправили новость за реку. Ни на следующий день, ни через день работа на стройке не велась. На людях Кит держался невозмутимо, делал все, что от него требовалось, а печали и раскаянию предавался в одиночестве, сжимаясь в комок подле очага.

На третьи сутки с левого берега переправилась Розали, привезла громадный штабель ящиков с северными травами - их путь лежал дальше на восток.

Кит сидел в пивном зале «Суки», слушал разговоры. Мало-помалу местный люд превозмогал боль утраты. Надо было жить сегодняшним днем и в будущее смотреть бодро. Ничего, скоро распогодится, и у всех полегчает на душе. Вот бы еще показать селянам прямо сейчас какое-нибудь достижение. Нечто необычное и важное. Они бы повеселели, увидев перед собой прямой и ясный путь к цели.

Кит не заметил, как в зал вошла Розали, лишь почувствовал ее руку на своем плече и услышал предназначенный только для его уха шепот:

- Пойдем.

Он обернулся, посмотрел недоумевающе, словно на незнакомку.

- Пойдем, Кит, - повторила она. - Прогуляемся.

Шел дождь, но Кит лишь натянул на голову шарф, когда по лицу побежали студёные капли.

Пока они шлепали по лужам Правобережного, Розали не сказала ни слова. Кит не знал, куда его ведет Паромщица. Радовало, что не надо ничего решать самому. Не надо быть сильным.

Наконец, она отворила дверь и впустила спутника в полную света и тепла комнатушку.

- Это мой дом, - сказала она. - Вало тоже здесь живет. Он все еще в лодочной мастерской. Да ты присаживайся. - Розали сняла висевший над огнем горшок, зачерпнула из него кружкой, подала ее Киту. - Пей.

Он глотнул крепкого пива с пряностями, и от тепла в груди чуть-чуть ослаб тугой узел.

- Спасибо.

- Говори, - велела она.

- Я знаю, для вас это тяжелая потеря, - произнес он. - Ты хорошо знала Лорех?

Розали замотала головой.

- Это не мне нужно, а тебе. Поговори со мной.

- У меня все в порядке. - Не дождавшись отклика, Кит повторил уже сердито: - Розали, за меня беспокоиться не нужно. Я как-нибудь переживу.

- Да не все у тебя в порядке, - возразила женщина. - Лорех погибла, и получается, она отдала жизнь ради твоего моста. И что, ты не считаешь себя виноватым? Не поверю.

- Конечно, считаю, - буркнул он.

Розали повернулась к нему лицом, на широких скулах заиграли золотистые отсветы огня. Но напрасно Кит ждал от нее каких-то слов. Паромщица лишь смотрела на него.

- У меня и раньше такое случалось, - с удивлением услышал Кит свое признание. - Мой первый самостоятельный проект - ворота через дорогу, для сбора пошлины. Сущий пустяк, ничего мудреного. Мы не успели положить замковый камень: провалился шаблон и обрушилась вся арка. На такой ерундовой стройке потерять человека...

Он был молод. Высокий, стройный. Прихрамывал. Растил сестру, совсем ребенка, не старше десяти. Она пришла с ним на стройку в тот день, но не видела, как рухнула арка. Когда погиб брат, девочка гуляла в ближних полях. Дафуэн? Науз? Как же его звали?.. А сестру?

«Я обязан их помнить, - подумал Кит. - Я так много им должен...»

- Всякий раз, когда у меня на стройке кто-нибудь гибнет, - нарушил он затянувшуюся паузу, - я вспоминаю всех. Их уже двенадцать. За двадцать три года. Вообще-то не так уж много. У некоторых список куда длиннее. Строительство - работа небезопасная.

- Но разве это имеет значение? - спросила Розали. - Ведь тебе кажется, что это ты убил каждого из них, Как будто своими руками с моста сбрасывал.

- Да, я в ответе. Первый, Дуар... - Имя всплыло, и узел в душе еще больше затянулся, а по лицу побежали горячие слезы.

- Все правильно, - тихо сказала Розали и положила ему на плечи ладони.

И не убирала их, пока Кит не выплакался.

- Откуда ты знаешь? - спросил он наконец.

- В семье Паромщиков я теперь самая старшая, - ответила она. - Семь лет назад не стало тети. А четыре года назад я провожала брата. Был прекрасный день - ни ветерка, ни тучки, - но брат не добрался до берега. Он меня подменил: я тогда почувствовала, что с рекой неладно... Наверное, надо было все-таки плыть самой... Так что я знаю. - Она распрямила спину. - И большинство людей знают. Вот Петро Плотник отправил дочку в горы присмотреть лес для нового сруба, а она не вернулась - не то волки загрызли, не то под молнию угодила. Спрашивается, кого винить? Петро? Или волков? Молнию? А может быть, сама виновата, сделала какую-то глупость? Ну да, Петро, получается, виноват: не послал бы туда дочь, она бы там и не оказалась... А мать? Сама не знала страха и дочку приучила ничего не бояться... А Тому Грину понадобилась пристройка к дому... Выходит, все, кроме разве что волков, чувствуют себя виноватыми - кто больше, кто меньше. Но это путь в никуда. Все равно бы Лорех умерла рано или поздно. - Помолчав, Розали тихо добавила: - Все мы умрем.

- Ты так спокойно относишься к смерти? - спросил он. - И даже к своей?

Она выпрямилась, на лице вдруг проступила усталость.

- А что делать, Кит? Кто-то должен водить паром, и для такой работы я подхожу лучше многих. Не только потому, что это у меня в крови. Я люблю туман, его потоки, его запах. И силу ощущать в своем теле на переправе... Уверена, когда пришли волки, дочь Петро умирать не хотела, но ей так нравилось выбирать деревья...

- А если смерть придет к тебе? - спросил Кит мягко. - Встретишь ее вот так же беспечно?

Она рассмеялась, и печали как не бывало.

- Пожалуй, нет. Буду проклинать звезды и сопротивляться до последнего. И все

же переправа через туман останется самым упоительным занятием на свете.

* * *

Во время учебы у Кита были связи с женщинами. На лекции ходила уйма слушателей, по улицам бродили толпы студентов, вечерами пивные были забиты молодежью. Но технари издавна держались замкнутым лагерем. В университете шутили, что пуще архитекторов трудятся только пивовары. Поэтому Кит почти не расставался с товарищами по профессии - и в стенах учебного заведения, и за их пределами. Вместе зубрили, спорили, выпивали и ночевали.

На третьем году обучения он познакомился с Домху Канной. Случилось это в торговых рядах, где он покупал велень и хлопковую бумагу. Девушка была невысока, лицо сердечком, шевелюра, как черное облако, - кудри удавалось частично укрощать только с помощью серых лент. Родилась Домху на востоке, в прибрежном городе, и отправилась за две тысячи миль учиться философии.

Она очаровала Кита. У нее был шустрый, словно рыбка, склонный к внезапным решениям и непостижимым для него ассоциациям ум. Все на свете Домху воспринимала как метафоры, как символы, обозначающие нечто иное. Чтобы лучше понимать людей, говорила она, надо сравнивать их с животными, временами года, песнями или азартными играми.

Киту думалось, что и в его профессии можно найти такие же образы и сравнения. Подчас люди похожи на волов, ведомых в упряжке. Или на металл, расправляемый и заливаемый в форму. А может, на камни для сухой кладки: их тщательно отбирают по размеру и прочности и столь же добросовестно укладывают в стену.

Последний образ нравился Киту больше других. Эти камни удерживаются на месте не раствором, а собственным весом, да еще точным расчетом каменщика. Однако сравнение оказалась негодным: да, что-то такое есть, но на самом деле люди не камни.

Кит так и не понял, что нашла в нем Домху.

О том, чтобы узаконить отношения, они не думали. Когда у Кита дошел до середины пятый учебный год, она вдруг вернулась в свой город - помогать в создании нового университета. Да и вообще, в ее краях не были популярны формальные браки. Расставались друзьями, не без печали.

И лишь спустя годы Кит впервые задумался о том, что все могло быть иначе.

* * *

Хотя зима выдалась дождливой, но пригодные для работы дни все же выпадали, и ни один из них не был потерян. Весной еще погибали люди, на обоих берегах, но эти смерти не имели отношения к стройке. Селянка умерла родами, и ребенок в своей коротенькой жизни не успел сделать ни одного самостоятельного вдоха. На реке сгнули два рыбака, у них опрокинулась лодка. Еще несколько человек скончались - кто от старости, кто от болезни.

За весну и лето удалось закончить анкерные массивы, бесформенные громады из блоков и известкового раствора, намертво скрепленные с матерой породой. Сооружения эти почти полностью скрывались под землей, сверху возвышались лишь считанные ряды кладки. Огромные, длиной в человеческий рост анкерные болты прятались в глубине проемов для цепей.

К середине третьей зимы был готов пилон на правом берегу, задолго до того, как достроили левобережную башню. Усовершенствованная Дженнером и Тениант Планировщицей сигнальная система позволяла обмениваться подробными сведениями, а с каждым паромом туда или сюда прибывала письменная документация. Вало, хоть и проводил много времени вместе с Китом, успел переплыть реку двадцать раз, а Розали все шестьдесят восемь. Главный архитектор перебирался на другую сторону лишь по требовательному зову флажков.

Ранней весной, когда Кит работал на правом берегу, пришел сигнал «Имперская печать». Надо было, не теряя ни минуты, бежать к Розали.

- Не могу, - сказала она. - Я только вчера там была. Крупняк...
- Мне срочно нужно, а Вало в Левобережном. Из столицы поступили новости.
- Новости и раньше приходили. И преспокойно ждали на берегу.
- Как бы не так. Это вы заставляли их ждать.
- А флаги на что? - В ее голосе появилось легкое раздражение.
- Так ведь имперская печать. Никто, кроме меня и Дженнера, не вправе ее сорвать. А он тоже здесь. - Говоря эти слова, Кит думал о ее брате, который погиб четыре года назад.

- Если умрешь, никто уже не сможет прочесть, - проворчала Розали.

Они отправились в тот же вечер. «Если уж плыть, то чем раньше, тем лучше», - сказала Паромщица.

Когда Кит спустился на ближнюю пристань, по небу уже протянулись ярко-зеленые и золотистые ленты, это облака отражали последние солнечные лучи. Сумерки почти скрыли туман, дыбившийся гладкими курганами двадцатифутовой

высоты; ветерок меж насыпей был слабым и ровным.

Розали ждала молча, в ее руках свивалась кольцами веревка. Рядом стояли две женщины - возвращавшиеся с плантаций Глота торговли пряностями. С ними была собака, она суежилась и выла. Кит нес тяжелые ящики с листьями велени и хлопковой бумаги; на свернутые в плотную трубку документы был натянут непромокаемый чехол. Торговок и собаку Розали усадила на носу парома, после чего молча отвязала швартов и оттолкнулась от причала. Кит сел рядом с ней.

Она стояла на корме, опираясь на весло. На миг Киту даже представилось, что паром плывет по воде; вот сейчас послышится плеск...

Но широкая лопасть перемещалась в тумане совершенно беззвучно. Было так тихо, что он слышал дыхание Розали, тревожное пыхтение собаки и собственный учащенный пульс.

Затем «Спокойная переправа» заскользила вверх по длинному гребню туманного бархана. Конечно же, это никакая не вода.

До ушей Кита донеслось слабое сипение. Видно было недалеко, но запоздалые отсветы показали, как вспучился склон холма - будто в горячем грязевом озере образовался большой пузырь. Выпуклость разрасталась - и вот она лопнула под испуганное аханье пассажиров. Появившийся горб (заметно, что длинный, а больше в темноте ничего не разглядеть) устремился прочь.

- Что это? - спросил Кит изумленно.

- Рыба, - шепнула в ответ Розали. - Причем не мелкая. У нее клев по вечерам. Не надо бы нынче здесь плыть.

Между тем уже наступила ночь, вышла первая, малая, луна, чуть поярче проступили звездочки, а потом засветились и другие небесные тела. Розали аккуратно вела паром среди зыбких холмов, ее лицо было обращено к небу. Поначалу Кит принял это за молитву, но затем догадался: Паромщица ориентируется по звездам. Снова и снова выныривали рыбы, и всякий раз было шипение, появлялся едва различимый силуэт. А однажды донесся человеческий голос, очень-очень далекое пение, и оставалось лишь догадываться, как такое чудо возможно.

- Рыбаки, - объяснила Розали. - Они сейчас держатся ближе к насыпям. Хотелось бы мне...

Паромщица не договорила, и Кит не узнал, в чем заключалось ее желание. Они уже преодолели глубокий туман, и едва ли архитектор мог сказать, как он это определил. Ему вдруг представились мост над головой, черная полоса поперек звездного неба, с параболами цепей: пройдет время, по этому прямому, как стрела, прогону будут разгуливать люди, вовсе не думая о том, какие опасности таятся под

ногами. Может быть, кто-то заметит внизу шевеление, но с огромной высоты не отличит рыбу от прочих теней. Это если он вообще остановится у перил и взглянется в туман. Конечно, появление крупняка, этих таинственных, сверхъестественных существ не останется незамеченным, но оно лишь вызовет легкий трепет - как рассказанная на ночь страшная сказка.

Розали как будто привиделось то же, что и Киту. Она вдруг произнесла:

- Твой мост все изменит.

- Прости, но так будет лучше, - сказал Кит. - Мы не должны плавать через туман.

- Мы не должны попадать на тот берег иначе, как переплывая через туман. Кит, знаешь... - Розали оборвала фразу в самом начале. Через секунду она вновь заговорила, но уже тише, словно отвечала собственным мыслям: - Часто жизнь зависит от сиюминутного выбора: с Дирком Кожемякой я заночую на горном поле или одна под своей крышей, куплю на ярмарке ленты или вино, из какого дерева - камфорного или грушевого - сделаю носовую деку парома. По-твоему, это мелочи? Поцелуй, лента, пылинка, упавшая на ту или иную чашу весов... Нет, Кит Мейнем из Атиара, это не мелочи. Наши души ждут от нас ответов, и любой изменяет нас... Вот почему я не спешу решать, как мне относиться к твоему мосту. Я буду ждать, пока не пойму, какая перемена случится со мной.

- А если понять так и не удастся? - спросил Кит. - Ведь это будет означать, что ты ждала зря.

Неподалеку раздался всплеск.

- Тихо!

В светлое время путь занял бы меньше часа, но теперь Киту казалось, что прошло много больше времени. Да и не казалось, наверное. Если на звезды глядеть, не поймешь, то ли продвигается лодка вперед, то ли стоит на месте.

У него стиснуты челюсти, а мышцы, все до единой, напряжены. Попытавшись расслабиться, Кит понял: нет, это не страх, а нечто иное, идущее извне.

- О нет! - воскликнула рядом Розали.

Теперь он тоже улавливал это - звук не звук, похоже на пение органных труб самого низкого регистра; гул до того слабый, что его едва различает ухо. Но от него почему-то кости превращаются в жидкость, а мышцы - в шелушащуюся ржавчину. Вдруг стало тяжело дышать, из груди рвались хрипы, в голове гулко ухала кровь. Движения давались не легче, чем мухе, увязшей в меду. Все же он кое-как поднял руки, прижал ладони к вискам. Розали была почти не видна - словно пятно чуть светлее мглистого фона, - но слышались ее слабые, полные боли вздохи, как у раненой собаки.

Барабанный бой гремел теперь во всем теле, растворял, разъедал. Хотелось

кричать, но в легких не осталось воздуха. Вдруг Кит понял, что под ними уже не плоская поверхность: туман вспухал, вздымался, горбился за бортами парома.

«Так я мост и не достроил, - подумал он. - И ее не поцеловал».

А Розали - жалеет ли сейчас о чем-нибудь?

Туманный горб все рос, превращался в курган, в гору, и вот она уже застит полнеба. Затем гребень растаял, развеялся туманными завитками, и обнажилась тварь - громадная, темная, как сама ночь, она заскользила вниз, в образовавшуюся ямину. При этом казалось, будто она вовсе не двигается, хотя Кит понимал: это из-за непомерной длины. Целый век минует, прежде чем тварь проплывет перед ним вся... А больше он и не увидел ничего - глаза закрылись сами собой.

Неизвестно, сколько времени он пролежал на дне лодки. Просто в какой-то момент пришел в себя, а чуть позже к нему вернулась способность двигаться, мышцы и кости пришли в норму. На носу парома лаяла собака.

- Розали? - слабо позвал он. - Мы что, тонем?

- Кит? - Ее голос был тонок как нить. - Так ты жив? А я думала, умер.

- Это был крупняк?

- Чего не знаю, того не знаю. Настоящего крупняка еще никто так близко не видел. Может, это был крупняк-средняк.

Кит вымученно хихикнул.

- Вот же зараза! - ругнулась в потемках Розали. - Я весло обронила.

- И как теперь быть? - спросил Кит.

- Есть запасное, но с ним и плыть дольше, и к причалу не попасть. Ладно, приткнемся где-нибудь, а дальше пешком, за помощью.

«Я жив, - подумал Кит. - Могу теперь хоть тысячу миль прошагать».

До Левобережного они добрались уже почти на рассвете. Как раз всходили две большие луны, когда паром пристал к берегу в миле южнее пристани. Торговки пряностями сразу ушли вместе с собакой, Кит с Розали задержались, чтобы привязать лодку, а потом побрели берегом. На полдороге встретили Вало, он бежал со всех ног.

- Я жду и жду, а тебя все нет и нет... - Парень задыхался, в лице ни кровинки. - А тут они, пассажирки эти, говорят, ты добралась, и я...

- Вало... - Розали обняла его, крепко прижала к себе. - Малыш, мы живы. И мы здесь. Все кончилось.

- Я думал...

- Знаю, о чем ты думал, - перебила она. - Прости, я так вымоталась, просто с ног валюсь. Сделай одолжение, подгони «Переправу» к пристани. А я домой. Буду спать до вечера, и даже если самой императрице понадобится, пускай ждет и зря

не топает ножками.

Она отпустила юношу, одарила Кита усталой улыбкой и пошла вдоль насыпи. Архитектор проводил ее взглядом.

* * *

«Имперская печать» оказалась письмом из Атиара от какого-то мелкого, но наглого чиновника - он требовал разъяснить ранее представленные Кита цифры. Едва ли это стоило переправы даже в ясный день, не то что в такую ночь. Кит проклинал и столицу, и всю империю, но затем все же послал требуемое, добавив суровое замечание насчет печатей и надлежащего пользования ими.

Два дня спустя он получил сообщение, которое уж точно требовало его присутствия на левом берегу: из Рудного Хойка везут цепные звенья и болты, они уже в двенадцати милях от села. Кит, а с ним железных дел мастер Тандрив Ковальщица поехали встречать обоз и застали его спускающимся по южному пологому склону холма возле деревни Оуд. Крепко сбитые телеги были приземисты, кладь укрыта парусиной, а толстоногие волю в упряжках взирали на мир с безмерным спокойствием. Обоз двигался медленно, возчики шли рядом с телегами и распевали нечто, непривычное для ушей горожанина.

- Воловьи песни, - пояснила Тандрив. - Я тоже такие в детстве пела, когда у тетки на ферме жила. «Вспомни сны ночей тогдашних, ложе из травы остывшей, на лугах коров бродящих и былую силу в яйцах...»

Тандрив хихикнула.

Когда он остановил коня, приблизилась одна из погонщиц.

- Здравсьте, - буркнула погонщица и сопроводила приветствие кивком.

Кит слез с коня и спросил:

- Это и есть наши цепи?

- Ты с моста?

- Кит Мейнем из Атиара.

Женщина снова кивнула.

- Бералит Рыжий Бык из Ильвера. Кузнецы твои на задке последней телеги сидят.

Если и сидели, то не все - жилистый мужичок с опаленными бровями спешил навстречу. Он представился как Джаред Калильщик из Малого Хойка. Ведя разговор и шагая рядом с обозом, он откинул покров, и Кит увидел груз: чугунные звенья, десятифутовые стержни с петлями на концах. Оглядев их, Тандрив

вступила в беседу с Джаредом. Кит вел в поводу обеих коней; ему были по душе такие вот увлеченные разговоры мастеров. Он даже чуть поотстал, поравнявшись с гужевой скотиной.

«Вспомни сны ночей тогдашних... - мысленно повторил он. - А что снится Розали, хотелось бы знать».

* * *

После той ночной переправы у Розали, похоже, не бывало «плохих дней». Стоило объявиться пассажирам, и уже на следующее утро она перегоняла паром, невзирая ни на погоду, ни на капризы тумана. По этому поводу малость поворчали владельцы тракторов и постоянных дворов, ведь их доходы напрямую зависели от длительности пребывания гостей, но вскоре самих этих гостей заметно прибыло в числе - из Атиара потянулись мужчины и женщины с очень серьезными глазами: посланцы столичных фирм открывали филиалы в зареченских городах. К тому же перемена в повадках Розали пошла на пользу строительству: Кит и его люди теперь перебирались с берега на берег по первому требованию. Правда, главный архитектор такой возможностью пользовался неохотно - никак не мог забыть путешествие на волосок от смерти.

В общем, для двух паромщиков работы было предостаточно, и Вало регулярно вызывался помочь, но согласие получал редко - лишь в тех случаях, когда Розали не могла управиться сама.

- В нынешнюю пору крупняк, по всему видно, мною не интересуется, - объясняла она. - Но как знать, вдруг он не прочь отведать мяса понежнее.

С Китом женщина была куда откровеннее:

- Если и впрямь нужно, чтобы Вало учился в столице, то чем раньше он расстанется с переправой, тем лучше. Тумана надо опасаться вплоть до той минуты, когда паром в последний раз причалит к берегу. Да и после, когда ты свой мост построишь...

Туман был добр к Розали, но на других его снисходительность не распространялась. Как и в любой другой год, не очень везло рыбакам. Лишился лодки Денис Красный Челн, ее протаранил «крупняк-середняк» - так со смехом описывал в трактире обитателя тумана злополучный рыболов. Сыпь у него на коже вскоре прошла, и волосы снова отросли, но лишь разрозненными пучками.

* * *

Во дворе «Оленьего сердца» за кружкой пива сидел Кит и смотрел, как Розали с Вало мастерят ялик. Юноша громко приветствовал архитектора, когда тот появился в пивной, а женщина повернула голову и послала улыбку, но уже в следующую минуту оба как будто забыли о нем. Правда, здоровались другие сельчане, а владелец трактира даже задержался рядом, чтобы пожаловаться на жуткие боли в спине, но почти все время Кит провел в одиночестве, потягивая охлажденный в погребе портер и глядя, как обретает форму малый челн.

В середине четвертого лета ему редко доводилось потратить на отдых столь славный денек. С анкерами управились несколько месяцев назад, подвели щебенчатые пандусы к арочным проемам в пилонах. Но сами пилоны еще не готовы, на них надо поднять гранитные седловидные опоры, через которые будут перекинута цепи.

Уже прибыли монтажники, мужчины и женщины, которым предстояло выполнять рискованную задачу. Это были мастера, набравшиеся опыта на пролетах и башнях других атиарских мостов.

Однако пока никто не может перебраться с берега на берег без помощи Розали. А она сейчас занимается другим делом, и Кит, сидя в сторонке, любуется, как горит работа в ее руках.

* * *

На лодочном дворе трудились не только Вало и Розали. В Убмае, что в ста милях к югу, получила весточку Челл Перевозчица, и несколько дней назад она вместе с племянником Лэном поселилась в «Оленьем сердце». Как и Паромщики, приезжие были хороши собой, с мускулистыми плечами, но их лица хранили особенное выражение, некую загадочную отстраненность. Возле Убмая река была пошире и поглубже, чем здесь, поэтому, наверное, они еще чаще встречались со смертью.

«Вот интересно, - думалось Киту, - какое у них мнение о моей работе? Ведь она скажется на паромных перевозках на сотни миль в обе стороны, да к тому же в Убмае тоже может начаться строительство моста, больно уж подходящим выглядит этот участок. Но будь они категорически против, разве приехали бы сюда?»

Паромщики теперь находились в центре событий. В ближайшее время им

предстояло тянуть через реку тросы, от пилона к пилону. Чтобы собрать цепи, нужны временные канаты и подвесные рабочие платформы. Но со всем этим придется ждать, пока Розали, Вало и Перевозчики не почувствуют все разом: вот он момент, когда можно плыть.

Кит справлялся с нетерпением, у него хватало дел. Пополнять списки заказов, посылать формальные отчеты начальству и вежливые извещения заинтересованным лицам в Атиаре и Трипле, передавать наставления канатчикам, каменщикам, дорожникам и счетоводам. А тут еще Дженнер... Кит отправил письмо в столицу, и дорожное ведомство согласилось доверить молодому архитектору строительство второго моста через реку, в нескольких сотнях миль к северу. Передать приказ о назначении Кит намеревался, как только окажется на другом берегу, он был рад, что Дженнер останется при нем, пока не будет протянута первая цепь.

Но сейчас он выбросил все это из головы. «Потерпите, - чуть виновато обратился он к своим делам. - Обещаю, я со всеми вами разберусь. Дайте мне спокойно посидеть на солнышке и посмотреть, как работают другие».

Розали и Вало заканчивали работу уже в лучах заката, падавших сквозь дубовую листву. Ялик был готов, персиковый вечерний свет ложился на свежеструганную древесину, подчеркивал элегантность обводов. Вало припустил со двора лодочной мастерской бегом, и Кит восхитился: ах, молодость, сколько в тебе энергии, за целый день не растратить. А Розали подошла к забору.

- Красиво, - сказал Кит.

Она покрутила головой, разминая шейные мышцы.

- Верно, лодки у нас неплохо получаются. Есть хочешь? Гляжу, ты в делах день-деньской, нагулял небось аппетит.

Пришлось рассмеяться.

- Мы закончили пилон... нынче положили замковый камень. Да, подкрепиться я бы не прочь.

- Ну, так пойдем, Талла нас накормит.

Ужин был немудрящим, «Оленье сердце» славилось больше пивом, чем кухней. Впрочем, жаркое Талла сдабривал чабером и кервелем, и оно получалось густым, аж ложка торчком. Вало решил скоротать вечер с друзьями, так что ужин проходил в обществе Челл и Лэна, беззаботностью не уступавших Паромщице. Когда стемнело, Перевозчики отправились знакомиться с другими веселыми местами Левобережного, а Кит с Розали остались любоваться западными зарницами. Воздух был плотным, теплым и мягким, как шерстяная одежда.

- А ведь ты ни разу не заглядывала на стройплощадку, - нарушил Кит уютную,

даже слегка пьянящую тишину. - Ни на этом берегу, ни на том.

Говоря, он рассматривал свою глиняную кружку. В ней не осталось ни капли пива, только запах дрожжей.

Розали, которая нынче предпочла сидеть не на скамейке, а прямо на садовом столе, подалась назад, легла на спину, лицом к небу.

- Между прочим, я занята была, не заметил?

- Причина не только в этом. Все остальные ведь нашли время. А от тебя только отговорки слышишь. Неужто совсем неинтересно?

Она рассмеялась.

- Вообще-то интересно, ведь с открытием моста все пойдет по-другому, но я пока не знаю, как это скажется на моей жизни. Поэтому и не заглядываю - смысла не вижу. Придет время, и загляну. Это как с туманом, пожалуй.

- А давай ты заглянешь сегодня.

Она повернула голову, коснулась щекой грубой поверхности деревянного стола. Кит понял, что Розали смотрит на него, хотя ее глаза и не разглядеть в сумраке.

«И что же ты видишь? - задал архитектор безмолвный вопрос. - Что надеешься высмотреть?»

Такое внимание нравилось ему, но вместе с тем тревожило.

- Давай заберемся на башню, - предложил он. - Вот прямо сейчас и пойдем. Скоро все изменится. Мы протянем через реку канаты, соберем цепи, привяжем к ним подвески, настелем полотно. И будет уже не проект, а мост, дорога. Но пока это всего лишь две башни и кипа чертежей. Розали, поднимемся, прошу! У меня даже слов нет, чтобы описать, как там здорово. Ветер... вокруг тебя все небо... река внизу...

Он покраснел, осознав пыл в своем голосе. Не услышав отклика, добавил:

- Будешь ты ждать или нет, все равно ведь изменишься.

- Там молния, - сказала Розали.

- От облака к облаку бегают, - возразил он. - Земли не касается. Это не опасно.

Она резко села.

- Хорошо, идем.

* * *

Вокруг пилона не было ни души. Затянутое тучами небо озарялось молниями, они мешали видеть дорогу. Кит и Розали то и дело оступались, но упрямство не позволило повернуть восвояси.

В потемках Розали вдруг выругалась, затем пояснила:

- Споткнулась...

Кит рассмеялся, совершенно без причины.

У северной стены все еще стояли леса, но решили взбираться по внутренней лестнице. Ее Кит изучил досконально, знал каждый поворот, каждую неровность. Он успел отсчитать вслух сто девяносто четыре ступени, прежде чем в проеме наверху полыхнула молния, и еще двадцать четыре, до того как ночные гуляки выбрались на крышу.

Там уже кто-то был. Раздался женский визг, а в следующий миг обнаженная парочка подхватила одежду, одеяла и фонарь и с хохотом умчалась по лестнице.

- Сира Дубовая Роща, - весело сообщила Розали. - А с ней Эрно Мостовик.

- Мостовик? - удивился Кит. - Откуда такая фамилия?

Но Розали лишь ойкнула по-детски. Беззвучная молния раскрасила небо в багрянец и белизну - одни слои облаков осветились, другие остались темны.

- Так близко...

Кит с удовольствием наблюдал за спутницей. Молнии не давали теней; в их свете лицо Розали выглядело юным и восторженным.

Спустя некоторое время женщина приблизилась к нему.

Они не произнесли больше ни слова, лишь поцеловались, а потом занялись любовью на ложе из своей же сброшенной одежды. Кит то коленями, то спиной чувствовал твердь камня, который, накопив дневное тепло, грел теперь не слабее, чем человеческое тело. А Розали была мягче камня. И сладка на вкус.

Кит не взялся бы описать чувства, переполнявшие его в тот момент. И это слабо сказано: от них, чудилось ему, вот-вот лопнут грудь, горло, живот. Он уже так давно не был с женщиной - почти и забыл, каково это, этот резкий выброс твоей кипящей энергии, этот качающийся океан наслаждения. Радовала даже обоюдная неловкость, ведь она означала, что можно будет проделывать это вновь и вновь, все лучше и лучше.

А потом они разговаривали.

- Ты знаешь, какая у меня цель... Построить мост. - Кит смотрел женщине в лицо, оно появлялось в свете молний и исчезало. - А к чему стремишься ты, я не знаю.

Розали тихо рассмеялась.

- Но ты же видел стократ, как я достигала своей цели, и лишь несколько раз мне это не удалось. Я хочу просто жить. День за днем.

- Это не цель, - возразил Кит.

- Почему же? Потому что она не такая, как твоя? Что лучше: одна великая победа или сто малых? И воцарилось молчание.

- Завтра, - пообещала Розали. - Трос на ту сторону мы протянем завтра.
- Ты уверена? - спросил Кит.
- Странно от тебя такое слышать. Разве мост не важнее всего? Как солнце должно всходить каждый день, так и он должен быть построен во что бы то ни стало. Мы сегодня решили: пора.

* * *

Рассвет наступил рано, и владелец гостиницы, как было условлено, постучал в дверь. Когда Кит и Розали спустились с башни и разошлись, от ночи оставалось всего ничего. На теле Кита все еще держался запах женщины, но он, туго соображая от недосыпа, не был уверен поначалу, что любовные утехы ему не приснились. Однако затем приметил налипшую на кожу каменную пыль и улыбнулся. И хотя стояла середина лета, он, второпях умываясь и одеваясь, пел весеннюю атиарскую песню.

В пивном зале Кит похлебал остывшей пряной ушицы (из ложки на него с укором смотрел соленый глаз). Оставив несъеденной рыбку - не туманную, простую, архитектор ушел из гостиницы.

Стояло раннее утро, небо избавилось от туч и молний, успело побледнеть и даже разогреться. За ночь новость разбрелась по селу, и теперь, казалось, все его население идет той же дорогой, что и Кит. Толпа перетекала через насыпь и спускалась к строительной площадке.

Он взобрался на вал и словно впервые в жизни увидел слепящую кремовую ленту реки. Почудилось даже, будто его перенесло назад во времени. Туман стоял высоко, это считалось здесь добрым знаком. Кит обрадовался, хоть и не верил в предзнаменования. На той стороне тоже толпа, правда, отдельных людей не разглядеть, виден лишь муравьиный поток. Неподвижные, свисали флаги сигнальных башен на фоне горячего голубоватого неба.

Архитектор спустился к парому Розали, едва видимому в плотном кольце зрителей.

- Здорово, Кит, - крикнул ему Вало.

Розали подняла голову, ее улыбка была как желанная тень под припекающим солнцем. Кольцо разорвалось, пропуская Кита.

- Приветствую вас, Вало Паромщик из Левобережного, Розали Паромщица из Правобережного, - торжественно произнес он.

А когда приблизился к Розали, взял ее за руки и, невзирая на крепнущую жару, с

наслаждением ощутил их тепло.

- Кит! - Паромщица поцеловала его под уханье и смешки зрителей, под удивленные возгласы Вало.

У ее губ был вкус цикория.

Киту рассеянно кивнула Дэлл Тростильщица, первая среди канатчиков. Вместе с мужем Стивваном, с привлеченными мастерами и подмастерьями она проверяла сотни фатомов плетеного троса из рыбьей кожи, наматывала их, не допуская перехлестов, на катушки трехфутовой ширины, которые затем помещались в закрепленную на «Спокойной переправе» деревянную раму. Трос был тоньше Китова мизинца. Даже оторопь брала: неужели такой шнурок, растянутый на четверть мили, выдержит хотя бы собственную тяжесть? Но все проверки дали отличный результат.

Несколько мостостроителей, крепких мужчин, подавали стоящим на носу парома Вало и Челл Перевозчице небольшие увесистые ящики. В них были ртуть из Хедеклина и медные слитки - требовалось утяжелить паром спереди. Вначале это затруднит переправу, зато поможет в конце, когда наберет вес разматываемый трос.

«Надеюсь, получится, - сказал два месяца назад Вало, обсуждая протяжку с Розали и Китом. - Но наверняка не знаю. Ведь никто прежде этого не делал».

Кит тогда кивнул, в который раз подумав: «Эх, была бы река чуть поуже».

Конец троса змеился по земле. В толпе он как будто узкую улочку для себя проторил - никто не смел к нему притронуться.

Дэлл и Стивван Тростильщики поднялись вдоль троса на насыпь, чтобы проверить, цел ли он, надежно ли принайтован к временному анкеру под левобережным пилоном.

Возникла пауза. Зрители частью расселись на траве, частью потянулись по склону за Тростильщиками. Кое-кто прихватил из рыбацкой таверны миску холодной ухи или кружку пива. Вало, Розали и двое их родственников держались особняком. Сосредоточенные, они ждали своего срока.

А что же Кит? На вид само спокойствие и уверенность, он прохаживался среди зрителей, с каждым обменивался добрым словом или улыбкой. Всех, даже детей, он теперь знал по именам.

Вернулись Дэлл и Стивван. Паромщики заняли свои места - по двое у каждого борта, чтобы не мешать друг другу. Киту досталась роль балласта, прок от него будет лишь на другом берегу. Поэтому он сел на носу «Спокойной переправы», дополнительно утяжелив его. Дэлл кое-как вскарабкалась на корму - ей предстояло наблюдать за тросом. Она призналась, что нервничает, поскольку еще ни разу не

переправлялась через туман.

- Пожалуй, обожду с возвращением, пока люльку не подвесят, - добавила она. - До тех пор Стиввану придется ночевать без меня.

- Кит, ты готов? - крикнула Розали.

- Да, - отозвался он.

- Дэлл? Дэн? Челл? Вало?

Все ответили утвердительно.

- Исторический момент! - заявил Вало. - Сегодня быть мосту через туман!

- За работу, парень, - сказала ему Паромщица. - Кормовое весло - твое.

- Готов, - согласился Вало.

- Толкайте, - велела Розали людям на пристани.

И паром отчалил под веселый гомон зрителей.

* * *

Почти мгновенно пристань скрылась из виду, и шум затих. Верно сказали Паромщики, денек для такого предприятия выдался самый подходящий. По поверхности тумана гуляли ровные, не выше человека, волны, а сам он был достаточно плотен: «Спокойная переправа», предельно нагруженная, держалась достаточно высоко. Никогда еще Кит не видел реку такой спокойной.

Солнце светило до того ярко, что болели глаза.

- Все должно получиться, - сказал он, подразумевая и протяжку каната, и это путешествие через туман, и само строительство моста.

Вот же не справился с собой, и вышло не утверждение, а вопрос. Причем вопрос детский. Ведь проверено все и перепроверено - им самим, и Дэлл со Стивваном, и расчетчицей в Атиаре. Но это же туман, здесь ты оторван от всего мира, в чем угодно усомнишься поневоле, даже в собственном мастерстве.

- Да, - ответила с кормы Дэлл Тростильщица.

Гребцы все больше помалкивали. Спустя некоторое время сквозь мертвый штиль донеслась тихая команда Розали:

- Правее.

Вало и Лэн Перевозчик резвее заработали веслами - по курсу возник покатый бугор высотой несколько футов. Почти все прочие выпуклости «Спокойная переправа» не огибала, шла прямо по ним. В этот раз Кит не видел в тумане темных силуэтов, ни больших, ни малых.

Помочь он ничем не мог, оставалось лишь смотреть, как под жестоким солнцем

Розали орудует веслом. Канат разматывался, и все больше сил тратили гребцы, и все громче звучали их вдохи-выдохи. Покрытая потом кожа Паромщицы блестела едва ли слабее, чем поверхность тумана. И как только Розали удастся не сгорать на лютом солнцепеке?

Выражение ее лица было серьезным, взор устремлен на восток. Пристани там не видать, но насыпь сплошь покрыта жителями Правобережного; едва паром достигнет берега, они дружно примутся за дело. В глазах женщины играло отраженное туманом солнце.

А потом Кит сообразил, отчего у нее такое лицо, такие блики в глазах.

Это не тревожный блеск и не отраженное солнце. Это радость.

«Как же она будет жить, - внезапно подумал Кит, - когда отпадет надобность в перевозках?»

Свое дело Розали любит, он понимал это и раньше, но не сознавал, насколько сильна эта любовь. От такой мысли Кит съежился, будто получил сильный удар под дых. Что для Паромщицы его мост? Губитель всего, что составляет смысл жизни; даже ее фамилия потеряет смысл.

- Розали... - произнес Кит, не в силах сдержаться.

- Не сейчас, - отрезала она. Гребцы пыхтели, ворочая веслами.

- Как будто... по грязи тащимся, - прохрипел Вало.

- Замолкни! - рявкнула Розали, и все притихли; слышались только трудные вздохи.

У Кита тоже сводило мышцы - от сочувствия, что ли? Но паром фут за футом продвигался вперед. Вот расстояние до пристани сократилось настолько, что кто-то решил бросить веревку, и Кит получил возможность сделать нечто полезное, хоть и не соответствующее статусу главного мостостроителя: он ухватил конец и выбрал слабинку. Гребцы напоследок, не жалея сил, поработали веслами, лодка скользнула вдоль пристани и встала. На борт посыпались люди: кто-то швартовал паром к причалу, кто-то тянул трос на берег, к временному анкеру.

Сделавшие свое дело Паромщики и Перевозчики обнимались и хохотали как безумные. А потом они, не оглядываясь, двинулись в город.

Кит сошел с парома. Ему нужно было встретиться с Дженнером Элларом.

* * *

Трудились до седьмого пота. Надо было протянуть конец троса через уложенный на верху насыпи седловидный камень и дальше, к основанию пилона, где были

установлены временный анкер и вертикальный ворот. Специально для этого Дженнер распорядился прокопать выемку в склоне, и теперь по ней взбиралась упряжка волов - дело рискованное, но необходимое.

Другие волю были пристегнуты к кабестану. Дэлл Тростильщица на берег высадилась бледная и дрожащая, однако, получив стакан чего-то темного и прохладного, обрела способность держаться на ногах. Вместе с группой мастеров она прошла вдоль троса и не обнаружила никаких изъянов. Дженнер остался у кабестана, а Кит возвратился на насыпь, к «седлу», отшлифованному до стеклянного блеска и щедро покрытому смазкой.

Внизу, возле пристани, отвязали от анкера протянутый с другого берега трос. Перекинутый через «седло», он зашуршал, принимая нагрузку и распрямляясь, затем с гулким звоном вытянулся и образовал сплошную прямую линию, которая начиналась на насыпи и исчезала в тумане.

У кабестана двинулись по кругу волю.

Столь напряженных часов, как эти, у Кита еще не бывало. Некоторое время не происходило никаких видимых перемен. Стонал и щелкал ворот, трос дюйм за дюймом, фут за футом скользил по выемке в камне. На этот процесс архитектор никак не мог повлиять, оставалось только наблюдать и заново проделывать в уме вычисления. Розали он не видел, но спустя некоторое время явился Вало - узнать, как продвигается работа.

Отвечать на вопросы юноши было приятно; это занятие успокаивало. Все расчеты верны, да и не в диковинку ему протяжка каната. Обнаружив вдруг, что проголодался, он в один присест уплеп принесенную Вало еду. Когда он подкреплялся ухой в «Рыбе»? Несколько часов назад... без малого полсутки.

Выбившихся из сил волов заменили на свежих. Несмотря на смазку и кожаные рукава, трос через «седло» переползал неохотно, и все же дело двигалось. А потом натяжение пошло на убыль, трос заскользил по выемке быстрее. И наконец, уже на склоне дня, он легко поднялся над туманом на шестьдесят футов, натянулся до стога между лежащими на обеих насыпях временными опорами.

Совсем незадолго до наступления темноты Кит увидел, как на сигнальной башне взмыли флаги: «Порядок!».

* * *

Отучившись в университете, Кит на протяжении пяти лет чертил и строил, участвовал в чужих проектах и разрабатывал свои. У отца хватало связей в высших

инстанциях дорожного ведомства, с другими крупными чинами водила дружбу старая преподавательница Скосса Тимт, так что объекты Киту доставались по большей части серьезные. Но ему были дороги все до единого, даже самый первый - ворота для сбора пошлины, где погиб тот паренек по имени Дуар.

Вся эта деятельность на пользу обществу - строительство дренажных систем, дорог, амфитеатров, общественных парков, канализаций, проспектов, конюшен - была для него сродни алхимии. Разве это не волшебство, когда эскизы, творимые человеком в воображении, превращаются в нечто реальное из камня и кирпича, из дерева и пространства? Вот и Кит мысленно возводил архитектурные сооружения, опираясь на свои замыслы и на представления империи о том, как надлежит улучшать жизнь ее подданных.

Наконец ему доверили построить объект большой важности - новый мост на севере Атиара, в горном краю под названием Четыре Пика. Прежний мост, тоже цепной - всего-то сто ярдов в длину и с сорокафутовыми пилонами - регулярно подновляли, и он прослужил верой и правдой три века, дрожа и скрипя под тяжестью таратаек с ртутной рудой; их денно и ночью катили в Онкалион, деревню перегонщиков ртути.

Старый трудяга простоял бы и дольше, если бы не сильные снегопады зимой, впоследствии прозванной Волчьей. Под тяжестью снега обвалился склон ущелья, прихватив с собой северный пилон. Проще оказалось соорудить новый мост на двести ярдов выше по течению, чем восстанавливать старый.

Сердечностью и радушием обитатели Онкалиона не славились. Да и не располагала их к тому каторжная жизнь. Угрюмые мужчины, суровые женщины. Однако строить мост они взялись не то что с охотой, с отчаянным мрачным рвением. И неудивительно, ведь от доступа к руднику зависело существование деревни. Вечерами приходилось их разгонять по домам, иначе бы, презрев опасность, трудились при свете лун.

Киту, даже при его не слишком общительном характере, было среди этих людей очень одиноко. Поэтому в первую зиму, когда строительство стало из-за снегопадов, он не без облегчения поехал в Атиар к отцу. Дэйвелл Мейнем к тому времени сильно состарился, его феноменальная память ослабла, но он не изменил любимой профессии и строил великолепный лабиринт в общественном парке; камни для этого сооружения свозились со всей империи и укладывались всухую. «Это мой последний проект», - сказал он Киту, и пророчество сбылось.

Скосса Тимт не пережила Волчьей зимы, зато в столице нашлось множество однокашников, и Кит охотно проводил с ними вечера, а еще посещал лекции и концерты. Даже закрутил мимолетный роман с архитекторшей, которая занималась

водными сооружениями.

Едва расчистились дороги, Кит вернулся в Онкалион. Пока он наслаждался столичной жизнью, жители деревни в трескучие морозы и слякотные оттепели приходили на участок и ряд за рядом укладывали камни.

Во второе лето строительство велось ежедневно и даже в ясные ночи, и архитектор работал наравне со всеми. Из бюджета он выбился самую малость, и со сроком завершения запоздал лишь на пару месяцев, да к тому же никто не погиб. Тем не менее Кит считал этот мост своей неудачей. Очень уж неказистым он получился. Жители Онкалиона трудились геройски, но без творческого огонька. «Никуда не годится, надо переделать, - внушал себе Кит. - И виноват только я».

Видимо, в письмах, которые он посылал отцу, сквозило отчаяние. Поэтому ранней осенью в Онкалионе появился Дэйвелл Мейнем верхом на крепкой горной лошадке, в сопровождении подмастерья, тотчас скрывшегося в одном из трех деревенских кабаков. День был в самом разгаре.

- Хочу взглянуть на твой мост, - сказал Дэйвелл сыну. Он казался усталым, но спину, как всегда, держал прямо. - Давай показывай.

- Лучше завтра, - возразил Кит, - тебе бы отдохнуть.

- Сейчас! - отрезал Дэйвелл.

День был студеным и ясным, дорога, по которой они шли от деревни, тонула в тенях сосен и елей. Тут и там проглядывали базальтовые обнажения в зеленых и черных пятнах лишайника. Отец шагал медленно, часто останавливался перевести дух. Вот и ущелье, через него помаленьку тянутся местные жители. Дорожное полотно еще не доделано, но тем не менее по мосту пробираются кони, навьюченные тяжелыми корзинами с рудой.

Возле моста Кит услышал от отца те же вопросы, что и в детстве, когда играл на стройплощадках. И сын отвечал точно так же, как и много лет назад; ему не терпелось объяснить каждое свое решение. А может, не просто объяснить, но оправдаться. Тем временем мимо все шли и шли люди и лошади.

Затем Дэйвелл и Кит направились к руинам. Старый пилон был разобран, камни пошли в дело; осталась лишь груда щебня. Но с этого места открывался отменный вид на новый мост: с коробами башен, широкими дугами несущих цепей, толстыми отвесными цепями-подвесками, пружинящей аркой дорожного полотна. Самый неказистый из висячих мостов.

- Хороший мост, - буркнул наконец Дэйвелл.

Кит даже головой замотал от изумления. Его отец, разве что в присутствии мальчика стеснявшийся отпустить крепкое словцо на стройках, сухо проговорил:

- Мост - это прежде всего средство достижения цели. Важно лишь то, как он

служит. С его помощью мы можем *отсюда* перебраться *туда*. Если все сделано правильно, на твою работу никто не обратит внимания... вот скажи, самого тебя заботит, откуда берется ртуть? Кит, твой мост хорош, потому что им уже пользуются. Довольно себя корить.

* * *

Вечером на правом берегу был устроен большой праздник. И местные жители, и кое-кто из зареченских пили и плясали в тени недостроенного моста. Свет костров и факелов падал на основание пилона, на анкеры, добавляя им весомости, значимости. А выше, там, куда не доставал свет, башня казалась лишь черным силуэтом, беззвездным куском неба. Правда, на самом верху тоже горела цепочка факелов, но они казались просто золотыми теплыми звездочками среди холодных небесных.

Меж веселящихся людей прохаживался Кит. Каждый улыбался ему и предлагал выпить вместе, но надолго никто не задерживал. Такое чувство, будто протянутый нынче канат отгородил архитектора от всех. Ничего похожего не было, пока росли громады башен. Прежде для местных Кит был своим, в известной степени, конечно. А теперь как отрезало. Теперь он человек, который построил мост через туман. Впервые архитектор так остро ощутил свое одиночество в этом краю. А ведь даже смерть Лорех Дубильщицы не сделала его в глазах жителей чужаком.

И такое случалось на любой стройке. Рано или поздно наступал день вроде нынешнего.

«Наверное, дело во мне, это от меня самого исходит отчуждение», - понял вдруг Кит. Он прибывает на участок и что-нибудь строит, когда на месяцы, а когда и на годы вторгаясь в чужую жизнь. Но вот объект готов, и надо собирать вещи. Архитектор скоро уедет, привнеся перемены в людские судьбы - неожиданные и непредсказуемые. Дорога через опасные земли, мост над туманом спасут немало жизней и самым благотворным образом скажутся на торговле, но с их появлением мир станет иным.

Да, такая у него работа: выполнил задачу, берись за новую на новом месте. Но он сам предпочел кочевую жизнь, не желая где бы то ни было пускать корни и любоваться плодами своих трудов. Какими станут Левобережное и Правобережное через десять, пятьдесят лет? Возможно, он никогда не узнает, потому что вряд ли вернется сюда.

На этот раз ему труднее... а может, просто все по-другому. Вероятно, он сам стал

другим. Позволил себе сродниться с этим краем, с местечками по обоим концам моста. Обрел сверх того, что привык обретать... а значит, и терять придется больше.

Розали... Как ей теперь жить? Вон отплясывает Вало, обнимая за талию женщину вдвое ниже себя, Рику Мостовицу. Кит поймал его за свободную руку.

- Где Розали? - прокричал он.

А когда понял, что его все равно не услышат в грохоте барабанов и реве труб, изобразил губами: «Розали». Ответа не разобрал, но посмотрел, куда указывал парень. Паромщица сидела на обращенном к реке склоне насыпи и смотрела в небо. Там не было лун, поэтому казалось, до Небесного Тумана рукой подать - до этой звездной реки, текущей, как и река земная под ней, с севера на юг.

Кит опустился на колени в нескольких футах от женщины.

- Розали Паромщица из Правобережного.

В темноте блеснули ее зубы.

- Кит Мейнем из Атиара.

Он вытянулся рядом. Трава, жесткая как солома, колола шею и спину. Женщина, не глядя, подала кувшин с чем-то ядреным, точно деготь. Кит аж поперхнулся.

- Я не хотел... - начала он и сразу замялся.

- Ага, - отозвалась Паромщица, и Кит понял, что она услышала недосказанное им, а это «ага» равнозначно пожатию плечами. - Знаешь, в семействе Паромщиков хватает и таких, кто ни разу не переправлялся через туман.

- Но ты... - Он помедлил, осторожно подбирая слова. - Ты переправлялась сотню раз. И думается, тебе это на роду написано.

- Как и тебе на роду написано строить, - тихо произнесла она. - Хорошо, что понял. Ты умный.

- Но теперь это уже не понадобится. Я про паромную переправу. Рыбья кожа нам пригодится, так что рыбаки не останутся без работы, но они...

- Будут удить у самого бережка, - договорила Розали.

- А ты? - спросил он.

- Не знаю, Кит. Поживем - увидим. Может, поплыву через туман, а может, и нет. Успею ли состариться - что за прок гадать?

- Так тебя это не огорчает?

- Огорчает, конечно. Я и радуюсь, что ты построишь мост, и вместе с тем ненавижу его. Как же я буду тосковать по прошлому, по переправам!.. Но кому охота принадлежать к семье, в которой все умирают молодыми, да вдобавок нельзя усопшего проводить по-людски, предав его тело огню. Если у меня будет ребенок, ему не придется делать тот же выбор, что и мне: или плавать через туман

и погибнуть, или благополучно жить на одной половине мира без надежды увидеть другую. Да, кое-что мое дитя потеряет. Но кое-что и приобретет.

После долгого молчания он спросил, боясь любого ее ответа:

- Ты меня ненавидишь?

- Тебя? Ну что ты. - Розали повернулась к нему и поцеловала в губы.

И Кит не знал, чьи соленые слезы он почувствовал на губах - ее или свои.

* * *

Потом надо было собирать над рекой цепи, и на это ушла вся осень.

Через несколько дней после успешной протяжки снова пристегнули к кабестану волов; теперь над рекой повисли два параллельных троса. Тонкая эта процедура требовала бесперебойной связи посредством сигнальных башен, но прошла без сучка и задоринки, после чего Киту удалось как следует выспаться. Если бы трос лопнул, пришлось бы все делать заново.

В последующие дни оба троса заменили канатами из рыбьей кожи, достаточно прочными, чтобы временно удерживать вес цепей. Концы канатов закрепили на оголовках башен, и теперь предстояло собрать первую цепь из восьми. От тяжелого болта, надежно укрытого в анкере, через седловидную опору на верхушке пилона и дальше, по идеально выписанной длиннейшей дуге в двухстах футах над туманом.

К обоим канатам подвесили люльки: вот теперь наконец-то можно переправляться через туман и без лодок. Хотя никто не поспешил прибегнуть к такому способу, кроме сотни верхолазов, как местных, так и столичных. Эти мужчины и женщины были так сильны и ладно скроены, что казались существами иной, высшей породы, нежели люди. Их начальницу Кит знал по прежним стройкам, ее звали Фейлин, а фамилий высотники не носили. У этой женщины было какое-то сходство с Розали.

Дни укорачивались, портилась погода, и Кит удвоил усилия, чтобы смонтировать первые две цепи до зимних дождей: вязнущие в грязи волы не помощники в тяжелой работе. Вопреки расчетам он не был уверен в том, что тросы, даже изготовленные из рыбьей кожи, выдержат вес огромных дуг на протяжении всего холодного сезона. К тому же в реке водится крупняк - а ну как в зимнюю бурю ему придет охота поразмяться и попрыгать в высоту?

Требовалось немало рук, чтобы соединять десятифутовые звенья цепи большущими, в локоть, болтами. И громоздкости только прибавлялось по мере

срастания звеньев. С помощью лебедек цепи уже добрались до седловидных опор, после чего труд высотников сделался и вовсе адским: Фейлин и ее люди поднимали звенья и болты в люльки и наращивали цепь уже на весу, выбиваясь из сил и рискуя жизнью. А ведь надо было работать синхронно с товарищами на другом берегу, чтобы не подвергать перегрузкам канат.

Главному архитектору нередко приходилось задерживаться на стройке допоздна, а ночи становились все темнее. Когда хватало лунного света, высотники и прочие мостовики трудились посменно. Строительство велось круглые сутки.

В ту осень он пересек туман шесть раз. Высотники очень не любили подпускать к своим люлькам посторонних, но ведь Кит был главным архитектором, руководителем стройки, поэтому разок воспользовался этим способом переправы, хоть и пришлось побороться с боязнью высоты.

Но предпочтение он отдавал парому.

Однажды Кит плыл вместе с Вало. Парень решил не уезжать, пока не будет закончено строительство и не отпадет нужда в пароме, но на уме у него теперь была только столица. Когда же Кита перевозила Розали, оба молчали, внимая шелесту кормового весла в плотной пене. С каждым днем убывал страх перед туманом, но по какой причине - этого архитектор не говорил даже самому себе.

А причиной было близкое завершение стройки.

Если в темное время суток присутствие Кита на объекте не требовалось, а Розали была на этом же берегу, они проводили ночь вместе - могли заниматься любовью, или выпивать, или сшибать кегли в пивном дворике «Оленьего сердца». Кстати, Кит показал отменные способности в этой игре, чем удивил всех, даже самого себя. Больше они ни разу не говорили о том, чем Розали будет заниматься в дальнейшем. Да и о своих видах на будущее Кит речи не заводил.

Напряженный труд зодчих принес плоды. Когда высотники вгоняли в проушину последний болт, было еще довольно тепло, и чугун не морозил руки. И вот первая цепь готова. Хотя зима сильно затормозила темпы строительства, до весны над рекой протянулись вторая и третья цепи, а остальные встали на свои места к концу лета.

* * *

После того как самые сложные работы были выполнены, многие труженики разошлись или разъехались по домам. Больше половины участников строительства взяли себе фамилию Мостовик или похожую.

- Мы изменили мир, - сказал Кит Дженнеру, неведь в который раз перебравшись на левый берег.

- Нет, - возразил помощник, уже собравший вещи, чтобы отправиться на новое место. - Это ты изменил мир.

Кит промолчал, но слова Дженнера принял близко к сердцу. И потом иногда вспоминал их со смесью гордости и тревоги.

С ним остались высотники, эти смельчаки, которым нипочем карабкаться по несущим цепям и крепить на них подвески. Вот уже два года канатчики, жившие на двести миль выше и ниже по течению реки, плели канаты из рыбьей кожи, предназначенные для поддержки дорожного полотна. Каждому канату было отведено свое место в конструкции, о чем свидетельствовали знаки на канатных ящиках. Аккуратно сложенные штабелями, они ждали своего часа на кишевшем некогда овцами лугу.

Киту осталась бумажная работа - в столицу потоком шли отчеты и обоснования платежей. Но каждый день он выкраивал часок, чтобы посмотреть на четкие, слаженные действия верхолазов. Бывало, заберется на самый верх пилона, глядит на реку, а там нет-нет да промелькнет знакомый изящный силуэт парома в дымчато-серых или блестяще-белых щупальцах марева.

Погиб еще один рабочий, Томмер Волопас. Спьяну поспорил, что залезет в люльку, и сорвался с диким воплем, превратившимся в маниакальный хохот, когда бедняга тонул в тумане. Убитая горем и гневом жена порыдала, земляки ходили несколько дней в платье цвета пепла; между тем мост продолжал строиться. В «Рыжей гончей» у себя в комнате плакал Кит, Розали обнимала его и утешала: «Томмер был хорошим человеком. Хоть и пьяница, а заботился о жене и сыновьях и со скотиной умел обращаться. Люди всегда умирали и будут умирать, и твой мост тут совершенно ни при чем».

А села менялись прямо на глазах. Отовсюду съезжались торговые гости: кто комнату в трактире снимет, кто угол в хижине. Но находились и такие, что сами строили склады для своих товаров или домики под жильем, а то и целые гостиницы. Часто дельцы пользовались паромами, а потом щедро переплачивали перевозчику «в надежде, что это никогда не повторится». Вало в таких случаях смеялся и на вырученные деньги поил друзей пивом - ему из университета пришло письмо с предложением приступить к учебе в начале зимнего семестра, и надо было со многими душевно проститься. Розали же никому, даже Киту, не говорила, как она распорядится своими сбережениями.

В пятый год строительства, весной, положили дорожное полотно, достаточно широкое, чтобы бок о бок могли пройти два вола; толстые доски для пущей

устойчивости сшивались между собой гвоздями. Настил состоял из сотен щитов, их собирали внизу, а затем поднимали вверх и дальше тащили вручную, чтобы уложить и закрепить на прочных чугунных балках.

Однажды жительница Левобережного что-то прокричала на своей стороне, а с другого конца моста в ответ прилетел смех зареченских. Тогда оба села праздновали всю ночь напролет.

Когда вечера удлинились, некоторые жители придумали себе развлечение - приходиться на мост, ложиться на краю и смотреть вниз, на далекий туман. В нем шевелились темные силуэты, но крупняка никто пока не заметил. Находились любители ронять тяжелые камни - интересно было глазеть, как расплескивается туман, как пробивается дыра в таинственную глубину. Но соседи обычно вмешивались. «Это непочтительно», - говорили одни. «Сдурел? - вопрошали другие. - Разозлить их хочешь?»

Кит приглашал на мост Розали, но она отмахнулась: «Мне и с лодки видно предостаточно».

* * *

В «Рыбе» на левом берегу Кит прожил пять лет, и теперь его комната выглядела настоящим кабинетом архитектора: на стенах пришпилены планы и расписания, кресло у очага завалено одеждой и книгами, сверху они придавлены отрезом красного шелка (однажды на ярмарке Кит не удержался от соблазна и купил). Уже и не вспомнить, сколько лет назад он в последний раз отдыхал в этом кресле. В папке и на широком столе теперь не чертежи, а транспортные накладные, заявки на материалы, платежные ведомости и копии переписки с имперскими чиновниками.

Окно было растворено. Кит сидел на кровати, смотрел, как пчела порхает в полном солнца воздухе. На столе лежала половинка груши - интересно, доберется ли до нее крылатая труженица? Тут ему подумалось о сотах: у ячейки шестиугольное сечение, не прочнее ли она, чем с квадратным? Как бы поэкспериментировать на досуге?..

В коридоре вдруг раздался частый топот. Распахнулась дверь. На пороге моргала от яркого света Розали. А тот был таким золотым, что Кит и не заметил поначалу ни ее бледности, ни слез.

- Что?! - вскинулся он с кровати.

- Вало, - сказала она. - «Искатель жемчуга».

Кит обнял ее. Пчела улетела, солнце померкло, а он все держал Розали в объятиях, и она покачивалась, сидя рядом на кровати. Лишь когда в окне окрасился пурпуром квадрат неба и на него заполз месяц малого спутника, женщина заговорила.

- Ах... - Это прозвучало почти как рыдание. - До чего же я устала...

Сразу после этого она уснула с непросохшими слезами на щеках.

Кит потихоньку выскользнул из комнаты.

Пивной зал был переполнен, и многие пришли в пепельном; архитектору даже подумалось, уж не принято ли здесь всегда держать траурную одежду под рукой. Разговоры велись вполголоса, то и дело кто-нибудь всхлипывал.

Брана Гостинщица заметила Кита еще в дверях, вышла к нему из-за барной стойки.

- Как она?

- Плохо. Но сейчас спит. Собери для нее чего-нибудь поесть и выпить.

Брана кивнула, отдала распоряжение проходившей в кухню дочери Ликсе и снова повернулась к Киту.

- Сам-то как? Ты ведь с Вало дружил.

- Ага, - кивнул Кит, вспоминая.

Вот Вало гоняется за ребятней по каменному полю, и вот он смеется на крыше пилона, а вот сидит серьезный в тени недостроенной рыбацкой лодки, в руках тетрадка с расчетами.

- Что произошло? Она мне ничего не рассказала.

- А что тут рассказывать? - развела руками Брана. - С того берега сигнальщик предупредил: Вало отплывает и должен к нам прибыть вскоре после полудня. А он так и не появился. На наш запрос ответили, что парень отчалил сразу после сигнала.

- Может, все-таки жив? - спросил Кит, вспомнив ту ночь, когда они с Розали потеряли кормовое весло и переправа затянулась на несколько часов. - А вдруг весло сломалось и пришлось причаливать ниже по реке?

- Нет, - помотала головой Брана. - Конечно, всем нам хочется в это верить. Раньше мы бы и ждали до последней возможности. Да только Аза, высотница из приезжих, сегодня работала наверху. Она слышала, как опрокинулась лодка, как он кричал. Правда, ничего в тумане не разглядела и не поняла, что это было.

- Еще бы три месяца, - Кит не то чтобы к собеседнице обращался, а, скорее, отвечал собственным мыслям, - и достроен был бы мост. И этого бы не случилось.

- Это случилось нынче, - возразила Брана твердо. - Не через три месяца. Человек умирает, когда приходит его срок. Мы его оплакиваем и живем дальше. Ты

уже давно с нами, Кит. Пора бы понять, как мы смотрим на такие вещи... А вот и поднос, держи.

* * *

Кит забрал поднос и вернулся в комнату, где застал Розали спящей. Сидел и смотрел на нее в полумраке, не желая зажигать лампы; горела только та, которую он прихватил внизу.

«Человек умирает, когда приходит его срок».

Но никак не избавиться от дум про мост и почти готовый настил.

«Еще бы три месяца. Еще бы месяц...»

Розали, проснувшись, даже улыбнулась ему; ее лицо было изможденным, но спокойным. Потом вспомнила и вновь заплакала. Позже вняла уговорам Кита и поела хлеба с рыбой и сыром, запивая разбавленным вином. Все это она делала послушно, как ребенок.

Потом они лежали, и Розали прижималась к Киту, и ее спутанные волосы лезли ему в рот.

- Ах, почему так... - вздохнул Кит. - Ведь мост почти готов, еще три месяца, и...

Она отодвинулась.

- И что? Этого бы не случилось? Того, что не случиться не могло? - Она встала и посмотрела на Кита в упор. - Его смерть не стала бы необходимой, это ты хочешь сказать?

- Я... - начал Кит, но Розали перебила:

- Кит, он погиб. Необходимость тут ни при чем, и бесполезность тут ни при чем, просто случилось то, что случилось. Его больше нет, но я-то жива, и скажи, что мне делать теперь? Я потеряла отца, тетку, сестру, брата и племянника. А будет достроен мост, я потеряю еще и туман. И что потом? Кем я стану? Кем станут Паромщики?

Ответ был известен Киту: что бы ни изменилось вокруг, она останется Розали, ее родичи всегда будут сильными, красивыми и умными, и туман никуда не денется, и не исчезнет крупняк. Но она бы не услышала его слов. Прежде чем услышит, пройдут, наверное, даже не дни, а месяцы.

Поэтому он лишь обнимал плачущую женщину и не мешал своим слезам бежать по лицу, стараясь ни о чем не думать.

* * *

Через несколько дней после того, как лето перевалило на вторую половину, был устроен праздник - официальное открытие моста. Для имперских представителей отвели участок на спешно расчищенном поле недалеко (но и не слишком близко) от Левобережного и поставили там палатки, чтобы высокие гости могли репетировать свои речи, дожидаясь начала торжества.

Село неудержимо расползлось в северном направлении, западный пилон теперь стоял в окружении домов. Былое пастбище у подножия башни заполнилось ярмарочными шатрами и временными торговыми рядами, среди них попадались и вполне основательные заведения из камня и дерева - здесь можно и койку на ночь снять, и вообще купить все, что нужно путешественнику. Кит гордился предмостными улочками. Ведь это он организовал производство прочных брусков для мощения - в последний год у главного архитектора появился досуг, и надо было его как-то тратить. А вот новые колодцы - уже заслуга Дженнера, они были запланированы с самого начала, Кит лишь позаботился, чтобы их доделали.

Только что от Дженнера пришло письмо с хорошей новостью: строительство моста в горах Кейча идет под его началом по графику; место ему досталось удачное.

Ярмарка не только взобралась на склон насыпи, но и растянулась поверху. Среди лотков и шатров одиноко бродил Кит. Многие местные и неместные здоровались с ним, другие лишь показывали на него своим друзьям: «Видите того смуглого коротышку? Это он построил мост». А некоторые и вовсе не обращали на него внимания, для них он был просто незнакомцем в толпе. Когда Кит объявился в этих краях, в Левобережном каждый знал любого, будь то здешний или приезжий. И вот он снова почувствовал себя одиноким и бездомным - приедет, построит что-нибудь и уедет.

Он знал, что Розали сейчас за рекой, в Правобережном. Хотелось увидеться с ней. С того дня, как погиб Вало, они встретились лишь раз, провели вместе несколько минут. Кит сам пришел тогда к ней в «Суку». Она держалась замкнуто, но с горем справлялась. Его это свидание настолько вывело из душевного равновесия, что с тех пор он Розали не разыскивал.

Но теперь, в день завершения огромной работы, нестерпимо захотелось увидеть Паромщицу.

Когда у нее очередная переправа?

Поймав себя на этой мысли, Кит рассмеялся. Уж кому, как не ему, знать, чего теперь стоит перебраться с берега на берег. Пять минут ходьбы, и вся недолга.

Движение по мосту еще не открылось, но ведь Кит был главным архитектором. Сборщики пошлины только кивнули ему и подняли шлагбаум. Внизу жестикулировали несколько человек, заметивших Кита у моста. Что-то прокричала Уни Каменщица, державшая пучки лент в руках, но он не разобрал ни слова. Улыбнулся ей, помахал рукой и пошел дальше.

Он и раньше проходил по мосту, когда были уложены тяжелые дубовые рамы, а по ним - узкий щитовой настил от берега до берега. Прежде чем империя прислала сборщиков дорожной пошлины, едва ли не каждый рабочий сыскал предлог, чтобы хоть раз перейти через туман. А Кит в последние два месяца шагал по нему чуть ли не ежедневно, преодолевая страх высоты.

Но в этот раз все иначе. Это уже не его мост, он принадлежит империи и жителям Левобережного и Правобережного.

Сейчас он смотрел на творение своих рук глазами чужака. Каменный наклонный въезд длиной в четверть мили поднимался очень полого - так легче взбираться гужевому транспорту. Ограждения для скотины (и для людей, страшно же глядеть вниз с такой высоты) еще не поставлены, любой мост не обходится без недоделок, да и невозможно учесть все заранее. Въезд расширялся по мере приближения к пилону и плавно сворачивал - здесь повозка с двумя волами в парной упряжке может аккуратно въехать в арочный проем. А вот две повозки не разъедутся, так что возчикам с разных берегов придется соблюдать очередность.

«Это сейчас, - размышлял Кит. - Позже мост расширят или второй поставят».

Вот только не он этим займется. Другие.

Небо успело затянуться оловянного цвета облаками, далеко внизу их металлический блеск отражался от тумана. Да, плохо, что нет нормальных перил, только веревки из рыбьей кожи протянуты между подвесками. Волам и коням это не понравится. Впрочем, и гулкий стук копыт по настилу будет их пугать.

Ветерок, давно уже дувший с юго-запада, покачивал дорожное полотно. Вроде и не сильно шатает, но неплохо бы добавить чугунные парапеты или фермы жесткости - ездить и ходить будет удобнее.

Империя уже прислала нового инженера - Джейю Тезант, специалиста по доводке объектов. Надо бы поделиться с ней соображениями.

Кит подошел к краю - захотелось посмотреть вниз. Сюда уже не добирались с берега звуки, их поглощал туман, и легко было вообразить, что ты один-одинешенек в целом мире. Донизу несколько сотен футов, но там не видать ничего, что могло бы сравниться по величине с машиной из кованого металла. Проплывают силуэты, однако крупняк это, или кто помельче, или просто уплотнения тумана не разглядеть, даже зная, кого высматриваешь.

Он все же напряг глаза и различил новые силуэты, как будто там резвился косяк. А ведь и правда рыба. Одна отделилась от косяка, вздыбилась в тумане; ее спина показалась едва ли не прямо под Китом. Темная и шишковатая, она влажно блестела. Рыбина была плоской, как скат, длиной футов тридцать, а то и все сорок; над поверхностью она держалась целую вечность и при этом извивалась, показывая свое брюхо или то, что Кит принял за брюхо. С гибких чешуйчатых плавников шустрými червячками сбегал туман. Появилось какое-то пятно - может, глаз? Или целая гроздь глаз? А затем Кит увидел пасть, дугообразную, как несущие цепи. Пасть раскрылась, в ней показалась другая дуга, кривая полоса не то слизи, не то хряща.

Тварь перевернулась и канула, превратилась в тень, и вот уже нет ничего, кроме сомкнувшегося над ней тумана.

Архитектор, обмерший при виде рыбины, встряхнулся и пошел дальше. Крупняк (или крупняк-средняк) с такой высоты не показался слишком большим и жутким.

У Кита было тяжело на душе; осознав это, он удивился. С чего бы ему печалиться?

Правобережное встретило яркостью праздничных красок и веселым многолюдьем, но Розали не попадалась на глаза. Он купил кружку ржаного пива и пошел искать уединенное местечко.

* * *

Когда стемнело и имперские представители разбрелись по палаткам, стража сделала послабление - сначала пустила на мост своих друзей-приятелей, а затем и всех местных, кто изъявил желание прогуляться над туманом. Каждый участник стройки получил бумагу, разрешающую ему до конца жизни ходить по мосту бесплатно. Многие же из тех, кто лишь со стороны наблюдал за работой, теперь пытались уговорить, подкупить или даже соблазнить охранников, лишь бы пропустили. С факелами вход был строжайше воспрещен, поскольку канаты из рыбьей кожи покрывались для лучшей сохранности маслом, но позволялись крытые лампы. Кит наблюдал с насыпи, как вдоль моста плывут тусклые и зыбкие светлячки, тут и там прячась за подвесками или настилом.

- Кит Мейнем из Атиара.

Кит встал и повернулся на голос.

- Розали Паромщица из Правобережного.

Она пришла в синем и белом, босиком. Черные волосы стянула лентой;

обнаженные плечи светились. Она вся сияла в лунном свете, как туман. Захотелось до нее дотронуться, поцеловать. Но ведь они даже словом не перемолвились за столько дней.

Розали шагнула вперед, забрала у него кружку, хлебнула тепловатого пива, и тотчас же все встало на свои места. Закрыв глаза, Кит позволил нахлынуть чувствам. Взял ее за руку. Они сидели в прохладной траве и смотрели на мост - черную сеть из прямых и кривых - и туман, отражающий бело-синий лунный свет.

Через некоторое время он спросил:

- Ты все еще Розали Паромщица? Или возьмешь новую фамилию?

- Может быть, и возьму.

Она повернулась в его объятиях, чтобы он мог видеть ее лицо, светлые глаза.

- А ты? Все еще Кит Мейнем? Или теперь кто-то другой? Кит, Который Построил Мост Через Туман? Кит, Который Изменил Мир?

- В столице фамилии не всегда хранят смысл тех слов, из которых они состоят, - рассеянно ответил Кит и вспомнил, что уже говорил это однажды. А впрочем, какая разница. - Я и правда изменил мир?

Он знал ответ.

Несколько секунд Розали смотрела на Кита, словно пыталась измерить его чувства.

- Ну да-а... - протянула она и подняла взгляд к редкой цепочке колышущихся огоньков. - И вот доказательство, вечное, словно камень и небо.

- Вечное, словно камень и небо, - повторил Кит. - Я сегодня видел, как качается мост. Здорово гуляет на ветру. На такие деформации он не рассчитан, хотя позднее, наверное, удастся его как-нибудь укрепить. Ну а вдруг молния? Да по тысяче причин он может рухнуть, чего уж там. Не в этом году, так в следующем, не через сто лет, так через пятьсот. - Он вспахал пятерней шевелюру от лба к затылку. - А вам тут кажется, что он вечный.

- Нет, - покачала головой Розали, - нам так не кажется. Да и с какой стати, мы же не атиарцы. Это *ты* Паромщицу убеждаешь, что все когда-нибудь кончается? Рано или поздно рассыплются камни, истлеют канаты. Но останется мечта о переправе через туман, о связи между берегами. Мы знаем теперь, что такое возможно, и знание это никуда от нас не денется. Я потеряла мать, деда... Вало. - Она помолчала немного, чтобы совладать с горем. - Да, мы умираем не своей смертью, но если кому-то нужно на ту сторону тумана, всегда найдется Паромщик. Мостостроители и перевозчики не такие уж разные люди.

Розали наклонилась вперед, преодолев пространство между ними, и они поцеловались.

* * *

- Когда уезжаешь?

Розали и Кит долго ласкали друг друга на насыпи, на холодной траве. Уже в свете заходящих лун вернулись в «Оленьё сердце», взяли пива. Толпа к тому времени подрастаяла, местные расходились по своим домам, чужаки - по снятым комнатам или палаткам.

Но Кит чересчур разволновался и не смог бы ни о чем уснуть, так что они с Розали в конце концов очутились у кромки тумана, на пристани. Считанные часы оставались до наступления утра, взошла самая малая из лун; порядком стемнело, даже туман померк.

- Через несколько дней. - В «Рыбе», в его комнате, ждали битком набитые кофры и сумки. Вот только папка похудела и вообще утратила солидный вид. Сколько на нее попало воды, тумана и пота... Надо будет при случае новую купить. - В столицу вернусь.

На том берегу горели огни. Праздник или не праздник, мост или не мост, а рыбакам с рассветом выходить на промысел. Стало быть, кое-что все-таки остается неизменным.

- Ага, - произнесла Розали. Для нее ответ Кита не содержал сюрприза. - И чем займешься?

Кит потер лицо; щетина колола пальцы. Бритье не бог весть какой хлопотный ритуал, а все же приятно отдохнуть от него несколько дней.

- Сначала буду спать сто лет. А потом - новый мост, ниже по реке, возле устья. Местечко называется Улей. Там ширина тумана - почти миля. Начну, наверное, в середине зимы.

- Миля, - повторила Розали. - А справишься?

- Почему нет? С этим ведь справился. - Он повел рукой вокруг, указывая на цепи моста, на тонкую каменную башню, на сидящую рядом с ним женщину, от которой пахло потом и солью. - Говорят, возле Улея есть острова, хоть и невысокие. Это упрощает задачу. Глядишь, и удастся сложить из камня несколько арочных пролетов... А ты? Лодки строить?

- Нет. - Она наклонила голову, и Кит почувствовал ухом ее щеку. - Зачем мне это? Денег я скопила достаточно. Родня пускай лодки делает, а мне другое по нраву: плавать через туман.

- Жить не можешь без тумана, - произнес Кит, и это не было вопросом.

На его руку легла сильная женская кисть.

- М-м-м... - протянула Розали, и в этом звуке не было ответа.

- То есть для тебя сама переправа важна? - сообразил он. - Как и для меня, но по-другому?

- Да, - ответила она, а помолчав чуть-чуть, добавила: - Вот сижу и думаю: крупняк, он в Туманном океане до каких размеров вырастает? И что еще там водится?

- Но ведь за океаном нет ничего, - возразил Кит. - У переправы должен быть конец, иначе какой в ней смысл?

- Переправиться можно через все на свете. Ведь есть же вода под Туманной рекой, и она куда-то течет. У всех остальных рек и озер тоже где-то имеются истоки. Под Туманным океаном лежит океан воды. Плынешь-плынешь, а потом глядишь - под тобой уже она.

- Но это же разные среды, - сказал Кит. - Для тумана нужна лодка легкая, с широким дном и покрытая рыбьей кожей. А на воде не обойтись без глубокого килля.

Она кивнула.

- Хочу переделать рыбацкую лодку и сплавать, посмотреть. Кит, мне кажется, там должны быть острова. Большие острова. И крупняк. Крупняк-огромняк! А вдруг там окажется целый новый мир? Так что против имени Розали Океан я, пожалуй, возражать не стану.

- Поедешь со мной в Улей? - спросил Кит, уже зная: поедет.

И проживет с ним, быть может, месяц, а может, и год. Они будут спать в обнимку в гостинице или трактире наподобие «Рыбы» или «Суки», а когда Розали переделает лодку, она поплывет через океан. Кит останется строить мост или дорогу, а может, вернется в столицу, чтобы преподавать в университете. Либо вообще уйдет на покой.

- Поеду, - ответила она. - Только ненадолго.

И тут в его груди вдруг зажглось глубокое и сильное чувство при мысли о том, что с ними уже случилось и еще случится. О переменах в Левобережном и Правобережном, о конце паромной переправы, о смерти Вало, о будущем расставании с Розали: может быть, первой уйдет она, а может, он.

- Прости, - сказал Кит.

- Не стану. - Розали подалась к нему и поцеловала, ее губы были теплы, полны солнца и жизни. - Я ни в чем тебя не виню. Что сделано, то сделано. И сделано правильно.

Столько было потерь и сколько еще будет... Но хотя бы одну он в силах предотвратить.

- Когда придет время, - сказал Кит, - и ты пустишься в плавание, я буду рядом.
«A fo ben, bid bont», - гласит валлийская пословица. «Чтобы стать вождем, надо стать мостом».

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Kij Johnson. The Man Who Bridged the Mist. 2011. Печатается с разрешения автора.

Повесть впервые опубликована в журнале «Asimov's» в 2011 году.

ШОН МАКМАЛЛЕН

ЭЛЕКТРИКА

Ш О О М А К М А Л Л Е Н

ЭЛЕКТРИКА

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Дорогой Джордж!

Верю, это письмо застанет Вас в добром здравии; не сомневаюсь также, что военная фортуна по-прежнему добра к Вам. Мне же она, как Вы уже, несомненно, знаете, отнюдь не благоволила в последней миссии.

Да, мне ведомо, что имя мое обросло множеством домыслов. Есть люди, которые аттестуют меня развратником и авантюристом, для других я несомненный герой. Подобно Вам, я в свое время причинил немалый урон Наполеону в Испании и Португалии, вот только героем себя вовсе не полагаю. Что же до разврата и авантур, то не все ли равно, как я себя веду в приватной жизни, пока верой и правдой служу короне ?

Я прекрасно понимаю, что слава никогда не увенчает того, кто день-деньской просиживает штаны, ломая голову над чужими секретными посланиями. Однако сей скромный труженик споспешествует скорейшему достижению победы, и положив руку на сердце, слава нисколько не прельщает меня. Все, о чем я прошу, это о позволении вернуться в Ваш штаб и заняться привычным делом, то есть разгадыванием французских шифров. Просьбу эту, со всем должным уважением, подкрепляю подробнейшим отчетом о моих действиях в Англии с июня по август сего, 1811 года. Не надеюсь этим отмыть репутацию Вашего покорного слуги от скандальной клеветы и не питаю подобных намерений. Хочу лишь доказать, что поступал, как всегда, в высших интересах Британии.

* * *

Близ Портсмута, в парке Саут-Коммон, стояла семафорная башня, и я, направляясь к штабу майора Джордана, без труда читал ее сигналы, уж очень незатейлива была тайнопись. Правда, и уведомления касались единственно судоходства в бухте. Я отметил название шлюпа - «Неустрашимый», только что доставившего меня из Лиссабона.

Штабной порог я переступал с книгой под мышкой: надо же как-то скоротать неизбежный час, а то и два в ожидании вызова. Но меня пригласили сразу: дескать, Сам изволит ждать именно мою персону. Вот сюрприз! Майоры никогда не дожидаются вторых лейтенантов, если только у тех нет при себе безотложных депеш. А при мне был только «Векфильдский священник».

- Учтите, пустой болтовни он не терпит. Никаких сплетен, и лучше не упоминать всуе важных особ, - наставлял меня адъютант, пока мы поднимались по лестнице.

- О, да у нас с майором, вижу, имеется нечто общее.

- Поскольку он не переносит лести, оставьте комплименты при себе. Светские

беседы между офицерами - напрасная трата сил британской армии, вот его слова. Предоставьте вести разговор ему, сами же постарайтесь отвечать как можно четче.

Я вошел в кабинет и встал по стойке «смирно». А майор Джордан, даже не поприветствовав меня, указал на окно.

- Лейтенант Флетчер, что вы там видите?

- Семафорную башню Мюррея, сэр.

- Неплохо... Э-э... да, вольно. Сигнальная линия идет отсюда через Портсдаун-Хилл, Бикон-Хилл, Блэкдаун, Хэскомб, Нетли-Хис, Кэбэдждж-Хилл, Патни-Хис, Челси и до Адмиралтейства. Моя депеша добирается до Лондона за девять минут. Вот уже четырнадцать лет конструкция Мюррея служит Англии. У французов на сигнальных башнях стоит другая система, но обеим присущ один и тот же недостаток. Знаете какой?

- Конечно, сэр. Кто угодно, засев поблизости от башни с бумагой и карандашом, запишет сообщение. Даже шифрование не обеспечит надежности.

- Истинная правда, - хлопнул кулаком о ладонь Джордан. - Такая связь, конечно, куда быстрее курьерской, но очень уж она доступна чужому глазу - все равно что в газете военные тайны печатать.

Я кивнул, не забыв деликатно улыбнуться. Второму лейтенанту, коли он не теряет надежды стать первым, на шутки начальства только так и надлежит отвечать.

Майор Джордан между тем продолжал:

- В Испании у генерала Уэлсли есть несколько умников, весьма преуспевших в чтении перехваченных французских депеш. Полагаю, что и французы не жалеют трудов, разгадывая наши шифры. Ах, если бы мы могли обмениваться невидимыми посланиями! Только представьте себе: и шпионам нечего делать возле башен, и курьерская почта - достояние прошлого. Какое преимущество получили бы мы перед французами!..

- Есть же почтовые голуби, сэр. Индийцы охотно ими пользуются.

- А еще есть меткие стрелки, влет бьющие птицу дробью. Стоит нам выпустить первого голубя, и французы тотчас призовут своих охотников. Нет, лейтенант, нам нужны такие гонцы, которые мимо любого соглядатая проскользнут незамеченными. И некий сквайр по имени Чарлз Коулдер три года назад предложил мне способ незримой связи. Идемте, покажу вам его творение.

Я поднялся еще выше по лестнице в сопровождении сэра Генри, и он отпер дверь, которая вела на чердак. Моим глазам предстала совершенно незнакомая, ни на что не похожая... да, если на то пошло, бесполезная на вид конструкция.

- Что думаете? - спросил он.

- Передо мной вольтов столб, создающий электрический заряд, и электроскоп - устройство, этот заряд обнаруживающее. Еще я вижу вогнутое металлическое зеркало примерно в ярд диаметром и камень величиной с мой кулак. Это янтарь, судя по угодившим в него мухе, двум паукам и муравью.

- Да бог с ними, с пауками, продолжайте про машину.

- На тыльной стороне камня - пластинки размером с фартинг. Янтарь обладает электрическими свойствами, стало быть, он имеет отношение к вольтову столбу и электроскопу.

- Недурно, весьма недурно! Генерал Уэлсли поступил разумно, прислав сюда вас. Это устройство сэр Чарлз называет янтароскопом, его предназначение - улавливать электрическое влияние другого куска янтаря, пребывающего в Баллард-Хаузе, имении близ Уимбурнминстера. То есть в сорока милях отсюда. Сэр Чарлз намеревался направить сюда сообщение, которое он написал бы точками и черточками, меняя силу электрического заряда в уимбурнской машине. По его словам, послание можно воспринять при посредстве вот этого янтароскопа.

Я склонился над аппаратом. На нем успело накопиться изрядно пыли, вольтов столб был сильно разъеден.

- Давненько этой штуковиной не пользовались, - предположил я.

- А все потому, что изделие не оправдало надежд. Сэр Чарлз предложил приставить к машине человека: пусть включает ее каждый полдень и наблюдает по четверти часа. Это продолжалось шесть дней кряду, но хоть бы разок шелохнулись пластины электроскопа! Донельзя разочарованный сэр Чарлз присоветовал мне выбросить безделку в бухту.

- Но вы сочли устройство небезнадежным и сохранили его?

- Нужно было дать наряд солдату, снабдить его тележкой и предоставить время... Непозволительная роскошь в военную пору.

- Значит, всего лишь красивая мечта, - заключил я, разгибая спину.

- Вот и я так полагал до минувшего апреля. Но однажды поутру карета привезла сэра Чарлза, попросившего записать несколько слов, но так, чтобы он этого не видел. Я запечатал конверт и отправил в Баллард-Хауз. Нарочному было велено в шесть часов вечера отдать письмо дворецкому. «Один останься часовым», вот что я написал. Знаете, откуда цитата?

- «Сон в летнюю ночь», из беседы фей.

- Отлично. Кто-то должен драться, а кто-то стоять на страже. Согласитесь, это честная проверка для подобного средства связи.

- Полагаю, да, сэр.

- В указанное время сэр Чарлз достал из своего экипажа какие-то провода,

закинул их концы на балкон и заперся в своей карете. Я услышал жужжание, словно насекомое билось в бутылке. Так продолжалось с минуту, после чего он вышел и вручил мне вот это.

Майор протянул сложенный лист бумаги, и я, развернув его, прочел выведенное мелкими, но аккуратными прописными буквами: «ОДИН ОСТАНЬСЯ ЧАСОВЫМ». Как ни велико было мое удивление, я тотчас понял военную ценность изобретения.

- Мгновенная и невидимая передача сообщений!

- Вдобавок без промежуточных башен, - кивнул Джордан. - Сэр Чарлз отказался от идеи янтароскопа и изобрел искровой семафор с дальностью действия восемьдесят миль. Он открывал свою коробку и показывал механизм, но все, что я понял - принцип действия опирается на природу молнии.

- Но ведь молния - наизаметнейшее явление.

- Вероятно, у сэра Чарлза получают маленькие, неброские молнии. Я настоятельно попросил этого джентльмена сохранить изобретение в тайне и отправил обратно в поместье, приставив к нему офицера из моего штаба с полусотней солдат. С того дня они охраняют Баллард-Хауз. Письмо в Лиссабон, генералу Уэлсли, ушло с первым же почтовым судном. Я рассудил, что оценкой изобретения следует заняться человеку, имеющему представление о связи в полевых условиях, а не какому-нибудь адмиралтейскому или конногвардейскому хлыщу из лондонских кофеен. Уэлсли прислал вас. Почему?

- Сэр, при всем уважении к вам я не могу ответить на этот вопрос. Просто не имею права.

- Должно быть, вы из его службы разгадчиков тайнописи. Возможно, даже сам Джордж Сквилл, только под другим именем. Неважно, дело есть дело, и по тому, как вы с ним справитесь, я и буду о вас судить. Отправляйтесь завтра утром в Баллард-Хауз, оцениваете искровой семафор, убеждаетесь, что это не обман, а потом советуете мне, как изготовить десятки аппаратов для испанской кампании. И не забудьте, дальность - восемьдесят миль. Между Уимбурнминстером и Шербургом расстояние поменьше.

- Так мне еще следует проверить обитателей Баллард-Хауза на лояльность?

- Именно. Если, неровен час, французы наложат лапу на этот секрет, считайте, что мы преподнесли Наполеону весь мир на серебряном блюде. Сэр Чарлз - патриот, но он в долгах как в шелках. Папаша у него был азартный игрок. В Трафальгарской битве вражеское ядро излечило его от пагубной страсти, и сэр Чарлз с тех пор из кожи вон лезет, чтобы спасти наследственное поместье. Разумно управляет хозяйством, женился на деньгах, к картам не притрагивается. Но всего этого оказалось недостаточно, и ему необходимо финансовое

воспомоществование - точно так же, как короне необходим его искровой семафор. Разрешаю напомнить об этом, если вдруг он забудет о приличиях.

- Благодарю, сэр. Возможно, мне это пригодится.
- И пусть вам пригодится еще один мой совет, когда прибудете в Баллард-Хауз...
- Какой, господин майор?
- Сэр Чарлз всецело предан своему изобретательству, можно даже сказать, не зная меры, а вот леди Моника... У этой темпераментной особы совсем другие интересы.
- Супруги не ладят?
- Да. И постарайтесь не занимать чью-либо сторону.

* * *

От Портсмута до Баллард-Хауза я добрался за день. Путь лежал через плодородные сельские угодья, такие мирные и благостные на вид - не верилось даже, что где-то сейчас свирепствует война. Подразделение, выделенное майором для охраны, расположилось в палатках подле усадьбы. Встретил меня капитан Хартуэлл, деликатного сложения юноша лет семнадцати, с вьющимися светлыми кудрями и розовыми щеками. Богатая родня выхлопотала молодцу офицерский чин, но рисковать его жизнью не пожелала, поэтому в Испанию он не угодил.

- Увы, лейтенант, мне досталось не самое щедрое на развлечения место службы, - посетовал он, препровождая меня к дому.
- Зато ваш покорный слуга развлечениями сыт по горло.
- Помилуйте, да что вы говорите?! А как же боевая слава, как же головокружительные приключения?
- У меня было три года наискучнейшей рутины, разве что порой случалось натерпеться страху... Слава и приключения доставались другим.
- Ничего б не пожалел, чтобы с вами поменяться местами.
- Сэр, иную битву выигрывает последний оставшийся в живых.
- Коли так, я предпочту сражаться! А битву пусть выиграет кто-нибудь другой.

Из-за какой-то размолвки с сэром Чарлзом капитану был заказан вход в Баллард-Хауз, поэтому он оставил меня возле парадного крыльца, взявшись отвести мою лошадь на конюшню. Хозяину доложили о моем прибытии, и вскоре тот спустился в гостиную. Выглядел он неряшливо: грязноват, длинные волосы сбились в колтуны, борода больше похожа на запущенную щетину. Держался сквайр не слишком дружелюбно, как будто его оторвали от важного дела. В глазу

сидело увеличительное стекло в оправе, а руки были в царапинах и пятнах краски, как у мастера.

- Ваши бумаги, - он требовательно протянул руку.

Я вручил документы, которые тут же подверглись тщательной инспекции; при этом хозяин поглядывал на меня сверху вниз.

- Тут указано, что вы второй лейтенант, - заговорил он вдруг так быстро, что я едва успевал разбирать слова. - В офицеры из рядовых?

- Да, сэр.

- За храбрость?

- За службу в разведке, сэр.

- И что за служба? Сигнальная?

- В сигнальном деле я тоже кое-что смыслю, сэр.

Узнав о том, что я являюсь знатоком в немаловажной области, сэр Чарлз ничуть не смягчился.

- Итак, вам поручено проверить мою работу? - спросил он.

- Да, сэр.

- Что же, майору Джордану показалась неубедительной демонстрация, произведенная мною собственноручно?

- Она была очень убедительной, сэр, но майор Джордан, прекрасно разбираясь в сигналах, ничего не знает об электрических машинах. Я же кое-что понимаю и в том, и в другом.

- Но я ведь сказал ему, что согласен отдать мой искровой семафор короне, на военные нужды.

- Да, вы согласны - за покрытие кое-каких долгов.

Он посмотрел на меня недобро, но спорить не стал. Пусть он и хозяин в этом поместье, но пальцы на горловине кошелька держу я: и сэр Чарлз это понял.

- Чего еще ему от меня нужно?

- Сэр, необходимо, чтобы вы объяснили мне принцип вашего изобретения. От моего решения зависит, будет ли сделано множество таких аппаратов.

* * *

В Баллард-Хаузе действовал закон: нижний этаж здания принадлежит супруге сэра Чарлза, а верх - безраздельные владения хозяина. Леди Моника обладала прекрасным чувством стиля; мебель, картины и ковры были подобраны со вкусом, и денег на них не пожалели. Поднявшись же по лестнице, я обнаружил голые стены

и ничем не прикрытые половицы. В неприбранных комнатах теснились верстаки, загроможденные топорно сработанными неуклюжими механизмами. Здесь как будто срослись мастерские часовщика, плотника и кузнеца, а верховодил над ними игрушечных дел мастер. С полдюжины работников корпели над совершенно разнородными задачами - от выдувания стекла до покрытия воском клавесинных струн.

Сэр Чарлз был убежден, что лучшее средство для проверки конструкторской идеи - это действующая модель. Десятки таковых предстали передо мной в его спальнях, коридорах и гостиных: тут и сигнальные устройства, и оружейные системы, и пароходы, и даже воздухоплавательные шары, наполняемые горячим воздухом. Приведя меня в свой кабинет, хозяин поднял крышку морского сундука.

- Источником вдохновения для меня послужила гроза, - гордо сообщил он и указал на мешанину из латуни, стекла и каких-то проводов.

- Но ведь гроза никоим образом не подвластна человеку, - вежливо заметил я.

- Искра между двумя электрическими проводами - разве это не крошечная молния? - ворчливо парировал он. - Видите эти латунные стержни? Стойте и глядите в пространство между ними.

Из боковины сундука, сработанного из красного дерева, выступал рычажок; его-то сэр Чарлз и подвинул. Над окном висел карниз, к нему от сундука тянулись два провода. Изобретатель пересек комнату, направляясь к другому такому же сундуку, тоже с проводами. Тронул очередной рычажок.

- Теперь оба устройства трудятся, - объяснил он, склоняясь над вторым сундуком и что-то поправляя в его внутренностях. - Лейтенант, вы не на меня, на стержни смотрите!

Слух мой уловил тихое жужжание, и между стержнями протянулась длинная искра. Затем другая, исчезнувшая побыстрее. Третья... Я насчитал двадцать восемь и вдруг заметил, как участилось биение сердца. Ведь сундуки ничем не были соединены!

- Верните рычажок в начальную позицию, -- попросил сэр Чарлз. - Очень уж быстро истощаются вольтовы столбы.

- Так эти искры проходят между двумя сундуками? По воздуху, невидимо? - Я изо всех сил старался не выказывать изумления.

- Ага, заметили! Стало быть, не законченный тупица... А что скажете про то, как сгруппированы искры?

Несомненно, это был шифр. От моего умения распознавать коды зависела жизнь и смерть британских солдат, поэтому я неплохо наловчился вычленять из хаоса увертливый порядок.

- После четырех искр всегда следует пауза. Третья и шестая группы одинаковы. В моей фамилии буква «е» на третьем и на шестом месте. Полагаю, сэр, вы просто перекинули с ящика на ящик фамилию вашего покорного слуги.

В первый и последний раз я увидел, как у сэра Чарлза от удивления отпадает челюсть.

- Невероятно! - воскликнул он. - Выходит, я угадал: вы из лучших шифровальщиков генерала Уэлсли.

- Сэр, мне запрещено...

- Что, секретность? Тысяча чертей! Мой друг, оставьте эту чепуху. Со мной делились тайнами особы куда важнее вас. Давайте приступайте к проверке моего аппарата.

Примерно половину сундука занимал вольтов столб. Значит, если аппарат и источник питания распределить по ящикам поменьше, их можно возить на лошади, как вьюки. От столь радужной перспективы у меня голова пошла кругом.

- От этой пары сундуков на войне может быть побольше проку, чем от ста тысяч кавалеристов, - отважился я высказаться. - Сколько вам нужно времени, чтобы объяснить мне суть конструкции и принцип действия?

- Мой шифр из точек и тире вы разгадали с первого предъявления, это говорит об изрядном интеллекте, - ворчливо отдал мне должное сэр Чарлз. - Пожалуй... достанет недели.

- А что до изготовления и обслуживания?..

- Трудно сказать. Таким вещам я еще никого не пытался учить.

* * *

Вечером нам составила общество жена сэра Чарлза - леди Моника. Она была много моложе супруга, однако постарше меня лет на пять. Мы отужинали в столовой, увешанной полотнами Констебля и Рубенса; в углах на пьедесталах стояли расписные вазы, вероятно, похищенные в Греции.

Леди Моника была редкостной красавицей и нисколько в этом не сомневалась; со своим шармом она научилась обращаться виртуозно. А глазами стреляла так, что у меня мурашки бегали по коже; причем ее дерзкий флирт оставался незамеченным сэром Чарлзом. Ее черные кудри были собраны в высокую прическу, как у испанских высокородных дам. Поверх белого платья из льняного батиста она надела синий жакет с красной пелеринкой - цвета британского флага вошли в моду. Макияжем она пренебрегала, желая, очевидно, подчеркнуть

безупречность своей кожи.

- Это лейтенант Флетчер, он в Испании разгадывает шифры для Уэлсли, - тут же выдал меня с потрохами сэр Чарлз. - Лейтенант Флетчер, перед вами моя жена Моника.

В Испании за столь безрассудную болтливость вообще-то расстреливают; пришлось напомнить себе, что я в Англии.

- Леди, вы само очарование. - Я поклонился и поцеловал ей руку.

- Симпатичный убийца, да еще и с мозгами? - отозвалась она. - Бедняжка Наполеон. Полагаю, против таких мужчин, как вы, у него нет ни малейшего шанса.

Ужин был в патриотическом духе: бифштексы, лук-шалот, печеный картофель, свекла, горчица, портвейн. Все это подавалось на преизящнейших блюдах - в жизни не видывал столько серебра на одном столе. Да, вовсе не к таким кушаньям довелось мне привыкать в Португалии и Испании... Разумеется, за исключением портвейна.

Супруги явно не ладили между собой, но старались соблюдать приличия.

Сэр Чарлз без умолку разглагольствовал о своем шифре из точек и тире, об искровой сигнальной машине. Тем временем леди Моника вздыхала, а то и вовсе устремляла взор в потолок. Вдруг хозяин спохватился, что у него на тарелке остыло мясо. Он живо проглотил бифштекс, попросил у нас извинения и убежал по лестнице так торопливо, словно наверху его ждала любовница... Я уже знал, что любовница эта сделана из латуни, стекла и воска.

Мы с леди Моникой остались тет-а-тет. Ужин продолжался: спаржа, свекольные оладьи и довольно тонкое немецкое вино.

- Хотелось бы немного узнать о вашем прошлом, - сказала она.

И порхнула волшебными ресницами, что на человека, еще совсем недавно скитавшегося в далеких горах Иберийского полуострова, подействовало ошеломляюще.

- Да почти нечего рассказывать. Был капралом, стал офицером. Мне посчастливилось отличиться.

- В шпионаже?

- В математике... Представьте, она помогает воевать.

- Редкий капрал в красном мундире скажет «математика». Скорее от него услышишь «счет», в лучшем случае «арифметика». Вы, видимо, из хорошей семьи. Чем занимались до того, как пошли служить?

- Отец у меня приходской священник, сам я до войны был учителем.

- Готова побиться об заклад на сто гиней, что еще ни одну шлюху вы не удостоили улыбкой.

Да, это правда, но откуда о том знать леди Монике? Застигнутый врасплох, я взял паузу, чтобы собраться с мыслями. Да, я знал, как полагается вести себя в свете, но свет для меня был чужим.

- Я же не приказчик в лавке, чтобы улыбаться направо и налево.

- Рипост...^{*6} Мои поздравления.

- Почему вы готовы на пари?

- О лейтенант, мужчинам, которые пользуются услугами шлюх, свойственна самоуверенность. Они вообще всех женщин считают продажными, допуская лишь, что одни стоят дороже других. В вас же учтивости больше, чем самоуверенности.

- Вы мне льстите.

- Безусловно. И это повод для ответной лести, но вы им, конечно же, не воспользуетесь.

И тут мне вспомнилось предостережение майора Джордана.

- Лесть в мои обязанности не входит, мэ.м.

- Да что вы говорите? Но вам не по себе в моем обществе, особенно когда я улыбаюсь, и это льстит мне.

- Скажите, вы помогаете сэру Чарлзу в работе над сингальными устройствами? - неуклюже попытался я сменить тему.

- Вы, конечно, шутите? Чтобы я, да интересовалась проводами, искрами и паровыми трещотками? Помилуйте, о его увлечениях я вспоминаю, только когда он уезжает испытывать свои игрушки, оставляя на меня заботу о Баллард-Хаузе и наших сторожах - бравых солдатах и галантных молодых офицерах.

С этими словами она покинула кресло. Я тоже встал и откланялся.

- В десять вечера разделите со мной ужин? - спросила леди Моника.

- Сожалею, мэ, но я уже собираюсь почивать.

- Так ведь сейчас всего шесть, даже солнце еще не зашло.

- Я просто с ног валюсь от усталости. В последний раз мне удалось поспать на корабле.

Она плавной походкой двинулась к двери.

- Доброй ночи, мэ, - сказал я вдогонку.

В проеме она обернулась.

- Доброй ночи, мой brave и галантный молодой офицер, - промурлыкала хозяйка усадьбы и на прощание выразительно качнула бедром в мою сторону.

⁶ * В фехтовании - ответный удар после парирования удара противника. (Здесь и далее прим. перев.)

* * *

В ту ночь я спал мертвым сном, но, как и всякий солдат в военное время, проснулся еще затемно. Атаки часто случаются на утренней зорьке, поэтому я обзавелся привычкой встречать восход одетым и готовым ко всему. Найти сэра Чарлза не удалось, поскорее свидеться с леди Моникой не входило в мои планы, так что я направился за пределы усадьбы, в лагерь, где меня встретил юный капитан Хартуэлл. В первых лучах рассвета мы обошли расположение.

- Ну как, вы удостоверились, что Баллард-Хауз - не гнездо французских шпионов? - спросил он.

- К сожалению, я ни в ком пока не уверен.

- Ни в ком? Что, даже хозяин у вас под подозрением?

- Хозяева порой раскрывают секреты своим леди в постели. Или вы считаете, что леди подозревать нельзя?

Хартуэлл промолчал - возможно, не нашелся с ответом. Мы прошли еще с дюжину шагов, прежде чем он снова подал голос.

- В моем взводе есть ветеран сражений в Португалии и Испании, он слышал о вас. Говорит, вы из солдат, сумели отличиться.

- Да, сэр, это так.

- Видно, совершили нечто поистине героическое.

- Вы мне льстите. Ничего особого я не совершил.

- Пожалуйста, расскажите! Сгораю от любопытства! Разве вы еще не поняли, как скуп на развлечения Дорсет?

Тут я заподозрил, что в Баллард-Хауз капитана перестали пускать как раз по причине его чрезмерной тяги к развлечениям: юнец волочился за хозяйкой. С другой стороны, он старше меня по чину, а с такими людьми невредно поддерживать добрые отношения.

- Я немного говорю по-португальски и довольно сносно владею испанским и французским. Поэтому, едва сойдя с корабля, я получил капральское звание. Мне дали в помощь двух испанцев из нерегулярных войск и отправили в глубь неприятельской территории.

- Истреблять французских офицеров? - предположил взволнованный Хартуэлл.

- Зарисовывать укрепления, считать солдат, повозки снабжения. Однажды нам встретились двое французских шпионов, занимавшихся, в сущности, тем же, что и мы. Последовала короткая и грязная драка, и живым оттуда ушел только я.

- Ага, так вот за что вы получили второго лейтенанта!

- Ну, подобное там в порядке вещей. Однако на трупе француза я обнаружил

секретную депешу, она оказалась крайне важной.

- Выходит, вы совершили подвиг, но получили награду не за него, а за грязные тайны, в которые вляпались ненароком? - разочарованно проговорил Хартуэлл.

- Сэр, при всем моем уважении замечу: на войне секретные депешы зачастую куда опаснее пуль. Если вам доведется побывать на поле боя, вы поймете, чего стоит неведение о следующем шаге противника.

- Отдаю должное вашему опыту, лейтенант, но сам я предпочел бы шпионским играм честную драку.

Та депеша оказалась зашифрованной, и я, пока возвращался в расположение наших войск, каждую свободную минуту только и делал, что пытался разгадать код, и наконец справился с этой задачей. В сообщении говорилось, что в штабе генерала Уэлсли засели двое вражеских агентов. Вопреки моим ожиданиям, их не разжаловали с позором и не расстреляли как собак; просто однажды они погибли в мелкой стычке. Что ж, понятно: в штабе генерала Уэлсли не может быть предателей. Вскоре после этого начальство сочло свежее испеченного второго лейтенанта Флетчера слишком ценным офицером, чтобы подвергать его опасности на полях сражений. Меня перевели в квартирмейстерскую службу и поручили разбираться с французскими шифрами.

Мы уже подходили к конюшне. Я обратил внимание, что над ее крышей поднимаются две трубы; из одной валил дым. Слышался размеренный стук.

- Там паровой двигатель, - сообразил я.

- Терпеть не могу грязную тарактелку, - проворчал Хартуэлл. - Как и все эти дурацкие поделки.

- Для чего он служит?

- Ни для чего путного, уж поверьте.

- Все же я не откажусь взглянуть.

Я увидел батрака, хлопотавшего у машины высокого давления; вроде тех, что с недавних пор позволяют конкам избавляться от лошадей. Здесь изобретение Ричарда Тревитика вращало ось электростатической машины⁷, чьи стеклянные

⁷ * Ричард Тревитик (1771-1833) - английский изобретатель, инициатор создания и применения стационарных машин, работающих при высоких давлениях. В 1803-1804 годах при помощи Дж. Стила построил для заводской Мертир-Тидвилской дороги (Южный Уэльс) первый в истории паровоз, который, впрочем, оказался слишком тяжелым для чугунных рельсов.

Разнообразные виды электростатических машин были описаны уже в сочинении известного русского ученого-энциклопедиста Андрея Тимофеевича Болотова (1738-1833) «Краткие и на опытности основанные замечания о

диски терлись о фетровые накладки, а образующееся при этом электричество снималось тонкими серебряными щетками и по клавишным струнам, обмазанным нутряным жиром и пчелиным воском и натянутым между деревянными столбами, поступало в Баллард-Хауз.

По словам кочегара, конструкция эта работала в течение дня; в сумерках ее глушили, а потом чистили и налаживали. Мы с Хартуэллом уже собирались уходить, и тут мальчишка-батрак спросил, не угодно ли нам взглянуть на «ночную машину». Услышав мое «да», он отворил дверь в помещение, где стояла такая же точно пара механизмов.

- Отсюда в дом лирический хлюид текёт, вот уж два года как, и хоть бы раз запнулся.

- Постоянный источник электричества? - удивился я. - И для чего же он потребен?

- Сэр, про то хозяину ведомо, а нашенское дело - пар в котле держать. Пар - это будущее, во как! Очень надеюсь на нем богатство сколотить, с Божией помощью.

- Ненавижу эти гнусные машины! - брюзжал Хартуэлл, когда мы выходили из конюшни. - Известно ли вам, что на некоторых угольных шахтах они уже заменили лошадей?

Передо мной встала новая загадка: для чего в Баллард-Хауз все время поступает заряд? Искровые семафоры работают от вольтовых столбов, значит, электростатические машины нужны для чего-то другого. И это «что-то» бесперебойно действует вот уже два года.

- А что находится вон там, на втором этаже, куда ведут провода? - указал я на дом.

- Моника эту комнату называет вороньей, - ответил Хартуэлл.

Моника? Судя по такой фамильярности, Хартуэллу тоже достались лестные слова от хозяйки поместья. А если учесть, что с некоторых пор он там персона нон грата, эти слова не проскользнули мимо ушей сэра Чарлза.

- Вороньей? А почему?

- Сэр Чарлз держит там ворону.

- Вот как? Настоящую, с перьями, крыльями и клювом?

- Один клюв, два крыла и уйма перьев.

- И зачем, как вы думаете?

- Не иначе для компании. Не будь он владельцем этого поместья, прожил бы заурядную жизнь деревенского дурачка.

электрицизме и о способности электрических машин к помоганию от разных болезней» (1803).

Вот, пожалуйста, еще одна загадка. Зачем на протяжении двух лет обеспечивать электричеством ворону?

Я шпион, меня учили прятать свои тайны и раскрывать чужие. Ворона - это, скорее всего, какая-то уловка. А электричество? Может быть, в той комнате на втором этаже спрятан секретный аппарат для связи с французами? А если сэр Чарлз соглашается отдать искровой семафор Англии лишь потому, что у Наполеона он уже есть, и теперь нужно перехватывать наши сообщения?

* * *

Я вернулся в дом и взял оба искровых семафора под личную охрану - иными словами, запер их у себя в комнате. После чего убедился, что в две верхние комнаты мне не попасть, тогда как во все остальные я могу входить беспрепятственно. О запертых помещениях сэр Чарлз ничего не говорил. Незапертые представляли собой мастерские и склады для экспериментальных устройств, покамест не оправдавших надежд своего создателя. Механизмы, которые я там увидел, были изготовлены в основном из дерева, воска, латуни и стекла. Помощники работали тут же, но жили в другом месте, в доме для прислуги. Они мастерили отдельные части по хозяйским указаниям, не имея никакого представления о том, что получится после сборки.

Когда сэр Чарлз ушел в конюшню проверить, как обслуживается «ночная машина», я поднялся на второй этаж, к запертым комнатам. По роду деятельности я мало-мальски владею искусством отпирать замки, и отмычки всегда при мне. Первая комната оказалась библиотекой. Вторая дверь, дубовая, окованная железом, моим усилиям не поддавалась. Столь внушительная защита говорила, конечно же, о том, что в комнате спрятано нечто ценное. Я услышал слабый гул, как в пчелином улье.

Это была «воронья комната», именно к ней от конюшни тянулись провода.

* * *

В то же утро, немного позже, меня пригласили на завтрак. Я не успел проголодаться, но все же пришлось отведать сыр чеддер, спаржу, ветчину и немецкое вино. За едой сэр Чарлз объявил, что к изучению искрового семафора я приступлю в течение ближайшего часа. Стремительно подчистив тарелку, он

убежал по лестнице. И опять я остался наедине с леди Моникой. Подозревая, что она готова и в этот раз заняться флиртом, я поспешил спросить о «вороньей комнате».

- Да, ворона там есть, - ответила она.

- Он вас туда пускал?

- В ту далекую пору, когда еще пытался произвести на меня впечатление своим умом. Год назад, если не два. Там полно его скучных игрушек.

- Вас не впечатлило?

- Ни в малейшей степени. Видите ли, лейтенант, мы с ним слеплены из разного теста. Что вы видите вон у того окна?

- Латунный телескоп.

- Да-да, подлинное чудо с увеличительными стеклышками и что там еще внутри. Чарлз через него разглядывает какие-то оспины на Луне. Я бы предпочла полюбоваться, как солдат на дальнем поле заваливает доярку на копну... А вы что скажете?

Подмывало заметить, что я бы предпочел побыть тем солдатом на дальнем поле, но подобные речи могли завести нас на запретную территорию и с самыми непредсказуемыми последствиями.

- Мне бы телескоп пригодился, чтобы шпионить за французами, - нашелся я с ответом. - Так что же за игрушки хранятся в «вороньей комнате»?

- Да всякие-разные... Проволочки там, медяшки, стеклышки.

- И ворона есть?

- Черная птица, довольно крупная - побольше воробья, но поменьше курицы. К ее голове Чарлз присоединил уйму клавишных проводов.

- К вороньей голове?! - воскликнул я, решив, что леди Моника надо мной издевается. - А вы не могли бы описать...

- Нет! - отрезала она с внезапным раздражением. - Не могу и пытаться не стану! Мне неинтересны его дурацкие бирюльки. Хочу жить в Лондоне, блистать на балах и знакомиться с лихими молодыми офицерами, только что вернувшимися с войны.

- А ключика от «вороньей комнаты» у вас не найдется?

Я пожалел об этих словах, едва они прозвучали. Поскольку уже точно знал ответ.

- Может, и найдется... для лихого молодого офицера, только что вернувшегося с войны.

Подвесив перед моим носом соблазнительную приманку, леди Моника изволила удалиться. Я остался за столом, наедине с раздумьями о нравственности, чести офицера, долге перед Британией, а также об электрических машинах и воронах.

* * *

После завтрака сэр Чарлз в течение часа объяснял мне, как ухаживать за вольтовыми столбами и заключать клавишную струну в оболочку из воска и кишечного сала. Утечка электрического заряда была, похоже, нешуточной загвоздкой в работе искрового семафора. После перерыва на чаепитие он три часа кряду учил меня своему шифру из точек и тире.

Но вот настал вечер, и сэр Чарлз отправился в конюшню - глушить «дневной» паровой двигатель и заводить «ночной». Я же прокрался в библиотеку. Осмотр книжных корешков на полках ничего не дал - о том, что лорд питает пристрастие к естественным наукам, мне было известно и прежде. Зато нашлись его дневники - солидные тетради с золотыми буквами на кожаном переплете. Самый ранний содержал записи о наблюдениях за планетами, сделанные рукой пятнадцатилетнего юнца. Последний, в добрый дюйм толщиной, был датирован 1810 годом. Я выбрал дневники за 1809-й и 1810-й, а остальные расставил посвободнее, чтобы не было заметно пропажи.

Спрятать дневники у себя в спальне и вычитать из них, что вдохновило сэра Чарлза на изобретение искрового семафора, - вот каково было мое намерение. Однако, отперев дверь, я обнаружил леди Монику. Она возлежала на моей кровати, одетая на манер древней гречанки: платье схвачено пояском под самой грудью, каковая, по причине огромного выреза, ну прямо-таки вся на виду. Даже прическа, и та, как у знатных гречанок на вазах.

- Чужое взять - свое потерять, - ухмыльнулась она. - Ну-ка, признавайтесь, что вы стянули из библиотеки.

- Дневники, - решил я не отпираться и достал тетради из-за борта мундирного сюртука.

- Какая скучища! Вот заглянули б вы в мои дневники, клянусь, глаза бы на лоб полезли.

- А у вас что, скелеты по шкафам заперты? - сорвалось у меня с языка.

- Милый мой лейтенант, я вообще не любительница запирается. Но раз уж речь зашла об этом, вашу дверь сейчас запереть не мешает. Ну же, давайте!

- А вы... э-э... часто надеваете исторические костюмы? - На этот раз я уже притворялся, будто мои слова бегут впереди мыслей.

- Я надеваю то, что подчеркивает мои наилучшие черты. - Она вытянула из декольте серебряную цепочку с ключом. - А теперь - к делу. Вы желаете проникнуть в «воронью комнату», я же располагаю необходимой для этого вещью.

- Но вы, надеюсь, не собираетесь...
- Договаривайте!
- ...запросить неприличную цену?
- Еще как собираюсь.
- Но, мэ...
- Лейтенант, давайте вообразим такую ситуацию. Супруга некоего высокопоставленного лица, престарелого подагрика, заподозрена в шпионаже в пользу французов. Особа эта не лишена вкуса, и потому усиленно соблазняет не кого-нибудь, а вас, заодно намереваясь склонить к измене. Но что именно она задумала, вам неизвестно. Так ответьте, разве не согласитесь вы лечь с негодницей в постель, чтобы выведать ее намерения?
- Леди Моника, надо отдать ей должное, умела попадать изящным пальчиком в уязвимые места. Каким мог быть мой ответ, если не положительным? Но было очень трудно произнести слово «да».
- Я офицер и патриот, - выдавил я.
- Коли так, вы сделаете это во имя Британии.
- Ну, допустим, - пошел я на уступку. - И все же...
- И что же?
- Вы как патриотка и подданная короны... разве не согласитесь попросту отдать ключ мне?
- Милый мой лейтенант, да кто вам сказал, что я патриотка? Нет уж, если меня вынуждают следить за собственным мужем, я требую плату. И эта плата - ваше тело, на моей кровати, в полном моем распоряжении.
- Но почему именно я? Что во мне такого особенного? Я даже не богат.
- Вы молоды, смелы, недурны собой и, в отличие от многих возвратившихся с войны офицеров, не привезли оттуда увечий или сифилиса.
- А как же капитан Хартуэлл?..
- Капитан Хартуэлл - семнадцатилетний мальчишка, и всему, что он знает, его обучила я. А вы - шпион и убийца. Меня очень возбуждают загадочные убийцы, особенно когда они обладают шармом и манерами. Так что скажете, лейтенант Флетчер? Согласитесь побыть моей шлюхой?

* * *

Не вижу смысла скрывать, что моим согласием леди Моника воспользовалась в полной мере.

Минут через двадцать она выскользнула из комнаты, намереваясь к ужину переодеться во что-нибудь более подходящее. Я остался наедине со своими мыслями о ситуации, каковая не очень-то мне нравилась. Неладно в Баллард-Хаузе. Леди Моника изнывает от скуки, она недовольна своей судьбой - французский агент соблазнил бы ее в два счета.

Это серьезный повод для беспокойства, учитывая, сколь важна роль сэра Чарлза в войне против Франции. А тут еще «воронья комната»...

У меня теперь есть ключ от нее, а еще есть интрижка - пожалуй, выходящая за рамки благоразумия, - с леди Моникой.

Пора, решил я, убираться из этого поместья. Завтра поутру отправлюсь в Портсмут, надо обсудить с майором Джорданом боевое применение искрового семафора. В точках и тире я уже успел разобраться, но от других такой быстроты ждать не приходится. Стало быть, я возглавлю дюжину шифровальщиков и успею натаскать их к тому времени, когда будет готова первая партия семафоров. А майор Джордан доставит в Баллард-Хауз целую кучу мастеров морского и часового дела, и они научатся собирать машины. Может быть, он и «воронью комнату» самолично осмотрит, проникнув туда с помощью ключа, добытого мною с таким трудом.

За ужином сэр Чарлз пребывал в веселом расположении духа, чего прежде я за ним не замечал. Он выпил изрядно портвейна, а в промежутке между заячьим рагу и олениной в горшочке затеял переговариваться со мной посредством точек и тире, выстукивая их ногтем на бокале. Но если тем самым он хотел раздосадовать леди Моника, то расчет не оправдался. Красавица всю трапезу провела с таким самодовольным видом, что не заподозрить ее в чем-нибудь предосудительном было попросту невозможно. Теперь я очень хорошо понимал, что имел в виду, напутствуя меня, майор Джордан.

Вот подали пропитанный вином и залитый взбитыми сливками бисквит, и я объявил о своем намерении перебраться в Портсмут и заняться обучением сигнальщиков. Почему-то мои слова обрадовали сэра Чарлза. Он даже спросил жену, не угодно ли и ей куда-нибудь съездить и развеяться. Леди Моника тотчас изъявила желание отбыть на две недели в Лондон, на что получила мгновенное согласие; казалось, мужу не терпится спровадить ее. Охваченная восторгом, она сорвалась с места и даже, обогнув стол, заключила в объятия неопрятного спутника жизни. После чего убежала собирать вещи к отъезду.

А я вернулся к себе в комнату и растянулся на кровати. Облегчение мое едва ли возможно описать. Искровой семафор - и впрямь бесценное оружие, в этом я убедился. Как и в том, что люди в Баллард-Хаузе не более надежны, чем мешок с

порохом возле кузнечного горна. Боевая задача выполнена, можно трубить организованный отход.

* * *

К отъезду все было готово. Поутру, пока солнце еще не взошло над горизонтом, я оседлал коня и выехал из поместья. Едва из виду скрылся Баллард-Хауз, впереди появился капитан Хартуэлл - он вышел из-за придорожных деревьев в сопровождении сержанта и капрала. Я оглянулся: еще двое солдат успели перекрыть мне обратный путь. Все, кроме Хартуэлла, были вооружены мушкетами «браун-бесс». Капитан в руке держал стакан красного вина, из-за пояса торчал пистолет. Он походил на маньяка: глаза выпучены, лицо перекошено.

- Слезайте с лошади, сэр! - прокричал он. - Да поживее!

- Капитан, я еду по делам короны...

- Сэр, а я здесь по делам чести! Извольте немедленно спешиться!

- Я могу вас привлечь к суду за измену.

- Сержант Адамс, если он не спешится... убейте лошадь.

Едва моя нога ступила на землю, Хартуэлл выплеснул вино мне в лицо и разбил стакан оземь.

Сержант откашлялся и сообщил мне:

- Я встречался со служанкой, она говорит, эту ночь вы провели в спальне леди Моники.

В строгом смысле слова это не было правдой. Но какой прок доказывать Хартуэллу, что дело было в моей спальне и длилось меньше получаса?

- Сержант, он не вправе вас к этому принуждать. Дуэли противозаконны.

- Видите ли, сэр, его отец - очень важный господин. Вы даже «Боже, храни короля» сказать не успеете, как он весь наш взвод отправит к францушкам на убой. Так что лучше бы вам пройти с нами.

Я привязал лошадь к ветке и сквозь шеренгу деревьев вышел на луг. Сержант Адамс и капрал по фамилии Нокс согласились на роль наших секундантов.

- Выбор оружия за вами, - сообщил мне Адамс. - Сабли или пистолеты?

Идея насчет сабель не пришлась мне по душе. В последний раз за это оружие я брался года три назад, а Хартуэлла наверняка натаскивали дорогие учителя фехтования, еще когда он пешком под стол ходил. Что же до пистолета, то вряд ли он удосужился набить руку. Молодежь благородной крови предпочитает ружья: и на дичь удобно охотиться, и на браконьеров.

- Пистолеты, сорок шагов.

Мы с Хартуэллом отдали оружие секундантам на осмотр. У обоих были кремневые «тауэры» примерно одного возраста. Потом встали спина к спине и под счет Адамса прошли по двадцать шагов.

- Лейтенант Флетчер, вы как оскорбленное лицо имеете право на первый выстрел.

- Уступаю первый выстрел капитану Хартуэллу, - заявил я.

Мальчишка, конечно, промахнется, а я покажу милосердие...

Он выстрелил. Действительно промахнулся, но пуля прошла в опасной близости, даже дернула за рукав. Это был сюрприз, причем неприятный: юнец, оказывается, с пистолетом в ладах. Вознес благодарственную молитву небесам, я выстрелил в сторону от цели.

- Честь удовлетворена, сэр. Могу я теперь ехать по делам короны?

- Честь не удовлетворена никоим образом, сэр! Перезаряжайтесь!

И тут уверенность покинула меня, поскольку дырка в рукаве образовалась как раз на линии сердца! Да, сейчас мне повезло, но по опыту войны в Португалии и Испании я знал: фортуна - слишком коварная подружка для того, кто слишком уж на нее полагается.

Сержант перезарядил пистолет для Хартуэлла, я же о своем «тауэре» позаботился сам.

Снова мы с капитаном стояли лицом друг к другу, и снова ему предстояло стрелять первым.

«Если не попадет, как мне быть?..»

Пуля ударила в бок, чуть ниже ребер.

Она весь воздух выбила из легких; будто кипяток разлился в животе. Я упал на колено и не завалился лишь благодаря упертой в землю ладони. Если сейчас сдамся, Хартуэлл с легкостью заставит своих подчиненных бросить меня здесь, и тогда верная смерть от кровопотери. А если я прикончу его, то окажусь единственным офицером в нашей компании, и нижние чины ослушаться не посмеют.

Я собрал все оставшиеся силы, вынудил себя позабыть про боль и встал.

С сорока шагов Хартуэлл, должно быть, увидел перемену в моем лице. Его торжествующая улыбка сменилась натужной ухмылкой. Я был ранен, зол как черт и не склонен к пощаде. Шутки кончились. Вероятно, впервые в жизни он стоял перед лицом настоящей опасности.

- Что ж, позвольте представиться, - мой задыхающийся голос преодолел разделявшее нас расстояние. - Меня зовут Смерть.

Ухмылка исчезла - у Хартуэлла в ужасе отвисла челюсть, на белых бриджах для верховой езды расплылось влажное пятно, от него пошел парок. Я выстрелил. Развеялся пороховой дым, явив моему взгляду лежащего ничком в траве Хартуэлла. Пуля вошла точно в лоб, отчего затылок разлетелся на осколки и ошметки.

- Сержант, приведите мою лошадь. Вы сопроводите меня в Уимбурнминстер, к врачу.

- Но сэр, вам же нельзя верхом! Давайте лучше мы вас в Баллард-Хауз...

- В Баллард-Хаузе нет врача. Ступайте за лошадью.

Провести дни, а то и недели, на койке в имении - не лучший выбор, ведь сэру Чарлзу непременно захочется узнать, по какой такой причине мы с Хартуэллом стрелялись.

Сержант выполнил распоряжение, и мы вдвоем тронулись в путь. Когда впереди показался город, Адамс натянул поводья и повернулся ко мне.

- Сэр, предлагаю остановиться и передохнуть. Я вам помогу слезть с коня.

- А я вам, сержант, предлагаю поднять руки. - Мой пистолет уже смотрел ему между глаз. - Как вы могли убедиться, я неплохой стрелок. Пока вы ходили за лошадью, я успел перезарядиться.

Мрачная мина Адамса сказала мне все, что я желал знать.

- Сэр, но надо же осмотреть рану...

- Вам надо задержать меня, чтобы я истек кровью.

- Да помилуйте, сэр, с чего бы?

- А с того, что вы участвовали в противозаконной дуэли! Бросайте мушкет и штык в канаву и убирайтесь отсюда!

Наконец мы добрались до Уимбурнминстера, и в ту же минуту все поплыло у меня перед глазами. О том, как врач выискивал пулю в животе, сохранились лишь обрывочные воспоминания. Потом я закрыл глаза, а открыл их в августе.

* * *

За этот срок очень многое переменилось. Генерал Уэлсли приказал майору Джордану прибыть в действующую армию, а мой непосредственный начальник, в свою очередь, послал мне письмо с требованием принять все необходимые меры относительно искрового семафора; пакет так и лежал нераспечатанным возле больничной кровати. Врач был категорически против моего отъезда, он утверждал, что лежать необходимо еще не одну неделю. Дескать, кровь моя отравлена пулей,

и он прежде не видел ни одного выжившего пациента с таким сильным жаром.

- Сэр, положив руку на сердце: удивлен, что вы вообще проснулись. Ваше тело исцеляется, но я опасался, как бы лихорадка не повредила мозг; тогда бы вы остались мертвецом с бьющимся сердцем.

В первый раз пройтись по палате мне удалось лишь спустя двое суток. Рядом с койкой лежали седельные сумки, а в них сохранились дневники сэра Чарлза. И я, смирившись с тем, что на коня сесть смогу еще нескоро, решил их прочесть от корки до корки.

Как я и ожидал, дневник 1809 года содержал в себе хронику разочарования. Сэр Чарлз воздействовал электрическим зарядом на два янтарных шара. На один из них - якобы передающий - он направлял свои сигналы, и те возвращались обратно. Изобретатель поспешил с выводом, будто бы пульсация исходит уже от второй сферы. Не проведя должной проверки, сэр Чарлз решил продемонстрировать эффект сэру Генри. Результатом явился унижительный провал, о котором мне было известно с самого начала.

В ходе последующих экспериментов он обнаружил пульсацию, которая временами отличалась от передаваемых им сообщений. Искажения бывали столь велики, что текст менялся до неузнаваемости. И тогда возникло предположение: а что если у французов есть похожее устройство, и он слушает переговоры?

Как поведал дневник, правда оказалась куда более странной.

Нынче ко мне пришло понимание. Новые сигналы, как и отражения моих собственных, исходят из янтарной сферы. Словно в этой сфере кто-то заключен, и этот незнакомец, выучив мою азбуку из тридцати шести степеней интенсивности, пытается вести со мной разговор. И чем дольше воздействует на шар электрический заряд, тем больше букв использует собеседник. Такое впечатление, что всякий раз, когда заряд пропадает, стирается накопленная моим собеседником память. Теперь я собираюсь приобрести паровой двигатель, чтобы вращать генератор Винтера - очень уж скоро истощаются вольтовые столбы.

Далее следовал перерыв в несколько недель, с редкими пометками о прибывавшем оборудовании. Наконец в имение доставили генератор, и записи хлынули потоком.

С каждым днем она все лучше изъясняется по-английски. Да, я уже знаю, что в сфере заключено существо женского пола. Эти создания, в отличие от нас, не носят имен, но для себя я решил звать ее Электрикой. Она, в отличие от моей жены, влюблена в естественные науки и отменно в них разбирается. А ее понимание природы электричества достигло поистине заоблачных высот. Жаль, мне пока не удалось выяснить, к какой цивилизации принадлежит

Электрика - египетской, китайской, индийской или она дочь другого, неведомого народа. Дабы упростить общение между нами, она создала систему из коротких и долгих электрических импульсов, сгруппировав их по четыре - каждая группа соответствует букве или цифре. Сия азбука уже полностью заменила мою неуклюжую, из тридцати шести степеней интенсивности заряда.

Я читал - и с трудом верил прочитанному.

Подобно тому, как мы научились хранить тела животных в колбах со спиртом, народ Электрики умел сберегать электрические заряды, и это позволяло переносить образ мышления человека в янтарный шар. В строгом смысле слова, эта женщина не живет, но пока в шар поступает электричество, ее мыслительные процессы действуют.

Сегодня она описала свой народ - Боже Всемогущий, сколько же между нами отличий! Люди эти сочетали все достоинства древнегреческих философов с достоинствами благородных варваров. Во что бы то ни стало надо найти руины их цивилизации, ведь тем самым мы обретем кладезь бесценных знаний, получим разгадки величайших тайн! Сдается мне, это место лежит где-то невдалеке от Египта, ведь именно на рынке в Египте я купил шар у торговца редкостями. Соплеменники Электрики не возделывали, подобно нам, землю., - отнюдь нет, они смотрели на мир как на громадное охотничье угодье и не обременяли себя оружием. Они добывали благородную крупную дичь, подобно тому как стая гончих догоняет и валит оленя.

В задумчивости я оторвал взгляд от строк. Кого способна одолеть голыми руками группа людей? Разве что козу или овцу. Убить крупного зверя без оружия - задача для человека непосильная. Стая волков может завалить оленя, но у волка мощные челюсти и длинные, острые зубы. Я возобновил чтение.

Вскоре зашел разговор о том, как бы Электрике обрести зрение, слух и голос, и она подсказала способ. Вокруг янтарного шара сэр Чарлз разместил две дюжины заряженных пластин, а от них провел провода к вороньей голове. Как известно, вороны способны подражать человеческой речи. Правда, в ходе наладки методом проб и ошибок погибли десятки птиц - долго не удавалось получить заряд достаточной, но не чрезмерной мощности. К середине 1809 года Электрика обрела способность видеть, слышать и изъясняться при посредничестве вороны, соединенной с янтароскопом клавишными струнами.

Так что в шутках Моники насчет любовницы, которую ее муженек прячет наверху, как ни странно, содержалась доля правды. Сэр Чарлз души не чаял в своей вороне, получившей от него вместо клетки целую комнату. Провода, соединявшие Электрику с птичьей головой, давали ей изрядные возможности. Для нее покупались книги, и она научилась переворачивать страницы клювом. Так

Электрика получила знания о наших ремеслах, о паровых и электрических механизмах, о географии, истории, математике и философии.

И все это время моя дражайшая Электрика умоляла ни на миг не прекращать подачу электрического заряда. Не дай бог это случится; тогда пропадут пропадом все наши разговоры, которые мы вели несколько месяцев. Накопленные ею познания будут начисто стерты! Ведь не разум содержится в янтарном шаре, а лишь инструкция, как этот разум построить. И я, стремясь развеять ее опасения, поставил второй паровой двигатель, а вдобавок соединил между собой несколько вольтовых столбов - на тот случай, если оба двигателя все же откажут разом. Я никаких средств не пожалею, чтобы уберечь мою дражайшую Электрику!

Я дочитал до конца дневник 1809 года, а затем голова моя упала на подушку, глаза закрылись, и подступила дремота.

* * *

Большая часть следующего дня ушла на чтение дневника 1810 года. Сэр Чарлз писал о книгах, которые штудировала Электрика, о философских дискуссиях с ней, о том, что жена совсем перестала его понимать, и о расцветающей между ним и Электрикой приязни. Он влюбился в эту особу, уж не знаю, существовала она в действительности или только в его уме. И наконец я добрался до наиважнейшей записи в самом конце тетради.

Мы с моей обожаемой Электрикой стояли у окна - вернее, стоял я, а ее помощница-ворона сидела у меня на плече, - и любовались грозой. Это зрелище, видимо, и подсказало ей идею мгновенного переноса сообщений посредством моего совершенно бесполезного изобретения - янтароскопа. Если соединить провода на манер цепи, предложила она, и настроить их подобно тому, как настраивают музыкальный инструмент, то появится возможность вытягивать из воздуха электрический потенциал. Американский философ Франклин сделал лишь робкие шаги в этом направлении; Электрика же объяснила мне, как в ящичке размером с морской сундук создавать крошечную, совершенно безвредную молнию и невидимо перемещать ее по воздуху с помощью длинного куска проволоки. Я тотчас уселся делать чертеж, и от сего занятия меня не оторвали даже крики и стук в дверь - жена явилась сообщить, что прибыли гости праздновать Новый год.

На этом дневник заканчивался. Аппарат работал, в этом не было никаких сомнений, но в существование Электрики я по-прежнему не верил. Сэр Чарлз,

очень одинокий человек, по всей видимости, сотворил ее в своем рассудке. И все же...

Я встал с кровати и спустился в аптечное отделение. Там доктор мешал в кувшине укрепляющие снадобья и разливал их по выстроенным в ряд склянкам. Он был низкорослым и худым, с жидкими седеющими волосами, и носил очки с толстыми стеклами. Со мной он всегда был строг, но оптимистичен.

- А вот и самый удачный случай в моей практике, - обрадовался эскулап. - Ну и как мы себя сегодня чувствуем, лейтенант?

- Слабоват еще, но на ногах держусь, - ответил я. - Когда смогу уехать?

- Уехать? Да вы у нас просто герой, юноша. Недели через две, никак не раньше.

- Но мне надо уже сегодня.

- Это даже не обсуждается. От такого ранения, как у вас, умирают девяносто девять человек из ста.

- Но мне нужно в Баллард-Хауз.

- Так отчего бы через несколько дней не воспользоваться каретой сэра Чарлза? Она вот уже два месяца простаивает в городской конюшне.

Тут меня ужалила тревога, и эта боль едва ли была слабее, чем от пули капитана Хартуэлла. Ровно два месяца назад леди Моника намеревалась укатить в Лондон, причем именно в этой карете. Должно быть, мое смятение врач прочитал у меня на лице; как бы то ни было, он не противился, пока я надевал мундир.

В городе мне попались четверо солдат. Они были в увольнении, и я всех подчинил себе, а в конюшне реквизировал выезд сэра Чарлза, и кучера, и еще лошадей для своей свиты.

* * *

Ближе к вечеру мы добрались до лагеря, где путь нам заступили двое караульных. Но они попятнулись в страхе, едва я вышел из кареты. Одному из них я велел вызвать сержанта Адамса, и тот, когда увидел меня живым и стоящим на ногах, мало сказать расстроился. Нет, он пришел в ужас.

- Сержант, вы заслуживаете похвалы: так долго продержались без офицера, - сказал я ему, вытянувшемуся передо мной в струнку.

- Благодарю вас, сэр, - ответил он натужным, хриплым голосом, и лицо его покрылось потом.

- Как только вернусь в Портсмут, буду ходатайствовать об отправке вас и ваших людей в Испанию, - пообещал я.

- Что? Но, сэр...
- Однако в донесении не будет ни слова о том, как меня принудили к дуэли с капитаном Хартуэллом.
- Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр.

* * *

Карету я оставил в лагере и отрезок пути до Баллард-Хауза проделал пешком. Смеркалось; были основания полагать, что хозяин сейчас на конюшне, следит за состоянием двигателей и генераторов. В дверях меня пытался остановить лакей, пришлось вынуть пистолет и упереть дуло ему в лоб.

- Я... я сэру Чарлзу скажу!
- Не мешай с этим.

Он убежал в сторону конюшни, а я переступил порог. Лишь на минуту задержавшись в холле, чтобы побывать у оружейной стойки, я поднялся к «вороньей комнате». Ключ леди Моники был при мне, и он легко провернулся в замке.

Леди сидела в кресле. Она не спала, и ее взгляд был настороженным. Рядом на столе горела лампа; большая, раскрытая на каком-то чертеже книга покоилась на коленях хозяйки Баллард-Хауза. Ее голову дивной гривой окружали провода, их были десятки, если не вся сотня; они тянулись в середину комнаты, к скамье, на которой стоял аппарат. Мне сразу бросилась в глаза его главная деталь - шар светлого, прозрачного янтаря, окруженный, помимо проводов, созвездием металлических пластинок.

Возле скамьи стояла кровать. А у окна - шляпная вешалка, и к ней длинным шнуром из красного шелка была привязана ворона со смятыми, скрученными перьями на голове, как будто расти им пришлось внутри миниатюрной каски. Электрика больше не нуждалась в услугах вороны, ее провода теперь были присоединены к Монике. И должно быть, проводов этих изрядно прибыло в числе.

- Это не то, о чем вы подумали, - очень медленно выговорила она.
- Как меня зовут? - спросил я.
- Вы... лейтенант.
- У меня вовсе не такое короткое имя.
- Я не помню... Это было так давно.
- Не похоже на правду. - Я поднял цепочку с ключом: - С помощью этой вещицы Моника соблазнила меня; уж наверное, ей бы я получше запомнился. Отсюда

вывод: вы не Моника.

Снаружи донеслись крики, затем топот. Лакей выполнил мое распоряжение, позвал хозяина. Но по ступенькам бежала лишь одна пара ног, стало быть, хозяин не желает, чтобы кто-то узнал о случившемся в «вороньей комнате».

Или о том, что в ней вот-вот случится.

* * *

Среди штатских бытует заблуждение, будто бы пистолет делает своего владельца непобедимым. Тогда как даже самый надежный кремль дает искру лишь в четырех случаях из пяти. Поэтому, если нужно уложить кого-нибудь наверняка, стоит запастись вторым пистолетом.

Сэр Чарлз был далеко не дурак. Он задержался у порога, увидел, что я стою, сложив руки на груди, и лишь после этого вошел, прицелился мне в сердце и нажал на спуск. Замок щелкнул впустую. Сквайр не успел толком выпучить глаза от страха, как я правой рукой схватил ствол его пистолета, а левой ударил прямо в нос. Человек, непривычный к боли, в таких случаях падает на колени и держится за лицо.

Сэр Чарлз стонал и лепетал нечто невнятное, между пальцами сочилась кровь.

- Прежде чем сюда подняться, я побывал у оружейной стойки, где вы храните два пистолета, и очистил их запальные полки, - объяснил я, бросая в угол его оружие и доставая свое. - Вот из этого «тауэра» убит наповал капитан Хартуэлл. Так что не делайте глупостей.

Наблюдая за сэром Чарлзом, я обратился к женщине:

- Вы Электрика.

- Да, - ответил мне голос хозяйки поместья, но пустой и отстраненный.

- И в теле леди Моника вы пребываете вот уже два месяца.

- Да.

- Сэр Чарлз, считаю своим долгом заявить: вы гораздо хитрее, чем мне казалось поначалу.

Он не ответил, лишь вытянул из кармана платок и прикрыл им нос.

- Вы полюбили Электрику, хотя ее разум - всего лишь янтарный шар, а ее глаза, уши и голос принадлежали вороне. И конечно же, у вас возникла мысль: а что если носителем, который позволит Электрике вернуться к жизни, послужит презирующая вас супруга?

- Потаскуха бессовестная, - процедил он сквозь зубы.

- Но перед вами встало препятствие в лице капитана Хартуэлла. Этот человек увлекся леди Моникой, и он же возглавлял охрану поместья Баллард-Хауз. Как же все удобно складывается, когда вдруг появляется новый любовник и в поединке убивает безрассудного мальчишку. Это вы подослали к Хартуэллу служанку с известием, будто бы я затащил в постель леди Монику, а после дуэли распустили слух, что она уехала из поместья. На самом деле вы ее, должно быть, усыпили лауданумом, затем затащили сюда, обрили и превратили в Электрику с помощью вот этого хитросплетения проводов. - Я кивнул на кровать. - И теперь Электрика - воплощение того, о чем прежде вы осмеливались лишь мечтать. Не просто жена, а верная спутница жизни, родственная душа, философ-единомышленник и вдобавок представительница давно исчезнувшей дивной страны, возможно, самой Атлантиды. Могу вообразить, какое блаженство, какую полноту чувств вы испытывали на протяжении этих двух месяцев. Однако пришел мой черед воскресать из мертвых.

- Вульгарная, невежественная стерва! - в гневе воскликнул сэр Чарлз. - Вы не знаете Монику такой, какой ее знаю я.

- Сэр Чарлз, я прочел ваши дневники. Вы предпочли не замечать того факта, что Электрика не человек.

- Да как вы смеете! - закричал он, брызгая на меня кровавой слюной.

- Электрика, откройте секрет: как вашим соплеменникам удавалось рвать в клочья крупных зверей?

Мы с Электрикой на несколько мгновений скрестили взгляды, но я-то, в отличие от сэра Чарлза, не был ослеплен страстью, и вдобавок держал в руке пистолет. Видимо, она поняла, что ложь опаснее правды.

- У нас не человеческое обличье, - раздельно выговаривая каждое слово, призналась она.

Было при этом в ее взгляде что-то тревожащее, даже пугающее. Вам случалось наблюдать за кошкой, которая смотрит на клетку с певчей птахой? Вот такую же напряженную, чуткую хищность уловил я во взоре Электрики.

- И что же случилось с вашим народом? Почему он исчез?

- Наши зубы и когти предназначались только для охоты. А сражаться пришлось с себе подобными. Воины звались губителями рассудка; у побежденного врага они отнимали даже умение дышать. Увы, разум самца оказывался более легкой добычей. В последней войне одержала верх моя стая, но мы слишком поздно спохватились - у враждующих сторон не осталось самцов.

- Стало быть, не только роду людскому свойственно невежество и безрассудство. Как же вам посчастливилось выжить?

- Последние из нас изготовили янтарные шары, поместив в них копии своих разумов. Потом эти шары были брошены в поток времени.

- Но зачем? Разве это не могилы для ваших умов, не вечное погребение?

- Вовсе нет... Шары обладают способностью взывать к умам, но не к человеческим, а к нашим... С течением времени на земле могут появиться существа, подобные нам, и они придут на зов сфер. И тогда мы воскреснем, со всеми нашими умениями и мудростью.

Я, как и положено шпиону, говорил спокойным, будничным тоном, пряча за ним страх, какого не испытывал еще ни разу в жизни. Сделав глубокий, ровный вдох, я произнес:

- Если в янтаре сохранился ваш разум, что помешало бы вам приберечь и оружие губителя рассудка?

Лишь самый кратчайший миг Электрика колебалась, а затем ее веки распахнулись настезь, и тысячи невидимых жал пронзили мой мозг, как будто в нем взорвалась бомба, заключенная в мешок с иголками.

Но я выжил. Та же решимость, что помогла мне встать со свинцовым шариком в животе, уложить капитана Хартуэлла и проскакать пять миль до Уимбур-Минстера, не подвела и на этот раз. Я превозмог боль, повернулся и взял на прицел янтарную сферу.

-Нет!

Эта мольба сорвалась с уст сэра Чарлза; но вопль прекратился, когда громыхнул выстрел. Свинцовый кругляш диаметром полдюйма вдребезги разнес янтарную сферу. И тотчас раздался новый крик, но это уже была леди Моника, в чьей голове погиб чужой разум. Я зашатался и привалился спиной к стене - то, что учинила в моем мозгу Электрика, не прошло для меня даром. А сэр Чарлз схватил масляную лампу и запустил ею в скамью. Взвилось пламя вперемешку с зубчатыми дугами электричества.

- Да будь же ты проклят, убийца! - возопил он, пятась к двери.

- Она не была человеком! - крикнул я в ответ.

- Ты не получишь ее секретов для своей войны! Ни единого!

И с этими словами он выбежал, а я подскочил к леди Монике. Пока я срывал с нее провода, ворона неистово махала крыльями на конце шелкового поводка. Служившая ей насестом вешалка для шляп стояла у самого окна, а посреди комнаты уже царил сущий ад. Все, что я мог сделать для птицы, это оставить дверь нараспашку, когда выволакивал в коридор Моника. Если шнурок перегорит раньше, чем пламя доберется до оперения, то ворона, быть может, и сумеет улететь.

* * *

Очувтившись в коридоре, я обнаружил, что огонь уже охватил и другие комнаты второго этажа. Внизу загрохотали выстрелы. Я приблизился к лестнице и увидел простертых возле входной двери двух солдат. Сэр Чарлз воспользовался своей коллекцией мушкетов и пистолетов. Перевернув стол, он стрелял в каждого, кто пытался войти.

И хотя страх близкой смерти побуждает к лихорадочной спешке, хладнокровие сослужило мне недурную службу в Испании и Португалии. Я положил леди Монику на пол, вынул из-за пояса «тауэр», а из кармана сюртука - бумажный патрон. Заряды к пистолету я всегда заготавливаю сам, желая, чтобы каждый мой выстрел был абсолютно верным. Прежде чем сыпать порох на полку, я проверил запальное отверстие.

Когда я доставал из кармана шило и прочищал отверстие, в ближайшей комнате что-то взорвалось. Я насыпал пороху на полку и закрыл ее. Пока оставшийся в бумажной гильзе порох я пересыпал в ствол, из дверного проема потек растопленный воск. Цель моя находилась внизу, поэтому пришлось вслед за пулей загонять комок бумаги и хорошенько прибивать его шомполом. Стрелять круто вниз - дело вовсе не простое, но я повоевал в горах, а потому знал, как нужно действовать. Я решил стрелять сэру Чарлзу в голову, поскольку это упрощает вычисление дистанции выстрела. Она получилась преизрядной даже для моего ухоженного «тауэра», но тут уж ничего не поделаешь. Для устойчивости положив пистолет на предплечье левой руки, я плавно нажал спусковой крючок.

Когда рассеялся дым, я увидел сэра Чарлза, лежащего пластом на своей коллекции орудий убийства.

Весьма смутно запомнилось, как я спустился по лестнице, одной рукой держа леди Монику, а другую прижимая к ране и надеясь, что по красному мундиру солдаты отличат меня от хозяина поместья и не расстреляют в дверях. Снаружи на помощь к нам пришел не кто иной, как сержант Нокс, бывший моим секундантом на злополучной дуэли.

Моника очнулась, когда мы лежали на лужайке, а перед нами превращался в геенну огненную Баллард-Хауз.

- А ну-ка, скажи, как меня зовут, - спросил я, когда утихла боль в животе.

- Майкл? Майкл! Лейтенант Флетчер.

На этот раз мне отвечала Моника. Я заключил ее в объятия. Слава Всевышнему, Электрика более не затмевала ее разум, отступив куда-то на его задворки и

оказавшись там в заточении.

- Где я была? - спросила Моника плачущим голосом. - Боже... Меня окружали громадные ящерицы, двуногие, с когтями, как серпы у наших крестьян. Мы убивали других ящериц и пожирали их заживо...

Слова сменились рыданиями, а меня вдруг пробрал озноб. Янтарный шар разлетелся на осколки, а вместе с ним и память Электрики. Видимо, продолжительное воздействие налагало глубокий отпечаток на разум носителя. Когда я читал дневники сэра Чарлза, мне даже самые дикие фантазии не рисовали Электрику в образе исполинского разумного ящера.

- Все это сны, и не более, - утешающе проговорил я.

- Нет-нет! Я помню вкус крови! И... боже... мне это нравилось!

Она бы сказала и больше, но тут меня подозвал сержант Нокс, стоявший недалеко от дома.

- Сэр, кто-то остался там, на втором этаже. Только что пробил окно. Я послал Сайкса за лестницей.

То было окно «вороньей комнаты». В нижней его части сквозь дыру в стекле валил дым. У меня на глазах вылетело несколько осколков, затем из отверстия выпорхнула ворона и уселась на подоконник. Схватила клювом свой шнурок и давай перетирать его об оставшееся в раме стекло.

Сэра Чарлза обвели вокруг пальца. Электрика умолчала о том, что хранящаяся в янтарном шаре память, будучи наложена на чужой разум, постепенно впечатывается в него. Моника осталась собой, поскольку воздействию подвергалась не более двух месяцев, и все же какие-то воспоминания Электрики у нее явно сохранились. А ворона пробыла носителем два года! Эта птица стала Электрикой, существом, для которого мы, люди, не более чем закуска, способная вести застольную беседу. И какие же, спрашивается, планы строила она в отношении нас?

- Капрал Нокс, дайте-ка ваш мушкет, - потребовал я, протягивая руку.

«Браун-бесс», знаменитое изделие оружейников Тауэра, не славится таким точным боем, как новое ружье Бейкера, но зато его проще заряжать. Да и расстояние невелико; мне не составит труда попасть в ворону, благо ее удерживает на месте шелковая привязь.

- Сэр! Зачем же убивать несчастную птицу? - опешил капрал.

- Это не птица.

Я нажал спусковой крючок, кремль высек искры. Но выстрела не последовало, лишь с полки сорвался дымок. Тогда, не глядя, я достал шило, прочистил запальное отверстие, а затем разорвал зубами бумажную гильзу и насыпал пороха

на полку. Едва я прицелился, как лопнул шелковый шнурок, и ворона взлетела. Грянул выстрел, но темная птица в сумеречном небе - не самая легкая мишень.

- Капрал, впредь получше заботьтесь о своем оружии, - вернул я мушкет солдату.
- Вам предстоит воевать в Испании, а Испания - это такое место, где, нажимая на спуск, надо твердо знать, что осечки не будет.

Я посетил конюшню и вернулся с фонарем, но не нашел подле дома даже черного пера. Зато под окном валялась оловянная кружка объемом в осьмушку пинты. Такими на кораблях отмеряют порции рома, а сэр Чарлз приноровился топить в них воск для своих клавесинных струн. Птица, которой понадобилось спешно разбить стекло, очевидно, сочла эту увесистую штуквину наиболее ухватистой для своего клюва.

* * *

Приблизительно через час провалилась крыша, а к полуночи от Баллард-Хауза остались одни головешки. В комнатах второго этажа накопилось много воска, осветительного масла, поделочного дерева и других горючих материалов, и все это терпеливо дожидалось своего часа. Короче говоря, сэр Чарлз знал, где надо поджигать. Я выставил оцепление и наказал солдатам глаз не сводить с пожарища, но утром, как ни обыскивал развалины, не обнаружил ничего полезного.

Уцелели только два паровых двигателя с генераторами и дневники сэра Чарлза за 1809 и 1810 годы. Я уже знал, что и в этих заметках никаких ценных сведений не содержится. И хотя я записал все, что сохранилось в памяти об искровом семафоре, а также тщательнейшим образом расспросил мастеровых, устройства, собранные благодаря этим воспоминаниям, увы, не заработали. Как же теперь недоставало тех нескольких дней, которые сэр Чарлз обещал посвятить моему обучению.

* * *

Сейчас октябрь. На континенте по-прежнему бушует война, и продлится она, уверен, не один год, тогда как будь у нас искровой семафор, мы бы с ней покончили в считанные месяцы.

Продав имение, леди Моника перебралась в Лондон, дабы носить парик и утешаться аристократическим обществом. Меня же тревожат думы о вороне и

оружии, что было испробовано на мне, но к счастью, безуспешно. Вероятно, губитель рассудка не годится против человека - он не убьет, разве что ошеломит. В любом случае, завоевание целого мира - непосильная задача для одной вороны.

Такими вот рассуждениями тщусь я себя успокоить, но, будь моя воля, поселился бы в Лондоне, напротив дома леди Моники, чтобы следить за прилетающими и улетающими воронами, и возле окна всегда бы стояло нарезное ружье Бейкера. К прискорбию, вряд ли у меня появится такая возможность.

Эти строки я пишу на борту судна, плывущего в Испанию; я возвращаюсь на войну. Смею надеяться, что Вы с сочувствием прочтете сей пространный отчет о моей необычной миссии, а также уповаю на позволение вернуться к Вам в штаб. Мне теперь хочется лишь одного: делать то, что у меня лучше всего получается, - разгадывать французские шифры. Ведь моя страна все еще сражается, а я, как и Электрика, являюсь живым оружием.

*Ваш друг и слуга
мистер Майкл Флетчер,
лейтенант,
57-й полк*

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© Sean McMullen. *Electrica*. 2012. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ДЖОН ХЕМРИ

САБЛИ И СЁДЛА

ДЖОН ХЕМРИ
САБЛИ И СЁДЛА

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

По всхолмленной равнине продвигалась истязаемая бурей воинская колонна. Впереди - Улисс Бентон; капитан, как и вся его рота, вел коня под уздцы и всматривался в завесу ливня - верен ли путь?

Штатский видит кавалеристов только на церемониях Четвертого июля, в парадном облачении, под гром оркестра; штатскому мнится, что не бывает образа жизни более романтического. Уж кто-кто, а капитан Бентон и плетущиеся следом за ним люди знают, чего стоит эта романтика.

Вот она, настоящая жизнь конника: бредешь по бескрайней прерии, вязнешь в раскисшей земле, скользишь по мокрой траве, и ноют натруженные в долгом походе ноги, и ветер набрасывается, норовя повалить, и свинцовое небо хлещет водой, а та затекает в каждую складку, просачивается в каждый шов, чтобы не оставить на тебе сухой нитки. И надо тащить за повод коня, который, как и ты, от усталости едва жив; жалкий и злой, он временами пытается цапнуть зубами, а то и рвется прочь бешеным чертом, тут оплошаешь - мигом шлепнешься в грязь. В животе пусто, ведь похлебки в такую непогоду не сваришь, а до нее семь дней кряду была только солонина с бобами. Нынче о костре можно только мечтать - придется обойтись размокшими галетами.

И все эти тяготы и лишения - за тринадцать долларов в месяц. Таково жалованье рядового, не очень-то разгуляешься. Прежде платили шестнадцать, но в нынешнем, 1870-м, Конгресс урезал денежное довольствие.

В середине походной колонны вихляли и подпрыгивали на кочках четыре почти порожних фургона - запас провизии был израсходован. Еще двое суток, думал Бентон. Еще два дня пути, и рота вернется в форт Харкер. Единственное утешение - у каждого кавалериста теперь широкополая фетровая шляпа вместо прежней фуражки, нисколько не помогавшей в дождь.

Вдруг засверкало-заполыхало, словно рота очутилась под артиллерийским обстрелом. И пусть лишь на миг, но до того ярко осветили молнии все кругом, что люди жмурились, прикрывали глаза. У Бентона провалилась нога и с силой топнула оземь - так бывает, когда при спуске по лестнице не учтешь высоту ступеньки. Он даже равновесие потерял и не устоял бы, не будь на кулак намотан повод. Нервному скакуну роль костыля не пришлось по душе, и он опять попытался куснуть хозяина.

Кто-то поблизости тихо выругался. Темнота вернулась; напрягая глаза, Бентон высмотрел сержанта Тиндалла.

- Сержант? Вы как, в порядке?

- Так точно, кэпн. Вот только замерз, промок и на ногах едва стою, а в остальном - полный порядок, не извольте беспокоиться, сэр.

- «Хочешь жизни настоящей - в кавалерию вступай», - напомнил Бентон вербовочный лозунг.

- Верно, сэр. В наших краях октябрь всегда неласков. Ох, как не хочется еще одной военной зимы в прериях. А тут еще молнии эти, как будто снова деремся с Джонни Ребом^{*8}. Похоже, сэр, мы набрели на колонию луговых собачек.

- Ты тоже оступился?

- Так точно, сэр. Подумал, собачки нашкодили, вот только нор нигде не заметил, да в такой каше разве разглядишь...

Люди и кони упорно брели сквозь бурю, потому что ничего другого не оставалось. Но ближе к рассвету, на их счастье, ветер и дождь поутихли, а потом и тучи расползлись, явив неисчислимые звезды. Рота наконец остановилась на отдых, и Бентон, обойдя бивуак, проследил, чтобы солдаты позаботились о лошадях, насколько это возможно, когда всё и вся промокло насквозь. От капитана, как и от сержанта Тиндалла, почти ничего не зависело, они могли лишь подбодрить измотанных бойцов, пообещав, что еще пара дней, и их примет родной форт Харкер.

Лейтенант Гаррет, шедший в хвосте колонны, за фургонами, встал по стойке смирно и четко, как в училище, козырнул, желая привлечь внимание командира.

- Капитан, я распределил оставшиеся галеты среди личного состава.

- Что, галеты нашлись? Отлично.

Бентон потер лоб. Одолевала усталость, и он понимал, что спать ему, как и всем остальным, придется на сырой земле под мокрым одеялом. И все же командиру будет полегче, чем подчиненным, мундир у него добротный, из хорошей ткани. А у нижних чинов форма дешевая, наскоро пошитая в годы гражданской, и военное ведомство не станет обновлять экипировку, пока не кончатся старые запасы.

По штатному расписанию роте полагались два лейтенанта. Но четыре месяца назад лейтенант Рэндалл умер от холеры, и неповоротливая армейская канцелярия все еще не прислала замену. К счастью, с тех пор никто от холеры не слег.

- Хорошая работа, лейтенант. Особенно для офицера-новичка на первых маневрах.

От такой похвалы у Гаррета как будто прибыло сил.

- Благодарю вас, сэр. Однако же сегодня был момент, когда я чуть не ударил лицом в грязь, в прямом смысле.

- Вы о чем? - недоуменно сдвинул брови Бентон. - О тех вспышках?

⁸ * Так во время гражданской войны северяне-янки называли южан, солдат Конфедеративных Штатов Америки. (Здесь и далее прим. перев.)

- Так точно, сэр. Земля вдруг ушла из-под ног, вернее, оказалась не на месте. Кругом меня тоже все оступались - и люди, и кони. Очень странно.

Бентон нахмурился еще сильнее.

- Мне тоже показалось, будто земля чуть сместилась. Как думаете, лейтенант, это не землетрясение?

Гаррет осмотрелся, словно ища подтверждение догадке командира.

- Сэр, вроде Канзас землетрясениями не славится.

- Насчет Канзаса не скажу, а вот в Миссури лет шестьдесят или семьдесят назад трясло еще как! Там до сих пор помнят. Даже Миссисипи однажды потекла вспять. - Бентон в задумчивости покачал головой. - Ладно, если это и землетрясение, то совсем короткое, и на прерии почти не сказалось. Ступайте, лейтенант, поспите, сколько осталось. Надо отдохнуть - вон как лошади измотаны. Завтра опять в пешем порядке и полегоньку - дадим им оправиться.

- Есть, сэр.

* * *

Наступил новый день, безоблачный и ясный. Вставая, Бентон скривился - после мокрой ночевки ныли все кости.

- Доброе утро, кэпн! - протягивая дымящуюся кружку, поприветствовал сержант Тиндалл.

- Кофе? Как вам, сержант, удалось костер развести?

- А я, сэр, старый индейский фокус знаю.

Бентон не сдержал улыбку и принял кружку.

- Лейтенант Гаррет, к вашему сведению: какие бы подвиги ни совершал сержант Тиндалл, все они называются старыми индейскими фокусами.

Гаррет улыбнулся, хотя на его лице тенью лежала усталость.

- Вы, сержант, наверное, знавали немало старых индейцев?

- Так точно, лейтенант, - согласился Тиндалл, оглядывая горизонт. - Кэпн, взгляните-ка туда, - указал он, - вон на те холмы. Они как раз там, где им положено. Стало быть, вчера мы с пути не сбились. - Он щурился, вглядываясь. - Но вроде что-то появилось на одном из них.

Бентон достал бинокль. Холм венчала приземистая башня - и капитан не помнил, чтобы она была там раньше.

- Лейтенант, что скажете?

Гаррет рассматривал холм довольно долго.

- Сэр, похоже на развалины, как будто раньше башня была повыше. Видите рядом каменные блоки?

- Так это же все объясняет. Нет, лейтенант, это не развалины. Когда мы в прошлый раз здесь проходили, на холме ничего не было. Кто-то начал строительство башни, и блоки не вывалились, их просто еще не успели уложить на место.

- Кэпн, а может, это полковник Кастер из седьмого кавалерийского решил поставить себе памятник? - с бесстрастным выражением лица спросил Тиндалл.

О полковнике Кастере он был невысокого мнения, как и многие другие кавалеристы, в том числе и Бентон. Но в столь щекотливом вопросе офицер не мог открыто согласиться с солдатом. Пускаться в обсуждение этой темы не следовало, так что капитан предпочел сухо возразить:

- Седьмой кавполк здесь проходил в мае. С тех пор, сержант, мы вроде ничего на холме не замечали.

Не прошло и часа, как рота тронулась в путь. Люди и кони просыхали под теплым утренним солнцем; помогал этому и свежий ветерок. Кавалеристы вели своих лошадей по знакомым местам, через пологие холмы и долины. Привал сделали среди дня в верховье Литл-Арканзаса: надо было напиться самим и напоить животных.

Когда заводили в реку лошадей, Тиндалл в недоумении огляделся - колонне пришлось забрать севернее, так как несколько солдат вместе с конями угодили в глубокую воду.

- Сэр, брода нет, - доложил сержант. - Вернее, он есть, но чуть в стороне.

- Ночью мы с лейтенантом решили, что в грозу могло быть землетрясение, - отозвался Бентон. - Вероятно, этим и объясняется смещение брода.

- Все может быть, сэр. - Но Тиндалл не прекращал с подозрением оглядываться на реку, пока она не скрылась из вида.

На склоне дня вошли в длинную неглубокую балку. Это была знакомая дорога - вот только странным казалось отсутствие следов, как будто здесь давно не ездили всадники и повозки.

- Кэпн? - на лице Тиндалла застыла растерянность.

Бентон проследил за взглядом сержанта и даже глазами захлопал в изумлении.

- Откуда оно взялось?

Над равниной возвышался холм... не холм даже, а настоящий рукотворный утес в окружении покатых склонов. Капитан здесь проезжал десятки раз и видел только высокие травы прерий, местами выветренные обнажения песчаника да дорожную колею - северную часть «тропы Санта-Фе». Теперь же появилось нечто новое, и

это нечто весьма походило на развалины крепости, которые покрывали акров пятьдесят, а то и более.

Тиндалл протер глаза и опять взгляделся в руины.

- Вы тоже видите, кэпн? По моим прикидкам, мы в двенадцати-тринадцати милях к юго-юго-востоку от форта, и прежде тут ничего такого не было. А давно ли мы здесь проезжали в последний раз? Да разве в человеческих силах притащить сюда все это за такой малый срок?

- Не знаю. - Бентон вскинул руку. - Рота, стой! Лейтенант Гаррет, оставайтесь здесь, а мы с сержантом выдвинемся и посмотрим...

Отдав горнисту поводья своих коней, Бентон и Тиндалл отправились на разведку. Путь до руин оказался неожиданно труден: подступы были усеяны блоками песчаника, глубоко вросшими в землю. Когда добрались до пролома в стене, сержант присвистнул.

- Кэпн, вы только гляньте, какие каменюки! Ох, и намаялся же тот, кому довелось их ворочать.

Бентону подумалось, что надо бы это место как следует изучить. Сосчитать и измерить песчаниковые блоки, определить, какая раньше была высота у сооружения - а ведь не один десяток футов, похоже. Он протиснулся через брешь в полуразрушенной стене, Тиндалл - следом.

Внутри крепости носилась пыль, а там, где ей удалось закрепиться и накопиться, появилась растительность. Кавалеристы осторожно пробирались по улицам мимо немилосердно изглоданных эрозией руин. Их обдувал вездесущий канзасский ветер, он шумно вздыхал, пригибая степную траву и глядя старый песчаник. Пройдя одну улочку из конца в конец, Бентон увидел изрядной величины сооружение, с почти невредимыми на вид стенами; правда, крыша, как и у остальных домов, провалилась давным-давно. Он поднялся по невысокому склону - была тут широкая лестница, да превратилась в покрытый дерном пандус, и через проем с неровными краями вошел во внутренний двор.

Не отстававший от командира Тиндалл приблизился к стене, взгляделся в изображения: прежде чем за этот песчаник взялась непогода, кто-то покрыл его глубокой резьбой, и работу неведомого мастера большей частью удавалось различить без труда.

- Кони, и много. Но у индейцев они совсем не такие.

Бентон подошел, присмотрелся к резьбе и согласно кивнул. На ветхой стене скакал целый табун, и вопреки долгому выветриванию контуры были легко узнаваемы. Резчик сумел передать подвижность - чего-чего, а динамики в рисунках индейских племен не найдешь. Тут капитан обратил внимание на верх стены. Он

сильно пострадал от времени, зато сохранившаяся часть была покрыта письменами: непривычные глазу резные символы выстроились в длинную и плотную шеренгу.

- Сержант, вы такое видели?

Тиндалл отрицательно покачал головой, явно не зная, что и думать.

- Никак нет, кэпн. Одно могу сказать: не шайены тут поработали. И посмотрите, до чего песчаник рыхлый. Ни разу не видал таких ветхих построек из этого камня. Как будто ему не одна и не две сотни лет. Но чепуха же получается, сэр. Не было тут этого, когда мы в прошлый раз проезжали.

Бентон помнил, что и башни на холме, которую Гаррет счел разрушенной, тоже не было.

- Возвращайтесь в роту. Пришлите сюда лейтенанта Гаррета, а сами останьтесь там.

- Есть, сэр.

Похоже, Тиндалл обрадовался возможности уйти из таинственных развалин. Он очень спешил - насколько позволяла местность, вся в камнях и выбоинах.

Бентон коротал ожидание, вороша обломки. Нашел что-то вроде балки - дерево истлело в труху, но черный цвет говорил о пожаре. Видно, не своей смертью скончалось поселение. Его кто-то разрушил.

Явился лейтенант Гаррет, побродил, посмотрел; с его лица не сходило изумление.

- Капитан, мне просто не верится, что на это способны равнинные индейцы.

- Вот и мы с сержантом того же мнения. Вы ведь получили классическое образование. - Беннет повел вокруг рукой: - Что думаете обо всем этом?

Помедлив, Гаррет спросил:

- Честно, сэр?

- Можете не сомневаться, лейтенант: задавая вопрос, я всегда ожидаю честного ответа.

- Понял, сэр. - Гаррет беспомощно развел руками. -- Тут все очень старое, как будто из библейских времен. Может, эпоха Вавилона, а может, и еще древнее. Стенная кладка и эти лошади... Я видел фрески Висячих садов, вернее, того, что считается ими. Есть сходство, сэр.

- Вы про Висячие сады Вавилона? - переспросил Бентон, удержавшись от ехидства - ведь сам же велел лейтенанту говорить напрямик. - А как насчет этого? - он показал на стену с конями и надписью.

Гаррет долго всматривался, наконец недоуменно покачал головой.

- Не понимаю, сэр. В жизни ничего подобного не видел. Символы похожи на

старинные буквы, а может, это клинопись... не мне судить. -- Он озабоченно посмотрел на капитана Бентона. - Сэр, на этот материк лошади прибыли вместе с европейцами несколько столетий назад. Но у резьбы, да и у всего остального, возраст явно побольше.

- И какой же, по-вашему?

Гаррет ответил не сразу.

- Ничего старше мне еще не доводилось видеть, сэр. Настоящая древность. Может, тысяча лет?

Дико звучит, решил Бентон. Хотя... пусть руинам десять лет, пусть даже месяц - ведь это такой же точно абсурд. Их тут просто не должно быть. А они есть.

Пробираясь по другому проходу, Бентон задержался на краю широкой ямы, даже опустился на колени, чтобы получше осмотреть.

- Это, мне кажется, копи. Давным-давно тут добывали соль. Вокруг появились постройки, чтобы защищать ценное месторождение. А потом и целый город вырос, - рассуждал лейтенант.

Похоже на правду, решил Беннет. С той лишь разницей, что это не Ближний Восток, а прерия в центре Канзаса.

* * *

Хотелось оказаться как можно дальше от жутковатой загадки, поэтому Бентон вел роту, пока невероятные древние руины не скрылись с глаз. Конница достигла лесистого низменного берега реки Томпсон-Крик и стала на ночевку.

- Кэпн, как думаете, что скажут в форте, когда услышат наш доклад? - спросил Тиндалл.

- Скажут, что мы сошли с ума, - пожал плечами Бентон. - А может, и не скажут - если уже слышали о развалинах. Через эти места проезжает много гражданских.

- Ну да... Вот об этом-то я и хочу спросить, сэр. - Сержант Тиндалл покусывал губу, явно побаиваясь продолжать, хотя подобная робость ему вовсе не была свойственна. - Где они все? В последние годы здесь поселилось немало народу, особенно после того, как до Эллсуорта дотянули железную дорогу. А мы до сих пор не увидели ни души. И дорог не пересекали.

- По-вашему, все исчезли, а на их месте возникли развалины города?

- Кэпн, ей-богу, не знаю, что случилось. Мне только одного хочется: поскорее увидеть форт Харкер.

* * *

К концу следующего утра Бентона уже пробирала нешуточная тревога. Не одну дорогу должна была пересечь рота и не одну ферму миновать, но где они все? Вообще-то попался тракт, но совсем не там, где ему полагалось лежать. И был он непомерно широк и сильно изъезжен. А еще встречались оглодыши давным-давно покинутых домов, кое-где со следами огня на стенах, да одичавшие поля. Странности добавила вторая башня, опрокинувшаяся когда-то у дороги невдалеке от того места, где ее пересекла рота. Лейтенант Гаррет, посланный осмотреть руины, вернулся до крайности удивленным.

- Сэр, это уже другая архитектура, не такая, как в крепости. Башня похожа на римские, что на Адриановом валу.

Сначала вавилонские Висячие сады, а теперь вот Адрианов вал.

- Не слишком ли много исторических реликвий пришлось на долю Канзаса? И каков, по-вашему, возраст этой башни?

- Кажется, сэр, она намного моложе города. На вид лет сто, может, двести. - Час от часу у Гаррета росла растерянность. - Капитан, а может, по какой-то причине все эти развалины засекретили? Я ведь о них совершенно ничего не слышал.

- Потому и не слышали, лейтенант, что раньше их тут не было. - Бентон, поддавшись сильному беспокойству, повернулся к колонне: - Рота, садись!^{*9}

Когда все были в седлах, он приказал продолжать движение. Хотелось как можно скорее увидеть форт Харкер и соседствующий с ним Эллсуорт.

* * *

Лишь незадолго до вечера они одолели последний холм перед речной долиной. И город, и форт должны были находиться чуть севернее, поскольку рота продвигалась вдоль берега с юга. Река Смоуки-Хилл, огибавшая оба населенных пункта, оказалась на своем месте, прочий же ландшафт выглядел незнакомо. И была тут еще одна широкая дорога, которая вела на восток.

Никаких признаков форта Харкер или Эллсуорта. Ни единого следа железной дороги, подходившей с востока и затем тянувшейся вдоль Смоуки-Хилла - будто и не было ее здесь никогда. Да как могли целый город и целый форт за две недели

⁹ * *Перевод команд приведен в соответствии с русским кавалерийским уставом. Команда «По коням» - изобретение Красной армии.*

исчезнуть с лица земли? Куда девались рельсы со шпалами и служебными постройками, появившиеся тут несколько лет назад?

Сержант Тиндалл посмотрел на восток и охнул. Вдоль дороги на несколько миль простерлись сельские угодья - чистенькие, красивые поля вплоть до стены с затворенными воротами. Каменная эта стена окружала город, возведенный между реками Спринг-Крик и Клиэр-Крик. Город стоял в миле от места, причитающегося форту Харкер и Эллсуорту, и был он куда крупнее того и другого, равно как и крепости, чьи руины остались на юге.

И он, несомненно, был обитаем.

- Кэпн... Прошу извинить, сэр, но чертовщина же суцая!.. Где наш форт? Где город? И что это такое?

- Это не Эллсуорт. - Беннет поднял бинокль, разглядел флаги: одни - на высокой крепостной стене, другие - на крыше замка или цитадели в центре города. - Там идет бой. Люди на стенах защищают город от врага. Видите лестницы штурмующих?

Лейтенант Гаррет, тоже державший у глаз бинокль, кивнул.

- Вот только канонады нет.

Бентон осознал., что он не слышит стрельбы. И не видит клубов порохового дыма - непременно атрибута современного сражения.

- И как же нам быть, сэр? - спросил Тиндалл.

В наставлениях, полученных перед уходом на маневры от полковника, столь необычные обстоятельства учтены не были. Но Бентону дозволялось в чрезвычайной ситуации поступать на свой страх и риск.

- Город подвергся нападению, это ясно как день. Наш долг - оборонять Эллсуорт, равно как и другие города и поселения. Это не Эллсуорт, но это город. Подъезжаем, выясняем, что там происходит, а дальше - по обстановке.

Тиндалл кивнул: у него с души, похоже, упал камень, когда командир изъявил готовность действовать привычным и понятным образом.

Бентон подъехал к Гаррету и тихо заговорил:

- Лейтенант, все уже поняли: что-то не так. Они знают не больше нашего, но пока офицеры держат себя в руках и спокойно исполняют свои обязанности, того же можно ждать и от нижних чинов. А значит, мы постараемся не внушать им тревоги. Вам ясно?

Лейтенант Гаррет кивнул:

- Так точно, сэр.

Кавалькада спустилась с холмов к реке, поднимая брызги, пересекла ее и выбралась на широкий, плоский берег. Чем ближе городская стена, тем больше

деталей удавалось различить.

- Да они клинками дерутся! - воскликнул Гаррет. - И похоже, на них доспехи.

Кем бы ни были осаждающие, приближение кавалерии, похоже, не осталось незамеченным. Пока одни бойцы продолжали карабкаться по лестницам, другие со всех ног мчались к лагерю, где виднелся большой табун, и взлетали в седла. И вот уже перед наступающей ротой изрядная масса конницы.

Бентон следил за действиями противника в бинокль, недоуменно качая головой при виде допотопных доспехов и ярких флагов. И почему нет ничего огнестрельного?

- Это точно не индейцы. Одежда не та и оружие. Да и горожане не похожи на эллсуортцев.

- Сэр, эти парни настроены враждебно, - отозвался на слова командира Тиндалл.

- Не иначе, по нам ударить решили.

- Я бы предпочел переговоры, но если хотят драки, они ее получают. Трубач, строй фронт!

Вновь и вновь разносились трели горна, пока оба взвода не перестроились из походной колонны в две ровные шеренги, одна за другой, фронтом к приближающимся всадникам.

Приказав роте стоять, Бентон приподнялся на стременах и воздел над головой раскрытую ладонь - во всем мире этот жест означал призыв к переговорам.

Неприятель приближался, седоки размахивали клинками и потрясали пиками. Конница накатывала лавой - ничего даже отдаленно похожего на строй.

Капитан Бентон окинул взглядом равнину, еще раз посмотрел на противника в доспехах и с клинковым оружием и принял решение. Опыт говорил, что обороняться на стене могут только поселенцы, а нападать - только враг. И этот враг, несомненно, решил атаковать регулярную кавалерийскую часть. А в роте всего-то сотня солдат на усталых конях, и против вчетверо, а то и впятеро больше. Нет, в сабельный бой Бентон своих людей не поведет.

- Пеший строй, стрельба взводными шеренгами. Лейтенант Гаррет, сержант Тиндалл, командуйте взводами.

Тиндалл отдал честь, повернулся лицом к роте и заревел:

- Рота, слезай! Карабины к бою! Первый взвод, к стрельбе с колена! Второй взвод, к стрельбе стоя!

Приказы эхом разлетались по рядам, кавалеристы выхватывали из пристегнутых к седлам чехлов укороченные винтовки Шарпса и спешили. Каждый четвертый солдат отводил коней к фургонам, а остальные строились в длинные шеренги, обращенные к противнику, с интервалом между стрелками примерно в ярд.

Стоявшие впереди бойцы опустились на колени. И минуты не прошло, а рота уже была готова к отражению атаки.

Оставшийся в седле Бентон медленно проехал вдоль фронта.

- Поднять знамена!

Солдаты сдернули холщовые чехлы с флага Соединенных Штатов Америки и небольшого, с «ласточкиным хвостом», флага 5-го кавполка. Ткань мгновенно развернулась и горделиво заполоскалась на ветру.

Неприятель был уже менее чем в полумиле, он прибавил темп, перешел на галоп.

- Ого, как гонят, - равнодушно отметил Тиндалл. - Коней притомят.

Он, похоже, не испытывал ни малейшей боязни. В гражданскую этот человек сражался при Гейнс-Милл, а потом принимал участие в десятках боев и стычек. Одной дракой больше, одной меньше...

Бентон снова поднял руку.

- Стойте! Мы кавалерия Соединенных Штатов!

Он сомневался, что атакующие способны разобрать его слова в топоте копыт. Да и вообще, противник, очевидно, ничуть не страшился ровных шеренг с наведенными на него карабинами.

Бентон ждал, достав револьвер. Чужая конница приближалась, из-под копыт взметая землю.

- Выбрать цель! Метиться тщательно! - распорядился он, медленно отъезжая за второй ряд спешенной квалерии. - Товьсь! Первый взвод, пли!

Передние дали с колена трескучий залп и, пока командир кричал «Второй взвод, пли», раскрыли затвор, чтобы извлечь пустую гильзу и вставить свежий патрон.

Залп следовал за залпом. У нападающих от грохота обезумели кони, они взвизгивали на дыбы и неистово били крупом. Люди в латах падали наземь: кому-то досталась тяжелая пуля пятидесятого калибра, кто-то просто не удержался на взбесившемся скакуне. Всего четыре залпа - и атака захлебнулась. Воцарился невообразимый хаос, уцелевшие враги удирали со всех ног - кто со своих, кто с лошадиных.

- Рота, прекратить огонь!

Сержант Тиндалл оглядел поле боя и покачал головой.

- Кэпн, похоже, их лошади никогда не слышали выстрелов. - Его собственный конь, приученный к грохоту боя, не повел и ухом. - И что мешало этим людям усидеть верхом? - Отгадка не заставила себя ждать. - У них же стремян нет! Совсем как у индейцев. Но таких индейцев, как эти, я отродясь не видел.

Бентон, переводя взгляд с поля боя на город, отметил, что штурмовавшая его

пехота торопливо спускается по лестницам и устремляется в лагерь, но не для того, чтобы построиться в оборонительные порядки, а присоединяясь к паническому бегству своих конников.

Наблюдая эту сцену полного разгрома, сержант Тиндалл недоуменно чесал в затылке.

- Да будь я проклят! Сдается, наша взяла. Кэпн, и что теперь делать?

Бентон мог лишь пожалеть, что нет рядом вышестоящего начальства и нельзя переадресовать ему вопрос. Ничего не оставалось, как действовать по подсказке здравого смысла.

- Рота, садись!

Он подождал, пока коноводы приведут из укрытия лошадей и рота, уже верхом, снова построится в две шеренги.

- Трубач, «Шагом». Пора поближе взглянуть на этот город. Сержант Тиндалл, позаботьтесь, чтобы обоз не отставал.

Рота двигалась неторопливо, в обход побоища, но достаточно близко, чтобы Бентон мог разглядеть павших. У одних волосы светлые, у других - каштановые, у третьих - рыжие. Оттенки кожи и черты лица в основном европейские, но есть и азиатские. А оружие - не то раннего Средневековья, не то начала последнего периода Римской империи.

Все это совершенно не поддавалось объяснению, но Бентон понимал: что бы ни происходило вокруг, он должен вести свою роту. У него притупились все эмоции, и он полностью сосредоточился на служебной рутине: блюди устав и не рассуждай.

Конные шеренги приблизились к городу, миновав палаточный лагерь осаждавших. Те еще виднелись вдали, но угрозы не представляли - удирали что было духу. Защитники на стенах размахивали над головами мечами, копьями и топорами; слышались ликующие крики и смех.

- Рота, стой! Сержант, надо бы выяснить, что это за люди и где мы находимся. Лейтенант Гаррет, вы с ротой - здесь, а мы с сержантом - на переговоры.

Бентон поехал к стене; Тиндалл держался чуть позади. Заметив группу людей возле синих знамен с каймой из многоконечных звезд, капитан предположил, что это начальство защитников города, и направился туда. Снова он поднял руку в жесте миролюбия и придержал коня возле самой стены. Тот, еще не остыв после боя, плясал - его тревожили летевшие сверху крики.

Бентон запрокинул голову и прокричал:

- Я капитан Улисс Бентон, кавалерия Соединенных Штатов. Хочу поговорить с вашим командиром, или начальником, или вождем.

Наверху разразился гам, в котором капитан уловил лишь одно знакомое слово,

хотя многие другие слова дразнили ему память, будто их корни совпадали с корнями слов какого-то смутно знакомого языка. Крики вскоре смолкли, кто-то из защитников подошел к краю парапета и воззрился на Бентона с высоты в добрых двадцать футов. На человеке были кольчужная рубаха с кольчужным же стоячим воротом, кожаные штаны и тяжелые кожаные сапоги; их высокие, под колено, голенища едва не достигали подола кольчуги. Доспех был прорван в нескольких местах, куда пришлись удары вражеских мечей или топоров. На голове воина играл солнцем шлем, увенчанный плюмажем из белого конского волоса.

Подняв руку в ответ на жест Бентона, горожанин прокричал длинную фразу. Капитан не понял ни единого слова.

Но не потому он уставился во все глаза на парламентаря, потеряв дар речи от изумления. Незнакомец, чье лицо было покрыто потом и пылью, а меч обагрен кровью, говорил - и в этом никаких сомнений - женским голосом!

Стало быть, оборону города возглавляет женщина. Что ж, это немногим легче укладывается в голове, чем исчезновение форта Харкер и Эллсуорта.

Сержант Тиндалл что-то проворчал за спиной командира. Тот повернулся в седле.

- Вы поняли, что она сказала?

- Сэр... кэпн... это ж баба!

- Да, сержант, так и есть. Но вы не ответили: язык вам знаком? Может, родственник шайенскому или арапахо?

У капитана вертелась мысль, что он и сам знает ответ. Ни на один из языков равнинных индейцев это не похоже. Некоторые слова имеют отдаленное сходство с европейскими.

- Никак нет, сэр. И на говор сиу или пауни не смахивает. На юге доводилось мне общаться с окультуренными племенами, чероки, чокто и прочими, так у них тоже совсем другая речь.

- А мне показалось, это напоминает шошонский, - проговорил Бентон. - Это и не кроу. А на испанский не похоже?

- Разве что самую малость, сэр, - кивнул сержант Тиндалл. - Однако, нет, пожалуй. Да и не приходилось мне еще никогда встречать таких вот сеньорит.

Теперь уже Бентон различал под шлемом женственные черты. И было ощущение, что добрая половина защитников города тоже женщины.

- Амазонки. В Канзасе. А говорят небось по-гречески.

Допущение казалось абсурдным - но не более, чем все происходящее.

- лейтенант Гаррет!

Офицер подъехал и отдал честь.

- Вы же вроде греческий знаете?

- Классический, сэ. На котором Гомер писал. И то лишь чуть-чуть.

Бентон показал вверх.

- Скажите ей что-нибудь.

Гаррет, глядя на «амазонку», с запинками выговорил несколько слов. Женщина развела руками - дескать, не поняла, и снова прокричала непонятное.

- Капитан, я не... Знаете, это очень странно. Одновременно похоже на множество языков - и при том ничего не разобрать.

Бентон повторил свою попытку:

- Мы из форта Харкер, это штат Канзас, Соединенные Штаты Америки.

И без переводчика было ясно: людям на стенах эти названия совершенно незнакомы.

Снова заговорила женщина и показала жестами: хочет, чтобы пришельцы подождали. Затем скрылась с глаз. Через несколько минут раздался шум - за стеной двигали что-то тяжелое. Растворились массивные ворота, и появилась начальница - на коне, похожем на помесь араба с мустангом. За ней выехала небольшая группа защитников города: и мужчин, и женщин; остановились в пятнадцати футах от кавалеристов. Парламентер приблизилась вплотную и лишь тогда натянула повод.

- Стремля нет, - шепнул сержант Тиндалл. - Ни у кого.

Бентон, чье внимание было приковано к облику «амазонки», опустил взгляд и убедился: седло без стремян, зато с высокими луками, чтобы легче было удержаться на лошади в бою.

- Кэпн, вы уж поосторожнее, - тихо предостерег Тиндалл. - Женщины коварны.

Незнакомка, прижимая к груди руки, поклонилась сидя. Голосом, в котором чувствовалась властность, произнесла несколько слов и вытянула перед собой руки, причем не пустые.

- Хлеб и соль, - сказал удивленный Гаррет. - Капитан, это древний знак гостеприимства.

- Нам рады?

- Так точно, сэ, нас встречают как гостей. Вам надо взять того и другого понемногу - показать, что принимаете приглашение.

Бентон дал коню шенкеля и проехал чуть вперед, чтобы можно было без труда дотянуться до «амазонки». С такого расстояния угадывался возраст. Ей лет тридцать пять, почитай, что ровесница. Стараясь не делать резких движений, Бентон отщипнул и положил в рот жесткую корочку с ореховым ароматом - в жизни не едал похожего. Палец другой руки окунул в соль, ощутив под ней тепло женской

ладони, и слизнул.

Предводительница повернулась, чтобы отдать хлеб-соль торопливо подъехавшей женщине из свиты. Эта «амазонка» была постарше и покряжистее, доспех носил следы многолетней службы и заботливого ухода. Посмотрев, как она держится, и послушав, как отвечает на распоряжения начальницы, Бентон повернулся к сержанту Тиндаллу.

- Похоже, она тут главная из сержантов.

Тот промолчал: судя по его лицу, не знал, отвергнуть приглашение или порадоваться. Но было ясно, что капитана Бентона происходящее вполне устраивает, а значит, сержант пойдет за своим командиром, как бывало уже много раз.

Правительница города опять протянула к Бентону руку. Палец показал на его брюки, на китель, затем поднялся выше; голова женщины при этом оставалась почтительно склоненной.

- лейтенант, что это, по-вашему?

- Не могу знать, сэр.

«Амазонка» резким движением сняла шлем, открыв темные, довольно коротко стриженные волосы. Теперь еще проще было рассмотреть ее глаза, синие, как штормовое море. Нет, она определенно не индианка, но и не гречанка. Ткнув себя пальцем в грудь, женщина сказала:

- Одван Фрейя.

- Это имя? - предположил Гаррет.

- Возможно, имя и звание, - ответил Бентон. - Она, похоже, тут начальница. - Он отдал честь и представился: - Капитан Бентон, мэм.

Снова показывая на него, женщина повторила:

- Кипитин Бинтин-миим.

Сержант Тиндалл заперхал, сдерживая смех.

- Нет, просто... - Бентон помедлил и наставил палец на себя: - Капитан Бентон.

Она кивнула:

- Кип-тан Бин-тон. - Протянув руку к городу, женщина добавила: - Астера.

«Амазонка» снова повернулась и махнула в ту сторону, где все еще виднелся убегающий враг, и покачала головой. Прикрыла глаза ладонью, потом несколькими движениями показала, как оттуда кто-то подкрадывается, ребром кисти провела себе по горлу и снова указала на супостатов.

- Кэпн, она дает понять, что эти ребята могут ночью вернуться и тихо перерезать нам глотки, - сообразил Тиндалл. - Надо часовых побольше выставить.

Но женская рука уже указывала на ворота. Последовал жест, охватывающий всю

кавалерийскую роту, новый взмах в сторону ворот и энергичный кивок головы.

- Ачатес! - заявила женщина, снова указывая на кавалеристов, а затем на городскую стену и ее защитников.

- Друзья? - рискнул перевести лейтенант Гаррет. - Сэр, она нас приглашает.

Бентон призадумался. Он очень хорошо представлял себе, что может случиться с его подразделением на улицах чужого города. Это не равнина, где кавалерии раздолье. Горожане могут запросто задавить числом.

Но ведь позарез нужны стойла и фураж для лошадей, пища, вода и кров для людей. До заката осталось всего ничего, и конечно же, лучше ночевать, имея между собой и неприятелем крепостную стену.

«Амазонка» смотрела ему прямо в глаза, и не было в ее лице ничего, говорящего о враждебности либо коварстве. Она медленно вынула из ножен меч и рукояткой вперед подала Бентону.

Иначе как выражением мирных намерений истолковать это было нельзя. Капитан с одобрением отметил, что женщина, прежде чем расстаться с мечом, демонстративно стерла с него кровь. Она явно умела обращаться с оружием. Бентон кивнул ей, прикинул ширину крепостных ворот и повернулся к Гаррету.

- Лейтенант, роту - в колонну по четыре. Мы войдем в город.

- Есть, сэр, - отдал честь Гаррет, чем заинтересовал «амазонку», а затем галопом поскакал к роте.

Миг спустя звонкие трели горна отразились от стены, и строй живо превратился в походную колонну: четыре человека в ряду, первый взвод впереди, второй замыкает, между ними, как и прежде, фургоны.

Женщина, уже получив обратно свой меч и убрав его в ножны, наблюдала за построением кавалерии. На губах «амазонки» появилась улыбка, кулак снова и снова бил по раскрытой ладони.

- Экстос! - воскликнула она.

А на стене другие женщины и мужчины повторяли жест, и Бентон сообразил, что это аплодисменты. Столь откровенное восхищение строевой выучкой роты развеяло последние сомнения капитана.

Как только голова колонны поравнялась с Бентоном, он дал шенкеля коню, чтобы занять место впереди роты. Выполнив этот маневр, повернул голову и увидел «амазонку» - она догнала и у самых ворот пристроилась рядом. Стража салютовала оружием предводительнице и расступалась, пропуская кавалеристов. Дорога резко сворачивала вправо между высокими стенами и упиралась в следующие ворота, за которыми находился уже собственно город. Вдоль широкой улицы выстроились жители, многие в боевой экипировке, другие, слишком юные

или слишком старые, без оружия и доспехов. Многие били кулаком о ладонь.

Лейтенант Гаррет в крайнем изумлении вертел головой.

- Капитан, а ведь похоже, это очень старый город. Оружие, фортификация, дома, одежда... Все древнее!

Веселый гул толпы вдруг так вырос, что заставил Бентона оглянуться - это в город въехали знаменосцы. Жители возбужденно указывали на американский флаг.

- Узнали! Слава богу, они узнали флаг. - И Бентон прокричал несколько раз, обращаясь к горожанам: - Соединенные Штаты Америки!

Жители ответили недоуменными взглядами, после чего, тыча пальцами в сторону флага, загомонили: «Астери!». И указали на небо. Первым догадался лейтенант Гаррет.

- Астери. Астра. Звезды. И город называется Астера. Должно быть, звезды здесь в почете, вот и пришелся наш флаг по душе горожанам.

- У них на знамени тоже много звезд, - добавил сержант Тиндалл.

- Капитан, а еще начальнице чем-то понравились наши мундиры, - продолжал Гаррет. - Голубые брюки и синие кители.

- Цвета неба, - буркнул Бентон. Надежда в нем угасла так же быстро, как и зажглась. - Мы не в Канзасе. Это уж точно.

Но сержант Тиндалл покачал головой.

- Кэпн, я не понимаю, что происходит, и не знаю, кто эти люди, но земля та же, что и вокруг форта Харкер и Эллсуорта. Готов поклясться! Не могу только взять в толк, куда они подевались и откуда взялось все это.

Канзас - и не Канзас...

- Лейтенант Гаррет, сержант Тиндалл, мы постараемся выучить язык этих людей или обучить их нашему. А еще выясним, где оказались и как можно вернуться домой.

* * *

Роте отвели каменную казарму - в ней, как и в конюшне, царила чистота. Сержант Тиндалл все обошел в сопровождении крепко сбитой «амазонки» и остался доволен.

- Отличные квартиры, сэр. И о лошадях здесь умеют заботиться. Мне удалось втолковать Белисе, что нужно нашим коням, и она постарается все достать без

промедления.

- Белиса? - переспросил Бентон.

- Ну... - Тиндалл указал на спутницу. - Она... гм... свое дело знает, кэпн.

После того как Бентон объяснил одвану Фрейе, что хочет квартировать вместе с подчиненными, ему и лейтенанту Гаррету предложили отдельные комнаты при казарме, обставленные скромно и удобно. Прежде чем кавалеристы разместились на постой, горожане внесли в отведенные для них помещения большие котлы и разложили по блюдам горячий плов с сушеными фруктами. Никто из солдат не воротил нос от непривычной еды.

Фрейя пришла убедиться, что гости получили хороший уход. К капитану Бентону приблизился трубач.

- Сэр, прикажете «Вечернюю зорю» играть?

Бентон глянул на Фрейю и кивнул.

- Да. Пусть они послушают.

Трубач отдал честь, вышел строевым шагом из казармы и под любопытным взором одвана Фрейи поднес свой инструмент к губам. Когда полились длинные, неторопливые ноты сочиненной генералом Дэном Баттерфилдом мелодии, лицо градоправительницы озарилось изумлением и восторгом. Перед тем как уйти, она повернулась к Бентону, склонила голову и тихо выразила похвалу музыке:

- Экстос.

Наутро Бентон отправил отделение во главе с лейтенантом Гарретом на поле боя, чтобы собрать гильзы. До сих пор он не заметил у горожан ничего похожего на огнестрельное оружие, они смотрели на кавалерийские карабины с благоговением, к которому примешивались боязнь и подозрительность. У роты могут выйти патроны, и если пули из свинца отлить нетрудно, то как быть с медными гильзами?

Но не успели гости управиться с завтраком, как пришла одван Фрейя в сопровождении женщины, которую он уже мысленно прозвал сержантом Белисой, и двух мужчин. Хозяйка города жестами дала понять, что Бентон должен пойти за ней. Прихватив лейтенанта Гаррета и сержанта Тиндалла, он последовал за астерийцами. Далеко шагать не пришлось; вскоре они очутились в просторном помещении с окнами на площадь, весьма похожую на плац-парад. Там застыла на посту шеренга стражников, лицом не к кавалеристам, а к собравшимся у казармы горожанам - они готовы были сдержать толпу.

Фрейя указала на двоих:

- Десир Агани, десир Костони.

Десир - это, несомненно, титул или звание; оба представленных походили на военных, с чином явно пониже, чем одван.

Агани и Белиса развернули на столе в центре зала длинный пергамент, прижали по краям кубиками из полированного камня и выжидающе посмотрели на Бентона.

- Лейтенант Гаррет, что скажете?

Гаррет взгляделся в свиток.

- Капитан, это карта.

- Отлично. Карта чего?

Суховатый тон командира заставил лейтенанта чуть покраснеть. Гаррет всмотрелся в изящный рисунок.

- Вот этот значок, по которому они постукивают, должно быть, город. Да, сходится: рядом и река, и холмы.

Сержант Тиндалл, заглядывавший ему через плечо, кивнул:

- Верно, лейтенант.

Ободренный похвалой Гаррет заговорил увереннее:

- А значит, вот здесь... Сэр, это похоже на очень старые карты, мне случалось видеть такие. В них не соблюдается постоянный масштаб. Окрестности города явно показаны крупнее. Вот река, к востоку, должно быть, Миссури, а эта - Миссисипи. Именно так они и текут, ошибки быть не может.

Бентон провел по карте рукой:

- Значит, вне города и его владений масштаб уменьшен, чтобы на карту поместилось больше территории. А вот смотрите: еще один город, на Миссури, и вокруг него тоже местность показана подробно. Похоже, это такая манера картирования: близ городов увеличивается масштаб, чтобы показать побольше деталей, а незаселенные земли изображаются менее тщательно.

- Так точно, сэр. - Гаррет указал на нижнюю часть карты. - Где-то в этих краях должен быть Новый Орлеан. И действительно, какой-то город здесь отмечен. Но восток пустоват, большинства городов нет, а политические границы никакого сходства с нашими не имеют.

- Я тоже не заметил совпадений, - согласился Бентон, ведя взглядом по карте на запад. - А вот побережье. Калифорния. Вы посмотрите на эти города: такое впечатление, будто континент осваивался с запада и поселенцы продвигались на восток.

Гаррет провел пальцем по кромке материка на север и вдруг замер.

- Сэр! Вот здесь должна быть наша новая территория, Аляска, но вы посмотрите! Суша продолжается на запад. У них тут широкий перешеек, вплоть до другого материка. Это уже Азия, капитан.

- Сухопутный мост? Такой большой?

Лейтенант был бледен, у него участилось дыхание.

- Сэр, вы правы! Это в самом деле сухопутный мост. На здешней карте Америка соединена с Азией широким перешейком.

- Быть того не может, - буркнул Бентон, недоумевая, почему так разволновался лейтенант.

- В целом ведь карта верна, сэр, насколько мы можем судить. Кроме перешейка.

- Вот именно: кроме перешейка.

- Сэр, да вы взгляните на этих людей! Они же не индейцы. Похожи на европейцев, ну, может быть, с долей азиатской крови. А в нашей истории не было пути из Азии и Европы в Северную или Южную Америку, поэтому все волны переселений начинались в Азии и заканчивались в Европе. Здесь же совсем не трудно перемещаться на восток из Азии, хоть пешком, хоть верхом... именно это и случилось. Нам тут все незнакомо. Руины, язык, оружие и доспехи, город...

В Бентоне всколыхнулись жуткие подозрения.

- Лейтенант, вы хотите сказать...

- Это не наша земля, капитан. - Гаррет был полон решимости продолжать. - Мы не только форт Харкер потеряли - мы утратили свой мир. Пока длился наш поход, история изменилась. Здесь никогда не было Соединенных Штатов Америки. Наверное, и Англии не было, и Франции. Северная Америка не существовала отдельно от всего мира. Сначала колонизировали ее западное побережье, возможно, за тысячи лет до нашего Колумба.

- О боже всемогущий! - пробормотал Бентон.

Очень не хотелось верить страшным предположениям лейтенанта, но как быть, если пропали и Эллсуорт, и форт, зато на пустом месте возникли неведомые древние развалины и этот город, принадлежавший истории, о которой Бентон и его подчиненные ничего не слышали? И Фрейя никакого отношения к их Северной Америке не имеет - мыслимо ли, чтобы женщина в Канзасе носила доспехи, командовала войском и размахивала в бою мечом на манер Жанны д'Арк?

Но как могла в этом чужом мире очутиться рота кавалерии США? Не пришлось напрягать память, чтобы мысленно вернуться в тот миг, когда сместилась земля под ногами, а все прочее как будто осталось неизменным.

- Гроза и молнии... Мне тогда показалось на секунду, что мир рвется в клочья. Возможно, и не показалось. Лейтенант, допустим, вы правы, но тогда что случилось с индейцами?

- Вероятно, то же, что в нашей истории случилось с первыми народами Англии и других стран. Либо стерты нашествиями иноземцев, либо ассимилированы, а немногие уцелевшие упрямы вытеснены на бросовые земли.

Все это казалось Бентону невероятным. Но вокруг него - город. И эти люди. Он

ведь не какой-нибудь невежда: уж хоть что-нибудь знал бы о таком месте, если бы оно существовало на планете. И даже если допустить, что место существовало, а он о том не ведал, чем объяснить такое сходство с его страной и как могла целая воинская часть перенестись сюда в мгновение ока?

Да, версия лейтенанта Гаррета казалась невероятной, но она все объясняла. Принять любую другую версию - значит, отвергнуть таких свидетелей, как собственные органы чувств.

Следившая за разговором офицеров Фрейя вдруг указала на карту, а затем на Бентона. Понятно: хочет узнать, откуда он.

Вроде бы и простой вопрос, но капитан, глядя на карту, понял, что любой ответ создаст проблемы. Ведь если лейтенант Гаррет прав, кавалерийская рота в строгом смысле слова появилась из небытия - ее просто нет в этом мире.

Но где-то поблизости раньше был форт Харкер. Поэтому Бентон ткнул пальцем в нарисованный город - ответ не лучше и не хуже любого другого.

Фрейя терпеливо покачала головой и показала на себя, затем снова на город, затем на Бентона, Гаррета и Тиндалла, после чего, вопросительно глядя на них, поводила ладонью над картой.

Бентон снова постучал по значку города, и при этом он неотрывно смотрел на женщину.

Фрейя насупилась, но в следующий миг как будто поняла и скороговоркой обратилась к другим астерийцам. Мужчины, Агани и Костони, также частили в ответ, их лица светились энтузиазмом.

Фрейя указала на себя, на город и выжидающе взглянула на Бентона. Капитан ткнул пальцем в грудь, затем в карту, все в том же месте, и подкрепил свой ответ энергичными кивками. С лучезарной улыбкой Фрейя обнажила меч, подняла над головой и воскликнула так громко, что по залу разнеслось эхо. Ее клич повторили другие астерийцы, и тотчас же он был подхвачен снаружи, повторяясь снова и снова, перемежаемый радостным гулом толпы. Белиса повернулась к сержанту Тиндаллу, обняла его и поцеловала, совершенно опешившего, в губы. Мужчины заулыбались, загомонили и накинулись на лейтенанта Гаррета, и тот едва устоял под шквалом объятий, похлопываний и рукопожатий. Фрейя с сияющими глазами подступила к Бентону, протянула руку и крепко, до боли, сжала ему предплечье в товарищеском приветствии.

- Ачатес! Кронун т'ачатес!

- Кэпн? - обратился к начальнику сержант Тиндалл. - Что вы им сейчас сказали?

- Сам не вполне понимаю, сержант.

- Ну, неважно... Главное, что им это очень понравилось.

* * *

Прошло несколько дней. За это время лейтенант Гаррет подучился астерийскому языку, а горожане - английскому, и вопросы больше не оставались безответными.

- Сэр, нас приглашают на собрание, чтобы провозгласить наш союз с городом-государством Астера.

Удивленно глядя на Гаррета, капитан переспросил:

- Союз? Вы успели им что-то пообещать?

- Никак нет, это сделали вы, сэр. Насколько я понял, нас сочли таким бродячим племенем, воинами, изгнанными с нашей земли - о причинах изгнания они из деликатности не спрашивают. Помните, одван Фрейя пыталась выяснить, откуда мы родом, а вы упорно показывали на карте этот город? Вот они и пришли к выводу, что мы намерены здесь поселиться, поступить к ним на службу.

Теперь стало ясно, почему астерийцы обрадовались. Быстро сообразили, что такого явления, как пришедшая кавалерийская рота, этот мир еще не знал, и решили извлечь из него выгоду. Бентон глянул за окно, на плац.

- Не скажу, лейтенант, что я именно этого добивался. Однако чем плох такой вариант?

Гаррет, хоть и с невеселым видом, кивнул.

- Похоже, сэр, другого варианта у нас попросту нет.

- Вот именно. Здесь мы имеем кров, стол и надежные стены. Жители города - приятные люди, и наша помощь для них не лишняя. - Тяжело вздохнув, капитан добавил: - Проклятье!.. Хотелось бы проехать на восток, сколько можно. Убедиться, что форта Райли, форта Ливенуорт, Сент-Луиса, Чикаго, Питтсбурга и Вашингтона нет на своих местах и никогда не было. Но ведь я уже знаю ответ. Мы на той самой земле, где должен быть Эллсуорт. Приметы местности те же. Но тут нет ни Эллсуорта, ни форта Харкер. Вместо них тысячелетние каменоломни и соляные копи.

На этот раз лейтенант покачал головой, его глаза были полны тревоги.

- Капитан, я разузнал об этих местах все, что можно, и по-прежнему не вижу никаких совпадений с нашей историей.

- Вот и я их не вижу.

- На континенте за века возникло немало городов-государств, рождались и разваливались целые империи. Последняя такая империя имела столицу в том месте, где следовало бы находиться Сан-Франциско, и занимала обширную

территорию, в северном направлении достигая Орегона, в южном - захватывая часть Мексики, а в восточном - упираясь в Миссисипи. И хотя по границам этой империи высились сторожевые башни, за последний век она постепенно разрушилась, оставив среди руин враждующие друг с другом города-государства.

- Мне очень немногое удалось выяснить насчет Европы, а про Африку тут, можно сказать, и слыхом не слыхивали.

- Так точно, сэр. О других частях света тоже знают очень мало. Готов держать пари, что на восточном побережье есть поселения европейцев, но здешний люд слабо осведомлен о происходящем за Аппалачами. - Гаррет осмотрелся, словно желал оценить город. - Капитан, их техника на тысячу лет отстала от нашей. Ни пороха, ни паровой тяги, ни печатных прессов. Хотя не похоже, что жители глупее нас. Нашему языку они учатся быстрее, чем мы - местному. Видимо, их культура по какой-то причине стартовала позже.

- Или не так быстро развивалась. - Капитану вспомнилось, что стремена пришли в Римскую империю вместе с восточными варварами-завоевателями. И сколько других новшеств не поспособствовали здешнему техническому прогрессу оттого лишь, что переселения народов заканчивались в Европе? - А может, причины эти сработали сообща. Как бы то ни было, я не вижу пути домой.

- Согласен, сэр. - Щурясь, Гаррет оглядывал город. - Мы уже дома, хотя это не то же самое.

- Капралу Фуллеру понравились здешние кузницы.

- Вы насчет боеприпасов, капитан?

- Оказывается, рядовой Меррик мальчишкой работал на пороховой мельнице. Он помнит, в каких долях надо смешивать вещества. Выгребных ям тут хватает, так что селитру мы добудем, а древесный уголь получить еще проще. Надо объяснить горожанам, что нужна сера: глядишь, кто-нибудь поможет и с этим. Наш шорник уже учит астерийцев делать стремена. Порох и стремена городу в диковинку - вот и постараемся извлечь из этого выгоду.

К таким словам командира Гаррет, похоже, не был готов.

- Сэр, вы считаете, что мы здесь надолго? - озабоченно спросил он.

- Должность у меня такая, лейтенант: требует думать о подобных вещах, - вздохнул Бентон. - Вы ведь и сами уже, должно быть, пришли к выводу, что мы задержимся. Слава богу, женатых у нас немного. Но я еще не нашел способ объяснить роте, почему так затянулись наши маневры.

- Сэр, а может, намекнуть, что это долгий поход, как у Одиссея и его людей? Будут самые удивительные приключения, но в конце концов мы вернемся домой.

- Может, и намекнем.

* * *

Переговоры шли трудно - сказывались и языковой барьер, и настойчивость астерийцев в ведении честного, в их понимании, торга. Пока Гаррет и Костони в многословном диалоге выясняли, чего хотят стороны друг от друга, Бентон ловил на себе пристальные взгляды одвана Фрейи, а себя - на том, что неосознанно поглядывает на нее.

Но вот она произнесла несколько фраз, потом снова заговорил Костони. Гаррет отвечал то одной, то другому, наконец с озабоченным видом обратился к Бентону.

- Сэр, я понял: они настаивают, что одван Фрейя предметом торга являться не может.

- Что? Как это понимать?

- Сэр, в старину договоры часто скреплялись браками и... гм... другими мероприятиями.

Должно быть, на лице Бентона отразились его чувства: астерийцы перестали следить за ним столь напряженно.

- Скажите ей... Отставить, я сам отвечу. Одван Фрейя, прошу извинить меня за нескромное любопытство, которое, по-видимому, является причиной этого недоразумения. Мне бы и в голову никогда не пришло считать вас... предметом торга. Вы лидер народа и свободная женщина, и я не могу относиться к вам как товару - это было бы попросту оскорбительно. В моей стране не далее как пять лет назад закончилась ужасная война, погибли многие тысячи, но было установлено законом, что человек не может принадлежать другому человеку, не может быть куплен или продан, не может рассматриваться как имущество. И я клянусь, что блюду этот принцип в своей профессиональной деятельности и сам в него свято верю.

Он не знал, многое ли из этого поймут одван Фрейя и другие астерийцы, но они, похоже, уловили суть. Фрейя кивнула ему и даже отдала честь, как в армии США (по крайней мере, похоже). Бентон ответил тем же. В обоих случаях это не было знаком подчинения, а лишь данью уважения равному.

* * *

В холодную пору года войны здесь не велись, поэтому рота устроилась

пережить зиму в непривычном, если не сказать неслыханном, уюте. И хотя солдаты по-прежнему не понимали, что с ними произошло, они были рады пожить в относительной роскоши, купаясь в радушии жителей, близком к благоговению. Бентон продолжал усиленно учить астерийский, отмечая, что Гаррет был прав: горожанам куда легче дается освоение английского. Капитан напряженно думал не только о возвращении домой, но и о безопасности города. Поэтому, когда мало-мальски научился изъясняться на местном наречии, он обратился к Фрейе.

- Я хочу спросить про армию, что штурмовала Астеру, про викосийцев. - Викоса находилась примерно там же, где Канзас-Сити в мире Бентона. - Вам известно, почему они напали на нас без предупреждения?

- Викосийцы - плохие люди, - ответила Фрейя.

- Но почему они решили, что мы враги? Почему пошли в атаку?

На этот раз, прежде чем ответить, Фрейя задумалась.

- Вы слезли с коней. Пеший строй, длинная, тонкая линия. Вас мало. Они подумали, что можно легко смять. А тут ба-амм! Ба-амм! Дым и огонь, как у демонов.

Ну конечно! Английский пехотный квадрат, к примеру, мог противостоять натиску конницы, но для этого вооруженные пиками или копьями воины должны были стоять тесно, плечом к плечу. Викосийцам две неплотные шеренги спешенных кавалеристов, конечно, показались легкой добычей.

Чем больше Бентон узнавал об Астере, тем больше утверждался во мнении: какая бы таинственная сила ни занесла его сюда, он попал к людям, которые, безусловно, заслуживали спасения. Своим расцветом Астера была обязана последним годам империи, когда на этих равнинах царил мир. На запад и восток от города уходили торговые пути; основные северные и южные тракты, лежавшие на территории Викосы, также были открыты. В окрестностях города было полно пахотных земель и пастбищ. Но когда рухнула империя, на спад пошла и торговля, а вне стен обедневшей Астеры стало небезопасно. И тем не менее она оставалась бастионом культуры, порядка и благополучия, одним из очень немногих во владениях хаоса.

Викосийцы, тоже желавшие своему городу добра, выбрали другой способ спасения - они принялись грабить соседние земли. Это помогло, но ненадолго. Ближние поселения вскоре оказались обчищены до нитки, и приходилось забираться все дальше и дальше.

* * *

- Кэпн? Сэр? - неуклюже обратился сержант Тиндалл через несколько дней после вступления роты в город. - Тут без вас не решить. Рядовой Мерфи спрашивает, будут ли у нас церковные богослужения.

Бентон уже слышал, что этот вопрос беспокоит роту, особенно солдат ирландского происхождения.

- Сержант, а вам удалось найти здесь католических священников?

- Никак нет, сэр. Но что сказать Мерфи и другим?

- Дайте мне сначала переговорить с одваном.

Он не удивился, услышав от Фрейи, что католической церкви не существует в этом мире или по крайней мере в этих краях. Но астерийцы ничего не имели против чужой веры, лишь бы не было человеческих жертвоприношений. Бентон сообщил подчиненным, что они могут совершать все обряды по своему усмотрению.

Но потом возникла проблема посерьезнее. Когда в комнату к Бентону вошел Тиндалл, его сопровождал рядовой Бэннок, а на заднем плане маячила астерийский «сержант» Белиса. Бэннок, обеспокоенно взглянув на Тиндалла, отдал честь.

- Капитан, прошу разрешения жениться.

- Сержант, что случилось? - обратился к Тиндаллу командир.

- Сэр, тут стараниями Бэннока одна девушка оказалась в интересном положении. Белиса говорит, что семья девушки не против, лишь бы Бэннок выполнил свой долг.

Астерийка с суровым видом кивнула.

- Пусть будет связан с ней и только с ней. Пусть женится. Или заплатит цену ребенка.

- Что значит «цена ребенка»?

- Достаточная, чтобы можно было вырастить.

Все имущество рядового Бэннока состояло из его мундира, да и тот считался собственностью правительства Соединенных Штатов. Бентон недобро взглянул на солдата.

- Значит, жениться захотелось? А ты понимаешь, что это будет самый настоящий законный брак? И ты не сможешь просто взять и уехать отсюда?

- Так точно, сэр.

- И догадываешься, что я с тобой сделаю, если посмеешь плохо обращаться с этой женщиной или каким другим поступком вызовешь недовольство горожан, тем самым причинив ущерб своей роте или репутации кавалерии Соединенных Штатов?

- Так точно, сэ. Не причину ущерба, сэ. Я буду хорошо обращаться с ней.
- Жениться разрешаю.

* * *

Кавалерийская рота безвылазно сидела в городе. Набирала силу зима, выли северные ветры, под крепостной стеной намело высоченные сугробы. Чтобы враг не воспользовался ими как штурмовыми насыпями, приходилось отправлять на расчистку отряды жителей.

Изучение языка Бентону давалось неплохо, с каждым днем все проще было изъясняться на диковинной смеси английского и астерийского. У одвана обнаружился талант улаживать конфликты между кавалеристами и горожанами, и Бентон только диву давался, до чего же хорошо у Фрейи это получается. Лейтенант Гаррет, когда не помогал командиру в надзоре за ротой, а роте - в попытках перейти на самообеспечение, отправлялся в городскую библиотеку и увлеченно разбирался с документами, в том числе и написанными на мало знакомых астерийцам языках.

К сожалению, чем больше узнавали Беннет и Гаррет, тем очевиднее становилось, что всех здешних проблем кавалерийская рота не решит даже чудом. Астерийцам с помощью дипломатии удавалось ссорить потенциальных врагов друг с другом, тем самым избавляя свой город от многих бед. Но никакие византийские интриги не спасут, если за тобой не стоит серьезная сила - это со всей наглядностью показало нашествие викосийцев. По-прежнему Астере угрожала опасность, город был отрезан и от торговых путей, и от своих же собственных сельскохозяйственных угодий; собранный крестьянами урожай, все поголовье скота достались неприятелю. Построить пороховую мельницу и найти источник серы быстро не получится, а до тех пор придется беречь каждый патрон. Была идея организовать производство огнестрельного оружия для астерийцев, но город не располагал металлами и инструментами даже для кустарного изготовления малой партии в течение зимы.

В погожий день - по прикидкам Бентона, январский - снова на пороге командирской комнаты появился Тиндалл, и снова он был смущен.

- Кэпн, прошу извинить, но тут возникло затруднение. Что поделатъ, больно уж много отличий от нашего привычного житья. То одно непохоже, то другое - подчас не сразу и разберешь, хорошо это или плохо, или разом и плохо, и хорошо.

- Полагаю, сержант, вы правы, - хмуро кивнул Бентон.

- Кэпн, однажды старый индеец мне сказал: когда великий дух дарит тебе коня, не спеши менять его на собаку. Я это вот к чему: если что-то выбивается из привычного хода вещей, может, оно и к лучшему?

- Сержант, это как-то связано с Белисой?

Тиндалл залился краской.

- Так точно, сэр.

- Хотите поближе с нею познакомиться? Но вас что-то смущает?

- Кэпн, я вроде и так уже близко с ней знаком. Достаточно близко, чтобы не совершить чего неподобающего. Нет, сэр. - Сержант позволил недовольству проявиться в его голосе. - Кэпн, зима ведь кончится, снова можно будет воевать. Если астерийская армия отправится на дело, с ней пойдет и Белиса. Она ясно дала понять, что не останется. Поначалу я так рассуждал: ладно, Тиндалл, ты побудешь рядом и спасешь даму, если в том нужда возникнет. Но потом посмотрел, как она упражняется: боевое фехтование и все такое - и знаете, это еще вопрос, кто кого спасет. И я, сэр, теперь не знаю даже, что и думать. В фехтовании она знает толк и в настоящей рубке побывала. Кэпн, она и как сержант хороша, и как женщина великолепна. Но ведь настоящая женщина не такой должна быть, как вы считаете?

Странно, что подобные вопросы не встают перед нами куда чаще, подумалось Бентону.

- Сержант, я уже успел хорошенько поразмыслить над этим. И нашел, как мне кажется, ответ. Вам же Белиса нравится такой, какая она есть. Будь она женщиной иного сорта, разве не относились бы вы к ней совсем по-другому?

Тиндалл почесал в затылке.

- Не знаю, что и сказать, кэпн. Наверное, это была бы уже не Белиса. Она не в христианской вере воспитана, но в том я не вижу беды. Господь поймет и не осудит. А на добрую христианку Белиса похожа куда больше, чем многие исправные прихожане из моих знакомых. Надеюсь, сэр, вы понимаете меня.

- Понимаю, сержант, - кивнул Бентон, - и советую принять Белису такой, какая она есть. К знакомству с подобными людьми нас никто не готовил, но ведь она, как вы сами заметили, великолепная женщина. Может, и не такая уж это плохая мысль - изменить свое отношение к жизни.

Тиндалл ухмыльнулся.

- Верно, сэр. Благодарю вас, кэпн. Она ведь и правда чудо. Хоть и не единственная женщина в городе. Вот, скажем, одван Фрейя - по-своему отменный офицер. О черт, я хотел сказать...

- Сержант, я вас понял.

Когда Тиндалл ушел, капитан сел и задумался, дивясь своей реакции на слова

сержанта о Фрейе. Действительно, она настоящая леди, и чем больше ее узнаешь, тем больше уважаешь. Но тот прозрачный намек, что взамен за помощь, за участие кавалеристов в обороне города Бентон потребует от нее услуг особого рода, не давал ему покоя. Наверняка и Фрейя не забыла свои слова. Он, будучи офицером и джентльменом, не может допустить, чтобы одван сомневалась в чистоте его намерений.

* * *

Через несколько дней Фрейя пригласила его для разговора. Было не слишком холодно, так что она повела капитана к крепостной стене, на укромный участок вала - там можно было побеседовать, не опасаясь чужих ушей.

Фрейя, опираясь на стену, смотрела на восток. На ней было не воинское облачение, а наряд для повседневных дел: белая рубаша с шитым узором (кони, как будто даже далекая родня тем, что изображены на руинах к югу от города), темные штаны, тоже с узорами, только разноцветными, длинная юбка с глубокими вырезами спереди и сзади, не мешающая при верховой езде, а поверх всего кафтан с высоким воротом, с полами до колен, опять же с шитьем: фигуры воинов и боевые сцены вперемешку с разнообразными символами и эмблемами. Бентон счел этот наряд весьма приятным для глаза.

- Надо поговорить о войне, - сказала Фрейя. - Викосийцы намерены снова напасть на Астеру, как только уйдут последние морозы. Считают, что мы так рано их не ждем.

- Это вам разведчики сообщили?

- Да. Разведчики. Шпионы. Мне оба слова кажутся правильными. Говорят, войско теперь намного больше - десять десиров.

- Десир? Я думал, это воинский чин.

- Десир - это еще и тот, кто командует десиром. - Фрейя показала растопыренные пальцы, потом убрала все кроме двух.

- Двенадцать?

- Десир - это двенадцать раз по двенадцать.

Бентон быстро произвел арифметические действия.

- Сто сорок четыре. И в десять раз... Получается тысячи полторы.

Если против такого войска выставить кавалерийскую роту, шансы у нее будут зыбкими. Но ведь у Астеры есть и своя армия.

- Сколько у вас бойцов? - спросил он.

- Способных защищать стены? Примерно восемь десиров. Тех же, кто годен для битвы в открытом поле, около шести десиров.

Тут Бентон решил задать давно беспокоивший его вопрос:

- Что же произошло? В вашем городе детей и стариков гораздо больше, чем мужчин и женщин, способных нести воинскую службу, и для нас нашлись свободная казарма и конюшня.

Фрейя помрачнела и тяжело вздохнула, уперевшись на минуту лбом в холодный камень парапета, а потом подняла голову.

- Последний одван собрал самое большое войско, какое только могла дать Астера, и выступил, чтобы сразиться с викосийцами. Он не знал, что Викоса заключила временный союз с Теласой, чьи земли лежат южнее, вплоть до большого залива. Как только наше войско потеснило викосийцев, теласийцы ударили с тыла. - Она печально покачала головой. - Кому-то удалось удержать строй, пробиться и уйти под покровом темноты - если бы не спасительница ночь, все мы остались бы там, как многие наши товарищи. Теперь понимаете, почему мы так рады союзу с вами?

Беннету подумалось, что эта битва, пожалуй, не уступает самым известным сражениям янки с мятежниками-южанами.

- Союз выгоден и нам. Сколько у вас конницы?

- Половина десира. Все храбрецы, но с вами им, конечно, не сравниться, даже если бы у вас не было карабинов.

Капитан мысленно согласился с градоправительницей. Но меньше сотни кавалеристов армии США, считая с офицерами, против тысячи пятисот вражеских воинов...

- Мы можем драться и в конном, и в пешем строю, на стенах или снаружи, смотря что лучше.

- Не следует строить планы, пока мы не узнаем о противнике побольше. - Фрейя говорила решительным тоном, но вид у нее при этом был несчастный. Она повернулась лицом к Бентону. - Кое в чем я обманула вас. Вернее, я не говорила неправды, просто не сказала всю правду.

Глядя на Фрейю, капитан нахмурился, дивясь тому, как сильно его удивило услышанное.

- Не должно быть полуправды между нами, если мы хотим сражаться как одно целое, - продолжала Фрейя. - И сейчас, под этим небом, я даю полный ответ на давний вопрос. Вы спрашивали, почему викосийцы напали на ваш отряд без предупреждения, не попытавшись узнать, кто вы. Это случилось из-за меня.

Уж чего-чего, а подобного признания Бентон никак не ожидал.

- Это вы посоветовали викосийцам напасть на нас? И они послушались?

- Нет-нет! Все не так. От меня они бы не приняли никаких советов. Просто мы сверху заметили ваше появление. Но издали не смогли разобраться, кто вы и какова ваша цель. Терять нам было нечего, и я велела всем, кто на стенах, радостно кричать и показывать на вас, как будто к осажденным пришли на выручку свои.

Бентон от такой откровенности едва не утратил дар речи.

- Вы одурачили викосийцев, притворившись, что рады нам, своим спасителям?

- Мы и были вам рады, - с еле заметной улыбкой ответила Фрейя, - и вы действительно стали спасителями. Просто тогда мы не знали об этом. - Улыбка сделалась озорной, но тут же на смену веселью пришло сожаление. - Надо было раньше признаться. Но я боялась вас разгневать, ведь Астера так нуждается в вашей коннице.

Следовало бы рассердиться - ведь она спровоцировала викосийцев на атаку против роты, - но Бентон лишь рассмеялся.

- Тактика, достойная самого У.С.Гранта. Сержант Тиндалл был прав. Когда мы с вами впервые встретились, он посоветовал остерегаться вашего коварства. - Сказав это, капитан спохватился: что он наделал!

Но Фрейя, похоже, нисколько не обиделась. Она снова улыбнулась.

- Поблагодарите от меня сержанта за столь высокую похвалу.

Похвала? И в чем же ее усмотрела одван? Пожалуй, мужчина, одолевший противника с помощью военной хитрости или тактического приема, был бы рад столь лестному отзыву о своих командирских способностях. Но может ли женщина в такой ситуации испытывать схожие чувства?

- Счастлив буду известить его о вашей признательности.

- Кто такой У.С.Грант. Ваш вождь?

- Да. Это генерал, военачальник, а недавно мы его избрали президентом. То есть жители моей страны решили, что он будет нами управлять.

- А-а, одван, как и я.

- Как и вы? - Бентон снова не удержался от пристального взгляда на Фрейю. - Я думал, вы что-то вроде принцессы.

Изучение здешней истории и языка, а также служебные заботы не оставили ему времени на знакомство с принципами управления городом. Просто это казалось ненужным, ведь он имел дело напрямую с одваном Фрейей.

- Принцессой? - переспросила она.

- Да. Я о наследственной передаче власти. Ваша семья правит сейчас, потому что правила всегда?

С лица Фрейи сошла улыбка.

- Вам не верится, что этот пост я заслужила сама? Что меня избрали как лучшую?

Он почувствовал прилив горячей крови к лицу. Ведь именно такими были его мысли - угадав их, Фрейя лишней раз продемонстрировала свой недюжинный ум, свой талант лидера.

- Прошу простить меня, одван. Я сказал, не подумав.

Похоже, принять извинение от капитана ей было непросто.

- Наш народ разделен на группы, в зависимости от того, где они проживают, какую выполняют работу. Группа выбирает предводителя, совет предводителей решает, кому быть одваном.

Оказывается, здесь своего рода демократия, а вовсе не монархия, как полагал Бентон.

- Еще раз прошу меня извинить.

Фрейя посмотрела ему прямо в глаза.

- А почему вы решили, что это не так? Я же заметила, с каким удивлением ваши люди смотрели на здешних женщин. Не хотела показаться излишне любопытной, но раз уж пошел такой разговор, прошу ответить.

- Потому что у нас женщины не воюют наравне с мужчинами и не занимают высоких должностей.

Ее взгляд стал жестким.

- Если только они не принцессы?

- Да.

- Похоже, вы пришли из очень отсталой страны...

С великим трудом Бентон удержался от гневной отповеди. «Отсталая страна? Тогда почему у нас карабины и револьверы, а у вас луки и стрелы? Но ведь она говорит не об оружии, не о технике. Она говорит... о культуре».

Когда Бентону было двенадцать, его мать предложила несколько поправок к городским законам. Она была умна и начитана, и ее мысли восхищали юного Улисса. Однако поправки были отвергнуты даже без обсуждения, зато власть предрержащие не поскупились на насмешки: мол, не женское это дело. Больше мать никогда не пыталась заниматься законотворчеством, но не могла скрыть досаду, когда при ней обсуждались политические вопросы. Зачастую Бентон недоумевал, почему дураки и невежды мужского пола имеют право голосовать на городских выборах, а его умница-мама - нет.

Теперь ему по-другому виделся американский Запад, и он думал о тамошних женщинах, избравших себе - кто по необходимости, а кто и по желанию -

профессии, которые в культуре американского Востока считались неженскими. Культура эта еще не до конца подчинила себе территорию между рекой Миссури и хребтом Сьерра-Невада. Только сейчас Бентон понял, что произошло: женщины его страны были заточены кто в корсет, кто в четыре кухонные стены, и страна, допустив эту несправедливость, сама себя лишила чего-то очень важного, очень ценного. На ум пришли слова, сказанные им сержанту Тиндаллу: «Может, и не такая уж это плохая мысль - изменить свое отношение к жизни».

- Тут вы правы, одван. И еще как правы.

Услышав такой ответ, Фрейя вроде бы смягчилась.

- Вижу, на самом деле у вас не столь уж низкое мнение о женщинах. Это хорошо, а то я было подумала, что вы похожи на викосийцев.

- Этот народ отличается от вашего? - спросил Бентон.

Фрейя указала на запад.

- Мы потомки тех, кто когда-то пришел из Паленказы. Это там, где начинаются воды величайшего из океанов.

- Западное побережье, - кивнул капитан.

- Да. И мы, и народы, что живут к югу и западу, и даже некоторые из поселившихся на севере, все вышли из Паленказы, а там мужчины и женщины трудятся наравне. Такой уклад завещан нам предками, и он угоден Свету. Викосийцы же - выходцы из Бареоса, из северных холодных краев. Они, да и народы гор к северу и востоку от них, живут вовсе не так, как мы.

«Волны переселений», - вспомнились Беннету рассуждения лейтенанта Гаррета.

- У них нет воинов-женщин?

- Конечно же, есть! Да разве способен устоять город, если половина его жителей не возьмется за оружие? Но у викосийцев женщины несут только гарнизонную службу. Набеги - это для мужчин, и женщина не может возглавить войско.

Беннету стало не по себе при мысли, что еще совсем недавно он бы не увидел в подобном укладе ничего предосудительного. Как же сильно изменилось его мировоззрение за месяцы, проведенные в Астере.

Фрейя опустила голову.

- Прощаете ли вы меня за обман?

- Да, одван Фрейя. Вы даже не догадываетесь, как я вас уважаю, и ваш полководческий талант достоин восхищения. Но вы, конечно же, правы: впредь не следует устраивать друг другу такие сюрпризы, как эта ваша военная хитрость.

Хозяйка Астеры улыбнулась, и Бентон сообразил: ей было небезразлично, как он воспримет признание. С другой стороны, разве не зависят от этого и благополучие ее города, и ее личная безопасность?

* * *

Через полтора месяца с востока прискакал гонец с вестью, которая потребовала срочного заседания военного совета. Кроме Фрейи и Бентона в нем участвовали лейтенант Гаррет, десеры Агани и Костони, сержанты Тиндалл и Белиса.

Десир Агани доложил о случившемся:

- Они уже выступили, не дождавшись, когда соберется все войско. Уверены, что мы не подозреваем об опасности и можно застичь нас врасплох. Их не больше шести десиров. Для нас это прекрасная возможность разгромить викосийцев встречным ударом.

Фрейя провела ладонями по расстеленной перед ней карте, похлопала по участку, находящемуся, по прикидкам Бентона, милях в двадцати пяти к северо-востоку от Астеры - в Канзасе на этом месте стоял город Салина.

- Это можно сделать вот здесь, у перекрестка. - Она нахмурилась. - Но что-то меня тревожит.

Бентон взглянул на лейтенанта Гаррета, а тот указал на карту:

- Сэр, кажется, это и правда великолепная возможность.

Сержант Тиндалл кашлянул, и капитан перевел взгляд на него.

- А вы, сержант, что думаете?

Тиндалл всматривался в карту, щурясь и кривя рот.

- Капитан, однажды старый индеец мне сказал: увидишь волка, задай себе вопрос, где бродит его стая.

Лейтенант Гаррет недоуменно сдвинул брови, а Фрейя с любопытством посмотрела на сержанта.

- Почему вы решили, что это ловушка?

- Мэм, я не генерал, но я думаю про этих парней и понимаю, что их слишком мало. Конечно, побольше, чем нас, но не имей мы карабинов, отсиделись бы под защитой стен. Вот я и думаю: что если это приманка? Индейцы часто так делают: пошлют несколько воинов, мы увяжемся в погоню, и вдруг - раз! - кругом уже тьма краснокожих.

Белиса кивнула:

- Так было в прошлый раз с теласийцами.

- Теласийцы в эту пору года не пойдут на север. - Десир Агани указал на карту. - Если не рисковать, победы не будет. Нынче у нас отменные шансы.

- Ты прав, - согласилась Фрейя, - они даже слишком отменные. Неужели

викосийцы настолько глупы? Они ведь знают, что наша конница вооружена карабинами.

- По словам гонца, викосийцы считают это военной хитростью: шум страшен, но в остальном оружие большой опасности не представляет.

- Они убедятся, что это не так, - с ухмылкой пообещал Тиндалл.

- Рядовые бойцы, может, и верят в безобидность наших винтовок, но командирам известна правда, - возразил Бентон. - Ведь убитые не вернулись домой.

- Они похоронены на поле боя, - кивнула Фрейя. - Итак, викосийцы убеждены, что мы все еще слабы и у нас отчаянное положение. А стало быть, мы клюнем на приманку - просто не можем упустить великолепный шанс. Я бы предпочла за приманку не хвататься, а сразу добраться до «крючка», застичь викосийцев врасплох.

Бентон всматривался в изображенную на карте местность.

- Думаете, по их расчетам наш удар придется именно сюда?

- Или поближе к Астере. Но уж точно не дальше, ведь мы не рискуем так оторваться от города, оставив его почти без защиты.

- Перекресток я вижу, а что это за город? Вот здесь, к северо-востоку от перекрестка?

- Нет города, только развалины, - покачал головой Костони. - Уже давным-давно там никто не живет. А вот здесь, неподалеку от руин, в имперские времена был город, но он появился слишком поздно и оказался слишком мал, чтобы устоять против разрухи. Прошло лишь несколько десятилетий, и люди его покинули.

Бентон кивал, стараясь не допустить, чтобы его старые географические и демографические познания наложились на представления об этом мире.

- Равнины не очень хороши для тайного передвижения войск, но если идти по руслу, скрытность обеспечивается за счет низины и прибрежной растительности. - Он провел пальцем вдоль реки. - Сержант, это Спринг-Крик?

- Так точно, сэр.

- Значит, у нас есть отличный способ незаметно подобраться к «крючку», о котором вы, одван Фрейя, говорите. Вот здесь и пойдет второй отряд неприятеля, почти параллельно южной дороге, откуда мы его не заметим.

Астерийцы проследили за движением его пальца, кивая.

- На дороге шесть десиров, - проговорил Костони. - Значит, крючок - это еще не меньше четырех. Что-то сомневаюсь я в донесениях нашей разведки. Если викосийцы собрали хотя бы самую малую подмогу в таких городах, как Лаканан, - постучал он примерно по тому месту, где в США расположен Сент-Луис, - и Мидаса, - последовал тычок в середину промежутка между Омахой и Сиу-Сити, - то крючок

мог бы запросто состоять из шести десиров. Либо на юге есть еще один «крючок». - Костони указал на другую реку, протекающую южнее. - У вас она как называется?

- Драй-Крик, - ответил Тиндалл. - Кэпн, если идти вдоль Драй-Крика вот тут, где он сворачивает на запад, путь приведет к этому же перекрестку, только с севера.

- Канны? - вслух подумал лейтенант Гаррет. - С помощью такого маневра Ганнибал в Каннах обманул римлян - они атаковали в лоб и получили охват с обоих флангов.

- В этом случае никому из нас не удастся уйти, - прошептала Фрейя, глядя на карту с сосредоточенностью увидевшего добычу кугуара. - Но зря они считают наше положение таким уж отчаянным. Мы можем обратить против Викосы ее же собственный замысел, и тогда она получит такой удар, что несколько лет будет вынуждена защищаться от своих прежних жертв.

Она водила рукой по карте, отмечая возможные передвижения войск. Остальные следили и слушали: Бентон - с растущим одобрением, Гаррет - с явным удивлением и вниманием, оба десира - кивая, а Тиндалл - с медленно отпадающей челюстью.

Когда кавалеристы покинули зал, Тиндалл в растерянности покачал головой.

- Кэпн, что вы об этом думаете?

- Думаю, это смелый план, и есть серьезные шансы на успех, - улыбнулся Бентон. - Однажды я сравнил одвана Фрейю с нашим Улиссом Симпсоном Грантом. Даже сам не понял тогда, насколько был прав.

- С генералом Грантом? Сэр, если дельце выгорит, можно будет считать ее Грантом, Шерманом и Шериданом в одном лице.

* * *

Астерийцы умели очень неплохо угадывать погоду - как и любой народ, чья жизнь зависит от земледелия, скотоводства и торговли. Когда предсказатели объявили о приближении тепла, Фрейя приказала войску быть готовым к выступлению в любой день. Капитан Бентон вывел свою роту в поле и в виду города устроил учения, чтобы разогнать накопившуюся за зиму лень.

Во все стороны отправились на разведку конные патрули. Тем самым был ослаблен гарнизон, но это давало выигрыш во времени в случае подхода вражеских сил с неучтенного направления.

Когда с дороги пришла весть о появлении викосийцев, причем, как и ожидалось, в количестве шести десиров, астерийцы и кавалеристы вышли из города.

Оглянувшись на стену, Бентон увидел много молодых женщин, они махали его роте, и солдаты махали в ответ.

- Будто в старые времена, - проговорил сержант Тиндалл. - Помните, как мы выступали в шестьдесят первом?

- Помню, сержант. Мы уходили, чтобы подавить мятеж и вернуться со славой. Во всяком случае, такими напутствиями нас провожали.

- Но не всегда мы получаем то, чего ждем.

Тиндалл оглянулся на колонну астерийской пехоты, сопровождаемую малым отрядом конных горожан. У этих седоков теперь были стремяна, в остальном же экипировка не отличалась от викосийской. Бентону было смешно и в то же время чуточку грустно смотреть, как тщательно астерийцы копируют кавалерийскую сбрую - вплоть до тиснения «U. S.» на коже.

- Вы как, в порядке? - спросил капитан у Тиндалла, зная, что в составе городской конницы едет Белиса.

- Да вроде, кэпн. Но когда мы с Белисой прощались, она наказала вернуться домой с привязанной к седлу головой врага. Как по-вашему, она это всерьез?

Прежде Бентон не замечал за астерийцами первобытной кровожадности.

- Похоже на традиционное напутствие идущему в бой. Скорее всего, это отголосок далекого прошлого, и его не следует понимать буквально.

Сержант кивнул, но его лоб оставался нахмурен.

- Сэр, наверное, вы правы. По крайней мере, я на это надеюсь. Белиса мне нравится, но есть черта, через которую мне не переступить.

Разведывательные патрули подтвердили догадки командиров. И к северу, и к югу обнаружилась неприятельская конница, которую нельзя было увидеть с дороги. По самой же дороге наступала викосийская пехота. Ее передовой дозор заметил пешую колонну астерийцев и повернул, спеша с донесением к начальству.

Бентон вел свою кавалерию с максимальной осторожностью, используя любые укрытия. Надо было продвинуться как можно дальше к югу, чтобы выйти во фланг викосийской коннице - той, что намеревалась с фланга же ударить по астерийской пехоте. На севере, гораздо дальше от дороги, одван Фрейя во главе пехотинцев и малого отряда конницы огибала еще одно войско противника.

У викосийцев оказалось не менее шестисот конных бойцов, тогда как общее число американских кавалеристов и астерийских всадников не дотягивало и до полутора сотен. Стоило ли удивляться тому, что враг надвигается так самоуверенно и неосторожно? Очевидно, он вполне полагался на свою уловку и количественный перевес.

Последний переход к месту битвы совершался в предрассветной мгле. По сухой

и бурой после зимы траве прерий молча продвигалась кавалерийская колонна. Обоз пришлось оставить в городе, для столь недолгого похода он не требовался, да и неприятель мог легко обнаружить фургоны. Взошло солнце, а капитан Бентон все вел и вел свою роту по неизвестным тропам, по руслам ручьев к югу от Драй-Крика.

- Лейтенант Гаррет?

- Слушаю, сэр.

- Сейчас мы ведем коней в поводу, чтобы сберечь их силы. В училище вам объясняли, по какой еще причине кавалерист может продвигаться пешком, а не верхом?

- Никак нет, сэр.

Бентон указал вперед.

- Всадник выше, чем идущие по земле человек и конь. Пеший заметит всадника раньше, чем всадник пешего.

Когда добрались до цели, Бентон остановил колонну, достал бинокль, отдал повод коноводу и взошел по северному склону мелкой балки. Стараясь не высовываться, тщательно осмотрелся. Чуть всхолмленные травяные просторы --и никаких признаков врага. Не видать даже подходящих по дороге основных викосийских сил и уж тем более отряда Фрейи дальше к северу.

- Лейтенант Гаррет, по оврагу вернитесь немного на запад, проверьте, не появился ли в том направлении противник. Сержант Тиндалл, берите ваших разведчиков - и на север, посмотрите, что там.

Бентон опустил бинокль, досадуя, что нет связи с другими астерийскими отрядами - но с этим ничего нельзя было поделать. Здесь умели быстро передавать простые сигналы на большие расстояния с помощью зеркал - для того и служили обнаруженные кавалеристами сторожевые башни империи, прежде чем превратились в руины. Но сейчас воспользоваться зеркалами астерийцы не могли, иначе бы выдали свой замысел находящемуся на одной линии с ними противнику.

Солнце между тем поднималось все выше, и вот уже его прямые лучи падают в балку, не по сезону разогревая воздух. Вечный канзасский ветер здесь дул не в полную силу, поэтому сидящие солдаты даже упарились. А поскольку ветераны - народ практичный, большинство из них не упустило случая вздремнуть.

Возвратился лейтенант Гаррет, пригибаясь, чтобы не попасть на глаза викосийцам, и опустил на колени возле Бентона.

- Капитан, астерийцы наступают согласно плану. И они, и викосийцы уже увидели друг друга и начали перестроение в боевые порядки по обе стороны дороги.

Через несколько минут из травы вынырнули и скользнули в овраг три разведчика

из роты Бентона.

- Сэр, так и есть, они на Драй-Крике, - доложил капрал Штейн. - Только конница, пехоты мы не обнаружили. Примерно три роты.

- Их разведка есть на этой стороне?

- Никак нет, сэр. Ни души. И все эти олухи смотрят на север, на дорогу. Можно подкрасться и взять парочку, остальные и ухом не поведут.

- Покажите, где они.

Бентон осмотрел местность в бинокль и заметил среди деревьев на берегу реки несколько ярких пятен - неосторожные викосийцы надели высокие шлемы с плюмажами.

- Между нами есть какие-нибудь препятствия для лошадей?

Капрал Штейн указал на восток:

- Вон там, капитан, колония луговых собачек. Больше ничего.

- Хорошая работа, капрал. Лейтенант Гаррет, стройте роту.

Вести тщательную разведку, подкрадываться к противнику и громить его, не давая опомниться, - всему этому они научились у равнинных индейцев.

Стараясь не шуметь, рота построилась в одну шеренгу фронтом к врагу, каждый кавалерист держал коня за повод и был готов взлететь в седло, интервал между ним и конем другого бойца составлял приблизительно ярд.

- Передать по цепи, - велел Бентон сержанту. - Сначала - револьверы. Огонь открывать перед соприкосновением с противником. Саблю в дело не пускать, пока есть пули в барабане.

Тиндалл выполнил распоряжение и с ухмылкой вернулся к Бентону.

- Кэпн, а все-таки хорошо, что вы раздобыли для роты новые «смит-вессоны».

И правда, это увеличивало шансы на победу. В этом году армия закупила револьверы «смит-вессон» калибра 0,44 - шесть пуль штуковина выпускала со скоростью, на какую только способен палец стрелка. Старый кольт модели 1860 года стрелял куда реже, больше времени уходило и на перезарядку барабана.

Теперь оставалось только ждать. По-прежнему Бентон поглядывал на север, но думал не столько о викосийцах, сколько об астерийском отряде под началом Фрейи.

- Капитан, с ними все будет хорошо, - оторвал его от раздумий шепот сержанта Тиндалла. - Белиса сказала, что одван умелый боец.

- Спасибо, - пробормотал капитан, смущенный тем, что Тиндалл угадал его чувства.

Через минуту над прерией поплыли трели рожков.

- Кэпн, это наши, - подтвердил Тиндалл. - То есть астерийцы. Пехоте у дороги

приказано наступать.

Значит, началась ложная атака.

- Передать по цепи: жди команду «Садись», - приказал Бентон.

Тиндалл надолго прижал к губам флягу, потом сплюнул вбок.

- Кэпн, ложное отступление - дело непростое. Думаете, у Агани и Костони получится?

- У них под началом самые лучшие и самые худшие воины Астеры. Лучшие встанут заслоном в тылу, чтобы слабаки не вздумали удрать по-настоящему. По крайней мере, так задумано.

Снова запели астерийские рожки. Тиндалл чутко вслушивался.

- Кэпн, это уже приказ атаковать.

- Рота, садись!

По всей линии кавалеристы усаживались верхом, одной рукой держа повод, а другой доставая из кобуры револьвер и взводя курок.

- Поднять знамена!

И вот сдернуты защитные холсты, флаги Соединенных Штатов Америки и 5-го кавалерийского полка заполоскались на ветру.

Звуки рожков к этому времени слились в лихорадочную невнятицу. Десеры Агани и Костони управляли отрядом на дороге, мало того что небольшим, но и намеренно ослабленным - он наполовину состоял из старых, юных и неопытных, годившихся, по словам Фрейи, только для обороны стен. Скоро эти бойцы не выдержат викосийского натиска и побегут, и противника, никаких сомнений, насторожит столь легкий успех его удара. Бентон поднял руку.

- Рота, шагом марш!

Он дал отмашку, и кавалеристы все как один двинулись вперед шагом, цепь коней и всадников появилась из оврага и направилась ко все еще невидимому викосийскому отряду. Стараясь держать строй как можно ровнее, рота наступала.

Самое трудное для любой кавалерии - это сближение с противником на дистанцию, позволяющую атаковать. Ринешься слишком рано - выдохнутся кони. Опоздаешь - и они не успеют разогнаться.

С дороги уже доносились не только пение рожков, но и лязг оружия, а у реки викосийцы, по-прежнему невидимые с тракта, но все уже верхом, чутко ловили звуки боя.

Триста ярдов рота продвинулась ровным шагом, почти бесшумно - лишь поскрипывала сбруя да шелестела раздвигаемая копытами сухая трава. Впереди в двухстах ярдах топтались викосийцы, им явно не терпелось помочь своим на дороге, но они ждали сигнала.

- Трубач! - позвал Бентон. - «Рысью марш»!

Над прерией разнесся голос горна, и кавалеристы пришпорили лошадей, заставив их перейти на рысь.

Вражеские конники уже оглядывались - сквозь их собственный гомон, сквозь шум близкого боя донеслось пение чужой трубы. Бентон видел раскрытые в изумлении рты, слышал предостерегающие возгласы.

Сто пятьдесят ярдов.

- Трубач, «Галопом марш»!

Горн на этот раз пропел громче и настойчивее, наездники склонились над холками лошадей, те прибавили скорости, но все же роте пока удавалось сохранять ровный строй. Бентон крепче сжал револьверную рукоять. По лицу хлестал ветер.

Викосийцы спешно разворачивали коней, сталкивались друг с другом - отряд готовился к отражению внезапной угрозы.

Осталось ярдов пятьдесят.

- Трубач, «В атаку марш-марш»! - прокричал Бентон, заглушая грохот копыт сотни скачущих самым быстрым аллюром коней.

Горн пел снова и снова, его трели разлетались над полем боя. и вдруг кавалеристы взревели, всю шпоря лошадей, неистово заплескались полотно за спинами знаменосцев, и рота обрушилась на противника со всей быстротой и мощностью, на какую способна атакующая конница.

На мушку Бентону попался викосиец, который что-то кричал своим. Начальник? Капитан выстрелил с расстояния в несколько футов, по всей линии загремели револьверы солдат. И без того напуганные враги дрогнули и во всю прыть помчались к дороге, никто уже не помышлял о сопротивлении. Кавалеристы гнали их к северу, словно гурт скота, стрельба и вопли добавляли паники. Многие седоки были сброшены обезумевшими конями, других валили пули сорок четвертого калибра, с легкостью пробивая доспехи.

Бентон уже видел дорогу, перегородившие ее на западе астерийцы сдерживали напор викосийской пехоты. Но и этот отряд противника, услышав стрельбу, утратил воинственный пыл, и кое-кто даже подался назад. Вышибив из седла еще одного врага выстрелом в упор, Бентон послал две пули навстречу викосийцу с пикой. Следующая пуля досталась спешенному бойцу, который вертелся, размахивая топором.

Дорога была уже совсем близко; спасаясь от кавалеристов, викосийская конница неслась на свою пехоту. Астерийские рожки запели по-другому: оборона сменилась медленным, но уверенным наступлением. Растянулись, разредились астерийские

шеренги, чтобы охватить с обоих флангов неприятельскую пехоту.

С севера прибыл новый отряд викосийских всадников, они неслись во весь опор, но встречная атака кавалерии с юга заставила их резко осадить лошадей. И снова револьверные выстрелы заглушили лязг мечей о щиты и доспехи. Невдалеке, к северу от дороги, в тылу противника появился малый отряд союзной конницы и перегородил путь к отступлению; легко было опознать своих по синему флагу со звездами. Потом там же, на севере, показалась шеренга пеших астерийцев, она быстро наступала, сомкнув щиты, прижимая северный «крючок» к дороге, где бегущие остатки южного «крючка» уже топтали в панике собственную пехоту.

По приказу Бентона рота развернулась, гоня перед собой викосийцев прямо на пешую толпу. Конница противника - бывший северный «крючок» - почти не понесла урона, так как ей удалось оторваться от астерийских ратников, но теперь она оказалась перемешана со своей пехотой, и на нее нажимали со всех сторон. Снова кавалерийская рота выполнила разворот, а тем временем астерийские пехотинцы с Агани и Костони во главе усилили натиск и ускорили охват, флангом соединившись на севере, в тылу противника, с другим отрядом. Астерийская конница атаковала скопление всадников и отбросила их в кольцо окружения, не позволив спастись бегством.

Но в этом кольце оставалась последняя брешь; туда-то, на юго-восток, и устремилась викосийская пехота, выровняв ряды и прикрывшись сомкнутыми щитами.

Бентон осадил коня, повернулся в седле и крикнул трем ближайшим десяткам кавалеристов:

- Карабины к бою!

Всадники остановились, вынули из чехлов карабины и взяли на прицел приближающихся викосийцев. Стрельба с коня славится неточностью, но враг надвигался стеной - и захочешь, не промахнешься.

- Пли!

Неровный залп - и несколько викосийцев в переднем ряду опрокинуты навзничь. Остальные дрогнули, остановились.

Сержант Тиндалл подвел вторую группу кавалеристов, остановил ее всего в двенадцати футах и дал сокрушительный залп.

Ряды смешались и рассыпались, пехотинцы кинулись назад и развалили строй своих товарищей, пытавшихся пробиться из окружения следом за ними.

Южный фланг отряда Агани и Костони соединился с южным крылом астерийской пехоты, подошедшей с севера. Мышеловка захлопнулась.

Викосийцы бросались в разные стороны и всякий раз убеждались, что из кольца

им не вырваться. Армия превратилась в обезумевшую от страха ораву, а мстительные астерийцы наступали, крепкая стена сомкнутых щитов, разящее оружие все уплотняли толпу врагов, не позволяя ей оказывать мало-мальски действенное сопротивление.

- Трубить сбор, - скомандовал Бентон и натянул повод, давая отдых выбившемуся из сил коню.

Кавалерия осталась не у дел, заканчивать битву предстояло пехоте. Остатки викосийской конницы попали в ловушку, что-либо предпринять им не давала кипящая пешая масса, вдобавок ошалевшие от страха лошади не слушались седоков.

Капитан опустил взгляд на саблю в своей руке. Уже и не вспомнить, когда он убрал в кобуру разряженный револьвер и обнажил клинок, но на нем осталась кровавая полоска - кому-то из викосийцев не повезло.

Подъехал лейтенант Гаррет - бледный, но с горящими боевым азартом глазами.

- Сэр, двое наповал, шестеро ранены. И четыре лошади убиты.

- Благодарю, лейтенант. - Стараясь подавить дрожь в руках, Бентон тщательно вытер саблю и вернул в ножны. - Кто погиб?

- Рядовой Мерфи и рядовой Фрост, сэр.

- О черт... Сержант Тиндалл, займитесь ранеными и доложите, кто в каком состоянии. Сообщите астерийским лекарям, что нам нужна помощь.

Сержант отдал честь и отъехал самым быстрым аллюром, на какой был способен его запаленный конь.

Лейтенант Гаррет глядел в сторону дороги: там астерийская пехота перемалывала беспомощные останки грозной викосийской армии.

- Капитан, это и правда очень похоже на Канны.

- Да, лейтенант. Поздравляю с боевым крещением. Вы себя показали весьма неплохо. - Бентон тяжело вздохнул, бросил взгляд в сторону битвы и шенкелями заставил коня тронуться с места. - У викосийцев теперь ни единого шанса, но они все же пытаются давать отпор. Это уже резня, и астерийцы больше не нуждаются в нашей помощи. Давайте взглянем на павших товарищей.

Возле убитых был выставлен пост. Сержант О'Хара с каменным от горя лицом отдал честь подъехавшему командиру.

- Капитан, разрешите доложить: погибли рядовой Мерфи и рядовой Фрост.

- Я уже знаю. - Бентон спешил и опустил колени возле мертвых на колени.

Солдат уложили как подобает, закрыли им глаза.

- Хорошие были люди.

- Так точно, сэр. Разрешите спросить: как мы их похороним?

- А как хоронят солдат, капрал? Это печальный долг, но выполнять его нам приходилось и раньше. Почему вы спрашиваете?

- Капитан, дело в том, что... - О'Хара повел вокруг рукой. - Я нигде тут не видел церквей. И ни одного священника. Какие же это похороны, если... если тут нет Господа, если Он не может принять усопших?

Бентон встал, протянул руку, сжал плечо О'Хары.

- Капрал, разве вас не учили, что Господь вездесущ?

- Так точно, сэр, учили.

- Значит, Он тут, капрал. У наших товарищей будут достойные похороны, с настоящей службой, со всеми почестями. И Господь примет их души в Свое Царствие, потому что Он всегда с нами.

На скорбном лице капрала мелькнула улыбка облегчения.

- Конечно, сэр. Правильно я сделал, что спросил у вас. А где мы их похороним, в городе? Местные не будут против крестов на кладбище?

- Нет, капрал, не будут.

Видя, что капитан хочет снова сесть на коня, лейтенант Гаррет подошел поддержать стремя.

- Капитан, - тихо спросил он, - а вы сами верите в то, что сказали капралу?

Бентон наклонился и посмотрел молодому офицеру в глаза.

- Лейтенант, за войну пятый кавалерийский побывал во многих переделках. Одна из них - битва при Уилдернисе. Мне многое довелось увидеть, но это был сущий ад. Выжить в нем мог только тот, рядом с кем был Господь. Как видите, я жив. И если Бог был со мною там, то нет причин сомневаться, что Он присутствует и здесь.

- Но что если Он там и остался, сэр? Что если оба мира существуют одновременно?

- Как генерал Грант умел командовать не только дивизией, так и Господу нашему под силу опекать не один-единственный мир. Лейтенант, помогите О'Харе сделать все необходимое для погребения рядового Мерфи и рядового Фроста в Астере.

Усталый Бентон направился к дороге. Побоище закончилось, астерийцы держали под охраной две сотни врагов, которые предпочли плен смерти. По прикидкам капитана, погибли тысячи полторы викосийцев.

Он увидел подъезжающую Фрейю. Она была мрачна, длинный порез на щеке сочился кровью; у Бентона даже пресеклось дыхание. На одване были те же доспехи, что и в день ее первой встречи с капитаном, к залатанным пробоинам в кольчуге добавились новые.

«Благодарение небесам, что она жива, - подумал Бентон. - Ай да женщина! Такое сражение сумела подготовить и выиграть! Нет, пусть будет только «ай да

женщина!». Остальные слова просто излишни».

Фрейя остановила рядом с ним коня и вскинула руку в астерийском салюте.

- О мой друг и союзник, спасибо вам! Без кавалерии не было бы этой победы. Заслышав гром вашего оружия, стоявшая против нас конница обратилась в бегство. Я благодарю Свет за то, что вы живы, за то, что возвращаетесь с головой врага.

Фрейя сдерживала голос: ее, похоже, переполняли чувства. Что причиной тому, не угасший еще боевой пыл? Бентон отвел взгляд - и куда еще было смотреть, как не на выживших чужаков? Викосийцы, в свою очередь, глядели на него - с ужасом и отчаянием.

- Что их ждет?

- Они сложили оружие, - пожала плечами Фрейя, - а могли бы полечь на месте. Значит, теперь они принадлежат нам. В Астере и окрестностях для них хватит дел.

Не сразу Бентон сообразил, что она имеет в виду.

- Это что же, они теперь рабы?

- Будут трудиться, пока живы, - кивнула правительница города. - Эти люди - наша собственность. А что не так, мой друг?

Прежде чем ответить, Бентон глубоко вздохнул. Неужели, подумалось капитану, многообещающий союз с Астерой развалится в миг его величайшего успеха? Неужели пришел конец и дружбе с Фрейей?

- Помните, я говорил о войне, что несколько лет назад бушевала на моей родине? Только в одной битве погибли шесть тысяч солдат и десятки тысяч были ранены. Мы сражались, чтобы спасти от распада наш Союз, но была и другая причина - позорное пятно рабства. Его необходимо было стереть с нации. Наш одван, мудрый человек по имени Линкольн, сказал: «Я не хотел бы быть рабом и не хотел бы быть рабовладельцем». Одван Фрейя, моя рота не пойдет в бой, чтобы добыть невольников. Мы не предадим своих товарищей, павших на той войне, как не предадим и свои убеждения. Рабство - это зло. Его не должно быть.

Фрейя пристально смотрела на капитана, слушала не перебивая, а когда он закончил, долго молчала. Наконец спросила:

- Вы были на той войне?

- Да, одван Фрейя, был. Как и сержант Тиндалл, и многие из моих солдат.

- Хорошо, что и в тот раз вы остались живы.

Фрейя повернула коня и подъехала к сбитым в толпу пленникам. Поднялась на непривычных стремянах и обратилась к викосийцам, при этом использовала лишь те слова, что были понятны Бентону.

- Выберите двенадцать человек, они вернутся в Викосу и передадут, что ваши

жизни можно выкупить. Цена - все астерийцы, которых вы держите в плену. А еще кони, коровы, овцы, зерно, золото и другие металлы. Викоса должна возвратить награбленное у нас и добавить сверху, если хочет получить вас живыми и здоровыми.

Не обращая внимания на удивленные взоры соотечественников, она вернулась к Бентону.

- Викоса заплатит, ей же нужно защититься от волков, когда они придут выть под стенами. И мой народ не возразит против очевидной выгоды. Так правильно? - спросила она. - Одобрил бы ваш одван Линкольн?

- Да, это справедливо. Спасибо, одван Фрейя.

- Спасибо и вам за честные слова. Мне хочется побольше узнать об одване Линкольне. Однажды я сказала, что ваша культура кое в чем отстала, но, похоже, нам есть чему поучиться у вас, как и вам у нас.

* * *

Оказалось, что в набеге викосийцев участвовал один десир лакананской конницы, но он целиком погиб, и некому было вернуться к своим с печальной вестью. Фрейя отправила в Лаканан гонца, предлагая заключить союз, который ранее город высокомерно отверг бы. Громкая победа Астеры, несомненно, многих заставит задуматься.

Через неделю после триумфального возвращения астерийцев в родные стены был замечен продвигающийся на север отряд теласийцев числом семь десиров. Но они повернули, как только узнали о разгроме викосийцев.

Один кавалерист получил столь серьезную рану, что Бентон опасался, как бы не пришлось отнять руку, но над ней хорошенько потрудились астерийские лекари и обещали солдату полное выздоровление. Рядовых Мерфи и Фроста похоронили со всеми воинскими почестями; впервые в этом мире трогательные ноты «Вечерней зори» прозвучали по столь скорбному поводу.

Началось строительство пороховой мельницы, хотя найти надежный источник серы пока не удалось. Еще три кавалериста женились на местных девушках. Благодарный городской совет поставил роту на довольствие, и теперь Бентон был спокоен, зная, что его люди снова будут регулярно получать жалованье, причем рядовому причитается не меньше двадцати долларов в местном эквиваленте.

* * *

В седьмой вечер после возвращения Бентон прогуливался вдоль городской стены и поглядывал на запад, туда, где горели бы огни форта Харкер и Эллсуорта, если бы, конечно, это был его Канзас и его родной мир.

- Вас что-то тревожит, - тихо сказала спутница.

- Фрейя, есть место, куда бы мне следовало вернуться и привести роту. Но это невыполнимая задача.

- Невыполнимая задача? Для вас? Разве такое возможно?

Бентон ответил с невеселой улыбкой:

- Наверное, я неплохой офицер, но далеко не самый лучший. Никто не спутает меня с Шериданом или Шерманом.

- Это тоже ваши одваны?

- Нет, всего лишь военные вожди.

Не дождавшись продолжения от Бентона, Фрейя сказала:

- Мне кажется, вы лучше, чем думаете о себе. Ваши люди вроде не ропщут.

- Да, многие даже довольны. Они верят, что однажды мы вернемся домой, а до тех пор будем нести службу, от какой не откажется ни один кавалерист. У большинства на родине не осталось жен или верных подруг, - объяснял капитан. - Но некоторые тоскуют, и горько сознавать, что мои солдаты больше никогда не увидят родных и близких.

Тщательно подбирая слова, Фрейя спросила:

- А у вас, капитан Бентон, осталась там женщина?

Он заговорил не сразу. Сначала хотел ответить на этот вопрос, как всегда, односложным «нет», но передумал.

- Моя жена умерла несколько лет назад, во время войны с Югом. Тяжело об этом вспоминать. Когда я уходил на фронт, она так за меня боялась... Потом заболела и умерла - я вернулся, а ее уже нет. Всякий раз, когда я о ней думаю, так хочется верить, что в свои последние часы она не знала о приближении смерти. Иначе ей было бы гораздо тяжелее. Все корила бы себя, что я вернусь, а она не будет встречать... - Бентон не мог вспомнить, кому и когда в последний раз говорил об этом.

Выслушав его, Фрейя торжественно произнесла:

- Да облегчит Свет бремя вашей печали, да воссияют звезды в память о тех, кого вы потеряли.

Фраза походила на ритуальную, но была сказана с искренним чувством.

- Благодарю вас, одван Фрейя. А что вы расскажете о себе?

Она грустно вздохнула.

- У меня был мужчина, но он погиб в бою. Давно, половину моей жизни тому назад. В памяти моей он остался молодым. Сейчас я принадлежу только этому городу, исполняю свой долг, и в жизни моей, пожалуй, уже нет места ни для кого и ни для чего. Вы понимаете меня?

- Да, понимаю. И сочувствую вашей утрате. Спасибо, что в вашей жизни нашлось место для нашей дружбы.

Было легко, но и странно говорить такие слова женщине, столь близкой ему по духу и знающей, чего стоит власть. Кто впрягся в этот воз, должен забыть о своих личных желаниях и нуждах.

Сейчас этих двоих разделяла только до сих пор скрываемая Бентоном правда.

- Фрейя, я должен сказать вам, откуда мы пришли на самом деле.

Она покачала головой:

- Что бы ни привело вас сюда, мне не нужно знать об этом.

- А я считаю, что нужно.

И он поведал о своем мире, описал ту грозу, упомянул и о замеченных позднее переменах, и о версии лейтенанта Гаррета.

- Теперь мы совершенно не представляем себе, как вернуться домой. А если все же найдем способ, то обязательно им воспользуемся. Свой долг я выполню до конца.

Фрейя, к его удивлению, не выразила никакого скепсиса. Она даже понимающе кивнула.

- Молнии, говорите? В былые времена они назывались огненными письменами, так Свет начертывает свою волю на небосводе, и нечасто удается нам прочесть его послания. Молнии унесли вас из вашего мира, но ради чего - это может так и остаться загадкой. - Она вздохнула. - Кавалерия дважды спасла Астеру и на годы обеспечила нам спокойную жизнь. Значит, вы уже сделали немало. Возможно, при вашем содействии мы объединим силы с другими городами и подарим этой земле мир, какого не бывало со времен империи. Я понимаю, что такое долг командира. Если Астера способна помочь вашему отряду с возвращением на родину, мы поможем. Но Свет никогда не пишет свое послание дважды.

- Мы говорим практически об одном и том же, - заключил Бентон и перевел взгляд с утопающей в сумерках прерии на лицо Фрейи.

Она улыбнулась и ласково дотронулась ладонью до его лица.

- Какова бы ни была воля небес, Астера - ваш дом, и так будет всегда.

Послесловие

Хотя историческую память о «Расправе над Бентоном» затмили такие события, как «Резня Феттермана» в 1866-м и «Последний бой Кастера» при Литтл-Бигхорне в 1876-м, она какое-то время будоражила общественный интерес, да и по сей день остается интригующей загадкой.

Четвертого октября 1870 года рота 5-го кавалерийского полка под началом капитана Улисса Бентона покинула форт Харкер. Ей предстояли вполне рутинные учебные маневры к юго-западу от места постоянной дислокации. Б назначенный срок рота не вернулась, и ни одна попытка найти капитана Бентона и его подчиненных не увенчалась успехом. Жившие поблизости индейцы утверждали, что ничего не знают об их судьбе. Официальное расследование сделало единственный приемлемый вывод: целая рота была истреблена, а трупы и снаряжение надежно спрятаны. С тех пор не обнаружено ни единого следа пропавших кавалеристов.

Перевел с английского Геннадий КОРЧАГИН

© John G. Henry. Swords and Saddles. 2010. Печатается с разрешения автора.
Повесть впервые опубликована в журнале «Analog» в 2010 году.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

ПОПАДАТЬ - ТАК ВМЕСТЕ!

Считать, что «попаданческие» истории - характерный (и частенько унылый) атрибут фантастики наших дней, не совсем правильно. Строго говоря, вообще все персонажи НФ, не по своей воле угодившие на другую планету, в иные реальность или время, являются «попаданцами». Но нас интересуют не отдельные личности, а группа людей, оказавшаяся в иной истории.

Одну из самых знаменитых историй о путешественниках поневоле создал еще Жюль Верн в 1877 году, выпустив роман «Гектор Сервадак». Французский фантаст описал очередную космическую катастрофу, когда случайная комета хоть и не разнесла вдребезги Землю, но все же слегка царапнула по ее поверхности, унеся с

собой в космическое пространство часть средиземноморского побережья, а заодно капитана штаба французских войск Гектора Сервадака, его денщика и русскую шхуну «Добрыня». Позже выяснилось, что комета прихватила и британский порт Гибралтар вместе с его гарнизоном. Невольным обитателям кометы пришлось не только обустроить жизнь на новом месте, но и вступить в конфликт с англичанами.

Впрочем, Жюль Верн не стал слишком уж мучить своих героев: когда комета вновь сблизилась с Землей, персонажи соорудили из парусов воздушный шар и благополучно вернулись на родную планету.

Французский фантаст в этом романе опробовал сразу два сценария развития действий с условным названием «пропавший отряд». Вариант №1: в другом мире или ином времени оказывается сплоченная, организованная группа, спаянная общей дисциплиной либо едиными интересами (в данном случае - экипаж «Добрыни» и английский контингент на Гибралтаре). Вариант №2: в другую реальность перебрасывают целый кусок земной территории, мини-социум со сложившимися традициями. Это пространство для воображения и творческих экспериментов, возможность показать, как меняется общество под влиянием совершенно чуждых внешних обстоятельств, как деградируют и распадаются привычные общественные связи, а на смену им приходит нечто абсолютно новое.

* * *

В длинном списке произведений о «коллективных попаданцах» наименее любопытны и наиболее привычны сюжеты о «случайно заблудившихся». Начало им положил еще Г.Уэллс в романе «Люди как боги»: группа людей была переброшена в результате ошибки в научном эксперименте в параллельный утопический мир. Иногда такими «перебросками» балуются пришельцы, как, например, в «Долине вне времени» Р.Силверберга.

И все-таки чаще в НФ эксплуатируется идея случайного сбоя, произошедшего в самой механике Вселенной. Авторы, как правило, не считают нужным объяснить причину «космической поломки».

Допустим, есть туристическая группа. Что-то где-то пошло не так, и вот уже круизный корабль с беспечными отдыхающими оказывается либо в непонятном диком мире, либо вообще в прошлом, посреди Карибского моря с пиратами и людоедами, как, к примеру, в романе А.Волкова «Командор» («В флибустьерском дальнем море»). Невольными «попаданцами» в иной мир или иное время могут

оказаться и ученые («Иноздесь» Р.Хайнлайна, «Кости земли» М.Суэнвика, «Мир без Солнца» А.Калугина), и обычные студенты (А.Фомичев «Пусть бог не вмешивается»), и сплоченные братства ролевиков, как в межавторской серии «Боярская сотня» или в цикле Е.Малинина «Братство конца».

Особое место занимают сюжеты с космонавтами. Обычно это тексты, родственные космическим робинзоадам: вроде летели нормально, а затем вдруг все пошло наперекосяк, да так, что экипажу пришлось приспособливаться к новой жизни на Марсе («Усталый путник, отдохни» Д.Уиндема), изучать альтернативную Землю («Домой, на Землю» Г.Гаррисона) или параллельную реальность («Звездные берега» С.Слепынина, «Хроновыверт» В.Головачева). Здесь грань между отдельными направлениями в НФ оказывается весьма зыбкой: например, роман Ю.Латыниной «Сто полей» или «Большую планету» Д.Вульфа можно воспринять и как «попаданческие истории», и как повествования о «новых робинзонах».

Иногда целые корабли со всем экипажем оказываются в параллельном мире. Сюжет «провала» такой команды в прошлое наиболее подробно описал А.Мазин в историко-фантастическом цикле «Римский орел», где российские космонавты прямо с орбиты вывалились в III в. н. э.

В любом случае, во всех этих произведениях заметна одна общая деталь: оказавшись в другом мире или времени, герои упорно пытаются там освоиться. И здесь заметное преимущество у тех, кто изначально привык четко выполнять полученные приказы и подчиняться старшим по званию. То есть у кадровых военных.

* * *

Историю о сплоченном отряде «военных попаданцев» одним из первых реализовал П.Андерсон в рассказе «Единственная игра в городе» из цикла «Патруль времени». Правда, здесь доблестным хронополицейским удалось избавиться от орды монгольских воинов, случайно угодивших в Америку задолго до Колумба.

Самый удачный, по мнению критики, пример такого рода фантастики - популярный роман Г.Тёртлдава «Пропавший легион». Некоторые критики даже признают этот сериал наивысшим достижением фантаста в области исторической фэнтези. Виновником случившегося перемещения оказался катаклизм, в ходе которого три римские когорты под командованием трибуна Марка Амелия Скавра, а

также его противник - галльский вождь Виридовикс, перенеслись в другую реальность. Все это спланировали друиды, защищавшие при помощи колдовства свои земли, и вот как это произошло: «Два меча коснулись друг друга, и... прогремел гром. Заклинания, начертанные друидами, вырвались на волю - заклинания, которые должны были охранять земли галлов от набегов завоевателей... Кельты, стоявшие неподалеку, увидели, как странный купол красно-золотистого цвета поднялся над мечами и накрыл сражающихся воинов... Когда купол света растаял, на поляне остались только растерявшиеся галлы. Римские легионеры бесследно исчезли».

Воины трех потерявшихся когорт угодили в параллельную Вселенную, где были втянуты в сложные перипетии политики империи Видессос, самого могущественного государства в этом мире. Приключений в четырех романах цикла предостаточно, лидеры легиона вошли в число заметных политических игроков Видессоса, а в романе «Мечи легиона» обнаглевший Марк Скавр даже претендовал на руку и сердце племянницы местного императора.

* * *

Самой же длительной и подробной историей о воинах, угодивших черт знает куда вместо линии фронта, стал цикл У.Форстена «Затерянный полк». В годы гражданской войны в США аномальный межпространственный шторм перенес целый полк на планету Валденция, где командиру Эндрю Лоуренсу Кину и его сослуживцам пришлось столкнуться с другими невольными поселенцами, ранее вырванными из нашего мира, - римлянами, карфагенянами и древними русичами. Однако не они были хозяевами планеты: ее исконные аборигены, трехметровые гиганты, держат мир в страхе и практикуют людоедство, собирая дань с подвластных племен. Однако, как и у Г.Тёртлдава, сплоченная армейской дисциплиной группа американских военных оказывается катализатором, меняющим весь ход истории на планете. Форстен провел полк Кина через события десятка романов, бросая своих героев в самые невероятные передрыги, которые тем не менее всегда заканчивались победой.

Отечественный фантаст Ф.Березин во «Встречном катаклизме» усложнил тему «военных попаданцев»: соприкоснувшиеся параллельные миры начинают организованно воевать друг с другом. Похожая ситуация произошла и в романе «Серебро и свинец» В.Серебрякова и Д.Уланова. Но здесь соприкоснувшиеся миры засылают в обе стороны колониальные экспедиции.

* * *

Вариант с инопланетным похищением и перемещением отдельных групп солдат и офицеров в другие миры также не обойден вниманием писателей. Одна из интересных версий этого мотива - история про организацию сборной команды из похищенных пришельцами лучших воинов всех эпох, описанная в романе Н.Андреева «Лучшие из мертвых». А в цикле А.Евтушенко «Отряд» действует уже целая объединенная воинская часть из советских и немецких солдат, вопреки собственной воле вовлеченных в инопланетные разборки.

Иногда в иную Вселенную военные попадают не налегке, обремененные лишь личным оружием, а со всем военно-техническим оборудованием, накопленным на военной базе. Так, например, произошло с персонажами романа В.Точинова «Великая степь», где целый армейский городок оказался в параллельном мире, населенном жуткими тварями.

* * *

Придуманый Жюлем Верном сюжет переноса в результате космической катастрофы и аномалии фрагмента Земли в другой мир оказался очень популярным. Один из самых известных примеров последователей - роман Э.Гамильтона «Город на краю света». Классик космооперы использовал хорошо знакомый сюжетный антураж, к которому не раз будут обращаться последующие поколения американской НФ: тихий городок из глубинки, поблизости - воинская часть, где проводятся некие эксперименты, и неожиданная катастрофа. То ли в результате технической ошибки, то ли в ходе начавшейся атомной войны на городок Мидлтаун обрушивается ядерная супербомба. В результате взрыва весь городок вместе с его жителями перемещается на миллионы лет вперед, к «концу времен».

Похожий сценарий событий описал С.Кинг в повести «Туман». Правда, он не объясняет, куда именно угодила мирный городок Бриджтон, окутанный зловещей белой мглой. Дается лишь намек, что все дело в военных, проводивших очередной опасный эксперимент: «Тебе не приходило в голову, что выбраться будет невозможно? Что, если это самое, с чем они там экспериментировали в проекте «Стрела», перетянуло весь наш район в другое измерение с такой же легкостью,

как люди выворачивают носок наизнанку?»).

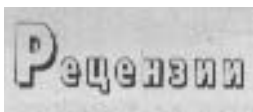
Но чаще всего в перемещениях целых населенных пунктов повинны космические силы. В результате вселенской катастрофы на планету Теллус перенеслись герои популярнейшего романа французского фантаста Ф.Карсака «Робинзоны космоса». Здесь им пришлось не только заново налаживать рухнувший быт, но и активно противостоять негостеприимной природе и враждебным аборигенам.

В цикле романов Ю.Брайдера и Н.Чадовича «Миры под лезвием секиры» провинциальный российский городок Талашевск также стал жертвой катаклизма, оказавшись в эпицентре столкновения параллельных миров и различных времен. Героям трилогии приходится выживать, не только странствуя по нашему, безумно изменившемуся миру, но и перемещаться в иные реальности.

Нечто похожее обнаруживается и в первых романах цикла «Мир вечного полдня» Н.Басова: обычный городок Боловск был перенесен по воле неведомой сверхцивилизации в гигантский искусственный мир - так называемую «сферу Дайсона». В последующих романах герои уже обустроились, смирились со своей участью и даже вполне исправно конкурируют с другими поселенцами.

В фэнтезийный мир угодил город Сосновск из цикла В.Зыкова «Война за выживание». В сходную ситуацию попали и герои романа-эпопеи А.Круза «Люди Великой реки», где в реальности, населенной волшебными существами, оказалось несколько областей России, расположенных вдоль Волги. У П.Корнева в романах «Черный полдень» и «Ледяная цитадель» также несколько городов были вырваны из нашей Вселенной и угодили в иную реальность - некое Приграничье, где царит вечный холод и действует магия.

Современные авторы давно ушли от простой и почти наивной схемы «Гектора Сервадака». Им тесно в рамках обычного описания того, как герои постигают, исследуют новый мир, в котором оказались волею судеб и космических катастроф. В нынешних текстах коллективное «попаданчество» играет сюжетообразующую роль лишь в самом начале повествования. В случае раскатывания сюжета до размеров цикла история стремительно меняет жанровую принадлежность, превращаясь в лучшем случае в космическую оперу, в худшем - в банальную фэнтезятину, действие которой с равным успехом могло бы происходить в любом другом мире. Исключения, когда произведение остается в рамках жанра исторической фантастики всего лишь с элементами боевика, все же случаются, но это большая редкость.

Рецензии

Александр ЗОРИЧ, Сергей ЖАРКОВСКИЙ

ОЧЕНЬ МУЖСКАЯ РАБОТА

СПб.: ИД «Ленинград»,

2012. - 400 с.

7040 экз.

Есть известный анекдот времен перестройки о советском труженике, который спер с завода детали для детской коляски, но, как ни собирал, все время получался пулемет. Похожую картину мы видим и в романе Александра Зорина и Сергея Жарковского. Как ни пиши книгу по игре S.T.A.L.K.E.R., все упрется в незамысловатую фабулу: пошел в Зону, нашел нечто ценное, столкнулся с чем-то необычным, попал под выброс, чудом вернулся назад, похоронив кого-то из друзей. Кажется, только Алексею Калугину в свое время удалось найти оригинальный сюжетный ход, написав книгу о Болотном Докторе.

В нашем случае все три автора (как известно, Александр Зорич - это коллективный псевдоним двух популярных фантастов) пытались уйти от шаблона, написав своеобразный «роман-допрос», однако сами события не новы, а из объемных диалогов отчетливо торчат «уши» Жарковского с его специфическим языком и любовью к странноватой стилизации.

Интересна попытка предъявить читателю существенную часть текста от лица сумасшедшего сталкера. Зона в романе показана немного с другой стороны. Есть несколько отличных эпизодов. Чуть больше, чем обычно, иронии. А в остальном книга на редкость стандартна для этого проекта, от которого, кажется, устают не только читатели, но и сами авторы.

Написать сериальный боевик, попутно иронизируя над серией в целом и писателями в частности - это, конечно, интересная задача для писателя, но только что она даст тому, кому адресована? Несколько убитых вечеров?.. Как говорил Борис Стругацкий, главная задача фантастики - вызывать сопереживание. Но с этим авторы, увы, не справляются.

Дэн Шорин

Брэм СТОКЕР
ЛЕДИ В САВАНЕ

Москва: Энигма, 2012. - 528 с.

Пер. с англ. Н.Падалко.

(Серия «Коллекция Гримуар»).

3000 экз.

«Леди в саване» - четвертый из пяти мистических романов Брэма Стокера, начатых прославленным «Дракулой». Книга, опубликованная в переводе на русский язык в 1909 году, с тех пор ни разу не переиздавалась, в отличие от «Драгоценности семи звезд», «Логова белого червя» и, разумеется, «Дракулы». Отрадно, что это издание академическое, с богатыми комментариями и приложениями.

«Леди в саване» - одна из последних, это наиболее откровенная попытка Стокера повторить успех «Дракулы». Снова в центре сюжета история вампира, а место действия - Балканы (выдуманная Синегория), куда попадает молодой англичанин. И в довершение сходства текст построен как «роман в документах», составленный из дневников, писем и иных «подлинных» источников.

Но таланту Стокера тесно в рамках самоподражания. И вместо привычного романа ужасов из-под его пера выходит повествование «обмана ожиданий», где, по выражению британской исследовательницы Р.Роббинс, чье предисловие включено в нынешнее издание, «ничто не есть то, чем кажется». Начиная с первых страниц, написанных, как выясняется, от лица отнюдь не главного и вовсе не положительного персонажа, и до самого финала, когда хоррор уступает место сначала романтико-приключенческой истории, а затем и вовсе фантастике, научной и политической (причем «ближнего прицела» - в духе жюль-верновских «научных романов»), автор последовательно опрокидывает ожидания читателей. Поэтому ничего удивительного в том, что «Леди в саване» не снискала лавров «Дракулы».

Между тем, если отвлечься от военно-политических проблем начала минувшего века, это трогательный и очень светлый роман о силе любви и людского единения, о победе добра над злом. Да и мистического на радость поклонникам в книге хватает, просто в какой-то момент эта составляющая отходит на третий план, уступая место НФ.

Сергей Алексеев

Олег ДИВОВ
КОНСУЛЬТАНТ ПО ДУРАЦКИМ ВОПРОСАМ
Москва: Эксмо, 2012. - 320 с.
12 000 экз.

Для писателей «основного потока» фантастика - отнюдь не заповедная пажить: то Т.Толстая заглянет, то Д.Быков, то О.Славникова. Те, кто получил признание на ниве НФ-литературы, гораздо реже выходят в плавание по морям мейнстрима. Но примеры есть, и порой весьма удачные: Александр Зорич, Мария Галина, Олег Дивов. Новый роман Дивова - его второй опыт после «Оружия возмездия», располагающийся за пределами континента фантастики.

Этот роман - воплощение потаенной мужской мечты: окунуться в гущу военного мира, сохранив полную свободу. Главный герой Миша Клименко организует съемки фильма о русско-грузинской войне в Южной Осетии. Он гражданский человек, но проходит через множество встреч со спецназовцами, танкистами, саперами, сотрудниками спецслужб, а ближе к финалу обезвреживает зловещую противопехотную мину. Собственно, каскад этих встреч, а также рискованных, но жизненно необходимых для киносъемки действий составляет основу сюжета. Все по-настоящему, кроме армейской службы с ее дисциплиной и несправедливостью; воякой центральный персонаж так и не становится. Зато его приключения в Цхинвале позволяют автору детально показать вселенную современной армии в двух вариантах: российском и южноосетинском, а также погрузить читателя в атмосферу большой победы, купленной большой кровью.

Получилось настоящее мужское чтение: своего рода производственный роман о войне и армии наших дней. Русские показаны в нем как люди, которые на многое способны, но мало себя ценят. К сожалению, даже то, что у нас здорово получается, бывает крепко испорчено тотальным неумением рассказывать о своих достижениях красиво и честно. Но, может быть, еще научимся. Тот же Миша Клименко под занавес дерзает взяться именно за такую работу.

Худо в романе одно: последние страниц сорок выглядят как полусырой, почти не обработанный материал. Внятной концовки не получилось.

Дмитрий Володихин

Дмитрий КОЛОДАН

ЗЕРКАЛА

Москва: АСТ - Этногенез, 2012. - 272 с.

17 000 экз.

Новый роман питерского автора в рамках популярного проекта повествует о приключениях нашей соотечественницы, девушки неординарной во всех отношениях, то и дело попадающей в неприятности. Ей предстоит отправиться в Венецию, чтобы на себе испытать всевозможные приключения и беды - от потери личных вещей и документов до обретения самого уродливого пса в мире.

Параллельно с событиями «вполне обычными» с героиней происходит ряд мистических случаев, для чего автор использует прием с гаданием. Ему удастся сделать «анонс» будущей истории, добавить столь любимой нынешним читателем мистики и интриги.

Сюжет развивается стремительно, почти кинематографично. А выраженная в языке некоторая «итальянскость» придает тексту экзотический колорит. Подобные приемы не оставят равнодушным читателя «поколения Next», воспитанного на 3D-фильмах, аниме и мангах. Правда, иной раз автор злоупотребляет «высокими скоростями» повествования. В результате логика повествования ломается и начинает хромать на обе ноги, при этом старясь не сбавлять шага.

К сожалению, следует отметить некоторую небрежность исполнения. Например, в Венеции одни и те же персонажи обращаются к героине то синьорина, то синьора попеременно. А питерский писатель называет карточных джокера и пикового валета прямыми аналогами старших Арканов Таро - Шута и Обманщика. Это серьезная фактическая ошибка, так как прототипами всем знакомых игральных карт послужили не старшие, а младшие Арканы Таро. Соответственно, их гадальное значение не имеет ничего общего с мистической стороной романа.

Этот роман прежде всего будет интересен молодой аудитории, которую увлекают стремительное повествование, водоворот героев, образов и событий, интуитивно ориентированный на сказочность, и хеппи-энд.

Светлана Кузнецова

Александр ТЕСТОВ, Дмитрий ДАЛЬ

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

СПб.: ИД «Ленинград», 2012. - 336 с.

(Серия «Ветер войны»).

3050 экз.

Главная проблема всех без исключения межавторских миров - зацикленность участников на деталях, на вводных постулатах. Да, мир должен быть узнаваемым, чтобы удержать дотошного читателя энной книги. Однако существует тонкая грань, перейдя которую, писатель превращает самостоятельный текст в экспозицию оставшихся за кадром событий. И кажется, в рецензируемой книге авторы эту грань перешагнули.

Роман «Проверка на прочность» открывает новую межавторскую вселенную «Ветер войны», в которой космические технологии сочетаются с устаревшим даже по нашим понятиям жизненным укладом и средневековыми социальными отношениями. Существует славянская планета, медленно, но верно проигрывающая космическую войну самураям. Действие вращается вокруг этой войны, причем ни одной закрытой сюжетной линии так и не удастся обнаружить. Заявленное в книге технологическое отставание славян герои никак не увязывают с проблемами общества, напротив, именно в устаревшем укладе ищут защиты от противника. Против вражеского десанта направляют отряд ведунов, современный космический броненосец отдают под управление оборотня. Это могло быть похоже на пародию, если бы авторы не преподносили все до крайности серьезно.

Несколько примиряет с текстом языковая стилизация: авторы органично встраивают древнерусские лингвистические конструкции в мир космических технологий. Бороздящие галактику ладьи, вооруженные иглометами стрельцы и форменные полукафтаны славянских звездолетчиков запоминаются, вызывая легкую улыбку.

Другой важной характеристикой межавторских миров является аудитория. Она определяет, найдет ли книга своего читателя или так и останется стоять на полке книжного супермаркета. Аудиторией этой книги могут стать подростки, еще не способные почувствовать искусственность описываемого авторами общественного уклада.

Дэн Шорин

Вл. ГАКОВ

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Американец Майкл Крайтон (его семидесятилетие отмечается в этом месяце), кажется, единственный человек в мире, чьи произведения занимали первые строки в трех заветных списках - книжных бестселлеров, фильмов-блокбастеров и самых популярных телесериалов. И, уж точно, он стал уникальным творцом, сумевшим прославиться в двух таких разных сферах деятельности, как художественная литература и кинорежиссура. Это, возможно, единственный случай, когда известный писатель останется в истории искусства еще и режиссером-постановщиком.

Три вершины творчества Крайтона нашим читателям и зрителям хорошо известны: роман «Штамм «Андромеда», фильм Стивена Спилберга «Парк юрского периода» и телесериал «Скорая помощь». Про книгу все ясно; фильм Спилберга был поставлен по роману и сценарию писателя-фантаста; идея, сценарии первых эпизодов и общее продюсирование названного выше популярнейшего телесериала (13 премий «Эмми» - аналога «Оскара» в мире телевидения) выполнил Майкл Крайтон.

Но за свою сравнительно недолгую творческую жизнь - сорок с небольшим - он успел сделать еще многое. К примеру, создать новый субжанр литературы под названием «медицинский триллер».

Джон Майкл Крайтон родился в Чикаго 23 октября 1942 года, а детские годы

провел в нью-йоркском пригороде Рослине. Отец будущего писателя был журналистом. Поэтому с детских лет Крайтон не только много читал, но и сам пробовал писать. Его первой профессиональной публикацией стали путевые заметки, опубликованные не где-нибудь, а в самой «The New York Times»! Юному автору тогда только исполнилось четырнадцать...

Во время учебы в Гарвардском колледже, который входил в состав знаменитого одноименного университета, Крайтон уже осознанно готовился к профессиональному литературному труду. И был задет за живое, когда один из профессоров поставил ему низкую оценку за литературный стиль. Решив вывести преподавателя-придиру на чистую воду, студент Крайтон в сговоре с другим профессором провел чисто научный эксперимент: подсунил своему обидчику некое эссе якобы собственного сочинения. Принципиальный профессор вернул работу возмнившему о себе студенту со вполне ожидаемой оценкой - тройкой с минусом. Не подозревая, что предложенный ему текст был написан Джорджем Оруэллом!

Несмотря на победу над преподавателем, Крайтон решил, что на гуманитарном факультете его все равно «не поймут», и на старших курсах перевелся на биологический. Диплом по антропологии он защитил с отличием и начал свою профессиональную деятельность как ученый-антрополог. Преподавал в не менее знаменитом британском Кембридже, а затем вернулся в родной Гарвард преподавателем медицинского факультета.

Работая по профессии, Крайтон в легендарной Harvard Medical School снова начал писать и публиковаться. Последнее обстоятельство было для начинающего писателя важным вдвойне. Во-первых, его наконец-то признали, а во-вторых - появился заработок, совсем нелишний для преподавателя. Свои ранние детективные триллеры, один из которых принес Крайтону первую литературную премию «Эдгар» (детективный аналог «Небьюлы», названный в честь Эдгара Аллана По), он подписывал псевдонимами Джон Лэндж и Джеффри Хадсон. Выбор обоих был продиктован тем обстоятельством, что еще в молодости Крайтон вымахал в двухметрового верзилу, чем немало тяготился (хотя это обстоятельство открыло ему путь в сборную колледжа по баскетболу). Lange по-немецки «длинный»; а Джеффри Хадсоном звали реальную историческую личность - знаменитого карлика из свиты королевы Генриетты Марии Французской, супруги английского короля Карла I.

Между тем, вращаясь в медицинских кругах, будущий врач и биолог все больше проникался к своим коллегам недоверием. Крайтон, разумеется, не ставил под сомнение их профессиональную подготовку: Harvard Medical School давно заслужила репутацию «инкубатора Нобелевских лауреатов». Но что касается

медицинской этики... Врачу-правдолюбцу и будущему «врачевателю человеческих душ» было не по душе, когда на его глазах забота коллег о собственной профессиональной репутации и благополучии вступала в противоречие и подавляла заботу иную. Для врача, казалось бы, единственную и наиважнейшую - о своем пациенте. Наверное, уже тогда в голове начинающего писателя возникли сюжетные коллизии его будущих «медицинских триллеров». Диссертацию Крайтон защитил в том же Гарварде, затем год проработал в Институте биологических исследований имени Джонаса Солка в Калифорнии, но на сем его отношения с медициной закончились. Он окончательно решил, что отныне его профессиональное поприще - литература.

* * *

Начинал Крайтон-писатель с детективных романов. Но уже третья книга, «Отборное средство», вышедшая в 1968 году, содержала элементы научной фантастики. А годом позже вышел полноценный научно-фантастический роман, принесший начинающему писателю оглушительный успех. Он тут же возглавил список «национальных бестселлеров» (national bestseller), что до того удавалось лишь считаным книгам писателей-фантастов.

Этим произведением стал «Штамм «Андромеда». История, повествующая о событиях фантастических, но вполне вероятных, была тщательно закамуфлирована под роман реалистический, почти документальный -- с графиками, таблицами, даже списком литературы (в русском переводе последний зачем-то выбросили). Это стало фирменным стилем Крайтона-фантаста: предельный реализм и достоверность. Книгу на русский язык перевели почти сразу же, усмотрев в ней жесткую и профессиональную критику «их нравов».

Крайтон и в своих последующих научно-фантастических произведениях всегда, в сущности, писал о том же. О технологических амбициях человечества, не подкрепленных нравственным ростом. О том, как научный и технический прогресс (главным образом, в медицине и биотехнологии) слабо соотносится с прогрессом моральным и этическим. И о том, какими испытаниями чреват этот разрыв...

Спустя два года роман был успешно экранизирован режиссером Робертом Уайзом, и все проблемы для начинающего писателя Крайтона были решены.

В 1972 году Крайтон выпустил научно-фантастическую книгу «Человек-компьютер» (в оригинале - «Человек-терминал»): у героя после автокатастрофы начались эпилептические припадки, сопровождаемые немотивированной агрессией

и последующими провалами в памяти. Для излечения пациенту в мозг вживили электроды, через которые подавались команды с «лечащего» компьютера. Однако, как всегда у Крайтона, высокие технологии дали сбой, и вместо излеченного пациента на улицах Лос-Анджелеса стал разгуливать маньяк-убийца.

Успех данного романа, как и последующей экранизации 1974 года, был куда скромнее, чем выпал на долю «Штамма «Андромеда». Зато третий роман¹⁰, который можно условно отнести к фантастике - «Пожиратели мертвых»(1976) - снова вызвал восторги. Это псевдодокументальная история средневекового знатного араба Ахмада Ибн Фадлана, посланного халифом с поручением к богатому купцу, но ввиду непредвиденных обстоятельств оказавшегося в далекой северной земле викингов. Причем земля эта не Скандинавия, как можно было подумать, а фактически северные окраины Древней Руси. Попав в плен, Ибн Фадлан позже присоединяется к особому отряду воинов под командованием некоего вождя Баливифа.

То, что роман представляет собой вольный пересказ памятника мировой литературы, англосаксонского эпоса «Беовульфа», автор не скрывал. Однако он дополнил историко-мифологическую канву существенным допущением, превращающим роман в образец «исторической фантастики». Или фантазий на тему истории... Оказывается, в далекой «северной Руси» в X веке сохранились потомки неандертальцев, практикующие каннибализм! На окончательную «разборку» с ними и отправилась в поход дюжина нордических «коммандос» вместе с примкнувшим к ним южанином-арабом.

Как и в «Штамме «Андромеда», Крайтон удачно замаскировал историко-фантастический роман под «документальный», искусно перемешав реальные исторические факты и чистый вымысел. Столь же ловко автор манипулирует различными историческими эпохами и культурами. А для придания пущей солидности снабжает увлекательный роман списком литературы, более подходящим для научной монографии. «Источники» эти также, разумеется, представляют причудливую смесь подлинных документов и выдуманных автором. В англоязычном кино этот субжанр получил название mockumentary (от глагола to

¹⁰ * В 1975 году вышел другой успешный роман Крайтона - «Великое ограбление поезда». Но это не фантастика, а историческая реконструкция реального железнодорожного ограбления в викторианской Англии. В библиографии Крайтона-писателя это еще один национальный бестселлер, а в карьере Крайтона-режиссера - один из самых удачных его фильмов с неподражаемыми Шоном Коннери и Дональдом Сазерлендом в главных ролях. Фильм принес сценаристу и режиссеру очередную премию «Эдгар». (Здесь и далее прим. авт.)

mock - подделывать, издеваться и прилагательного documentary - документальный). В нем американский писатель, а впоследствии и режиссер, чувствовал себя отлично**¹¹.

На грани фантастики написан и роман «Конго» (1980). Действие этого не менее захватывающего приключенческого боевика разворачивается в африканских джунглях, а единственным «НФ»-допущением оказывается обнаруженный там затерянный город (автор не скрывал, что на сей раз источником стал знаменитый роман Генри Райдера Хаггарда «Копи царя Соломона») вместе с охраняющим его доселе неизвестным племенем человекообразных разумных обезьян. С ними ученым удастся установить вербальный контакт, а помогает «контактерам» выступающая в роли толмача горилла, обученная языку жестов.

* * *

Зато следующий фантастический роман «Сфера» (1987) представляет собой настоящую science fiction. Из-под пера Крайтона вышел эдакий упрощенный вариант лемовского «Соляриса». Вместо разумной планеты-океана - находка загадочного космического корабля на дне океана земного (корабль оказался не инопланетном, а земным, но «прилетевшим» из будущего). Вместо материализации образов, хранящихся в подсознании землян, найденная на космическом корабле загадочная сфера, материализующая кошмары и потаенные фантазии всякого, кто вступит с ней в контакт... В общем и целом для американской science fiction вполне неплохо. А вот одноименный фильм 1998 года, несмотря на работу мастеров высшего класса - режиссера Барри Левинсона и исполнителя главной роли Дастина Хоффмана (за десятилетие до того создавших настоящий шедевр - «Человек дождя!»), неотвратимо скатился к обычному, хотя и талантливо поставленному «ужастику».

И затем наступил 1990-й год - пик в творческой биографии Крайтона. В том году вышел роман «Парк юрского периода». А спустя три года появился феноменально успешный фильм Стивена Спилберга, что рикошетом вызвало новый виток интереса к роману, и в результате оба, фильм и книга, одновременно закрепились

¹¹ ** *Осуществленная в 1999 году экранизация - фильм «Тринадцатый воин» с Антонио Бандерасом - вышел уже чистой фэнтези. И, кстати, провалился в прокате. Режиссером в титрах указан Джон Мак-Турнан, хотя известно, что Крайтон, будучи сопродюсером, в конце работы над картиной уволил режиссера и довел ее сам.*

в лидерах соответствующих списков: блокбастеров и бестселлеров. А мир окунулся в новое повальное безумие - диноманию...

* * *

В последние пятнадцать лет жизни Майкл Крайтон написал еще с десятков романов. И половину из них составляли книги, которые с разной степенью условности можно отнести к научной фантастике.

Это прежде всего «Стрела времени» («Time Line», что можно перевести и как «Хронология»). Читателю был предложен очередной роман о путешествиях во времени, которые совершают самые заинтересованные в подобной деятельности люди - профессиональные историки и археологи. Затем последовал «Затерянный мир», ставший сиквелом к «Парку юрского периода». В романах «Добыча» (в русском переводе - «Рой») и «Следующие» речь снова идет о современной науке и технологии. В первом случае достижения нанотехнологии приводят к своеобразной «наножизни». Во втором - автор задается вопросом: а не последуют ли за трансгенными продуктами такие же «трансгенные» животные и в перспективе люди... Наконец, в романе «Состояние страха» (в оригинале игра слов: State of Fear можно перевести и как «государство страха») Крайтон поднимает еще одну актуальную тему: «экоотерроризм».

Многие из поздних книг писателя, фантастических и других, также были экранизированы; некоторые фильмы, такие как «Разоблачение» Барри Левинсона с Майклом Дугласом, Деми Мур и Дональдом Сазерлендом, по общему мнению, удались. Но к этому времени мир успел привыкнуть не только к любимцу Голливуда писателю и сценаристу Крайтону, но и к успешному кинорежиссеру Крайтону.

В этом новом качестве писатель дебютировал в 1972 году, выпустив фильм «Преследование» по собственному триллеру «Двойник». А годом позже снял «Мир Дикого Запада» - превосходный для того времени образец кинофантастики о «Диснейленде» недалекого будущего. В этом парке развлечений праздных туристов обслуживают андройды, выполняющие роли киноактеров, так что посетители вполне могут ощутить себя героем вестерна или исторического боевика. На роль одного из роботов-«ковбоев» был приглашен герой «Великолепной семерки» в исполнении Юла Бриннера. В его блестящем показе «железяка», слетевшая с катушек, становится безжалостным убийцей, не стесненным более Первым Законом Роботехники, а заодно и остальными двумя.

В результате получилось увлекательное, вполне «кинематографическое»

зрелище «с моралью»^{*12}. Привычная для Крайтона история о развращенном техническими игрушками человечестве, в очередной раз жестоко наказанном за слепую веру в «новые технологии», одновременно послужила впечатляющей демифологизации киновестерна - еще одной «священной коровы» Голливуда.

Затем Крайтон-режиссер повторил свой успех в «медицинском триллере» «Кома» - на сей раз снятом по роману Робина Кука (тоже, кстати, дипломированного врача). Сюжет внешне довольно-таки реалистичен и вполне «по Крайтону»: криминальный заговор очередных «врачей-убийц», во время пустяковых операций сознательно погружающих пациентов в кому, чтобы потом использовать их тела в качестве донорских для пересадки органов... Но запомнилась в этом фильме и совершенно фантастическая сцена: тайное хранилище тел невольных доноров, в котором «коматозники» парят под потолком на веревках, как куклы-марионетки. Чем не философский символ - человечество, ставшее игрушкой «новых технологий»!

Крайтон снял еще два фантастических фильма, менее успешных. В очередном «медицинском триллере» «Красавица» (1981) модный пластический хирург невольно раскрывает еще один заговор преступников-коллег. Те с помощью хирургических операций превращают девушек-моделей в своего рода живые гипноизлучатели, внушающие потенциальным потребителям, какой именно товар им нужно приобрести. А сюжетную канву фильма «Взбесившийся» (или «Сбежавший», 1984) исчерпывающе передает еще одно название картины, под коим она побывала у нас в недолгую эпоху полуплегалных видеопросмотров на дому - «Бунт роботов».

* * *

В последнее десятилетие жизни Майкл Крайтон открыл в себе еще один несомненный дар - популяризатора и острого публициста.

Став с самого начала компьютерной эры активным пользователем, он написал одно из лучших ранних руководств по программированию на языке BASIC для широких масс. Книга, вышедшая в 1983 году, называлась «Электронная жизнь» и была построена по образу «толкового словаря», а среди затронутых тем были, к примеру, такие: «Компьютеробоязнь, от которой не свободен никто», «Покупка компьютера» и «Компьютерная преступность». Для времени, когда первой

¹² * *Кстати, первый фильм в истории, в котором для создания спецэффектов применялась компьютерная оцифровка.*

реальной «персоналке» - модели IBM 5150 Personal Computer - исполнился лишь год, темы можно было назвать фантастическими!

Между прочим, автор руководства и сам обучился программированию. И даже попытался подтвердить свою репутацию на новом для себя рынке компьютерных игр. Однако если первая из созданных, «Амазонка», была продана в количестве 100 тысяч экземпляров (для 1984 года - явный успех), то следующая, «Стрела времени» по его фантастическому роману, продавалась из рук вон плохо.

Кроме того, будучи серьезным коллекционером современного американского искусства, Крайтон написал книгу о своем друге - знаменитом художнике-авангардисте Джаспере Джонсе, самом «дорогом» из ныне здравствующих художников.

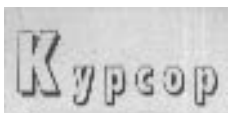
Но главное, в чем он еще успел прославиться, это публицистические статьи, книги и лекции. По любой острой и будоражащей, а в перспективе и кровоточащей проблеме современности, будь то глобальное потепление, экотерроризм, генная инженерия или закат современных массмедиа (которых писатель назвал запоминающимся неологизмом «медиазавры»).

В своих публичных выступлениях Крайтон вовсе не старался, подобно многим, стать очередным гуру для миллионов читающих и слушающих. Наоборот, всегда проявлял известную толерантность и в то же время независимость суждений - редкие качества в наш век всеобщей и всяческой манипуляции и засилья стереотипов, насаждаемых теми же СМИ. Писатель и кинорежиссер часто «шел не в ногу» с доминировавшими на тот момент общественными представлениями. Например, Крайтон одним из первых поднял вопрос о том, не является ли набирающее силу движение «зеленых» и прочих экологических активистов рождающейся на наших глазах новой формой массовой религии. Со всеми вытекающими - вплоть до воинствующего «экологического фундаментализма», приносящего неисправимый вред той самой окружающей среде, которую экологические активисты поклялись защищать... Майкл Крайтон хотел, подобно поэту, «во всем дойти до самой сути». А потому, будучи человеком предельно рациональным и даже в качестве личной религии избравшим самую «рациональную» - деизм (не нуждающуюся в религиозных авторитетах, таинствах, молитвах, обрядах, даже самой вере), он долгое время усиленно практиковал медитации, изучал экстрасенсорику, гадания и прочую «антинаучную чепуху».

И до последних дней оставался трудоголиком. Нелегко было поверить, что у этого двухметрового красавца (вошел в «50 самых красивых людей страны», по версии журнала «People») с интеллигентным лицом, с которого никогда не сходила сдержанная улыбка, у писателя-мультимиллионера и успешного кинорежиссера

тоже могут быть какие-то проблемы. А между тем человек, на протяжении десятилетий распространявший вокруг себя ауру невероятного, фантастического успеха, последний год провел в неравной борьбе со смертельной болезнью.

Кем-то было мрачно замечено, что на самом деле «до рака доживают немногие». Он умер 4 ноября 2008 года от рака горла. Смерть наступила внезапно: врачи как раз надеялись, что после проведенного сеанса химиотерапии больной пойдет на поправку. Вероятно, сохранял надежду и сам Крайтон, переживший пять свадеб и четыре развода и лишь впервые, едва справив 66-летие, ожидавший появления на свет своего первенца. Но не дождался - сын родился спустя полгода после того, как медицина вновь, как часто в романах и фильмах отца, оказалась бессильной...

Курсор

С 17 по 20 августа прошла вторая «Петербургская фантастическая ассамблея». Одним из центральных мероприятий конвента стала дискуссия между англо-канадским автором, убежденным сторонником «копилефта» Кори Доктороу и российским переводчиком и литагентом Олегом Колесниковым. Кроме того, состоялись мастер-классы Алана Кубатиева, Марии Галиной и Сергея Бережного, работали секции хоррора, аниме, игр, проходили встречи с писателями и издателями, была вручена литературная премия «Серебряная стрела» одноименного московского фестиваля фантастики. Лауреатами стали: Алексей Верт за роман «Дзен-софт» (лучший дебют), Юлия Зонис за роман «Инквизитор и нимфа» (лучший главный герой), Анна Семироль, Олег Семироль «Полшага до неба» (лучшее соавторство).

Гаю Ричи надоело переделывать приключения Шерлока Холмса под стимпанк, и он решил взяться за Роберта Льюиса Стивенсона. Алекс Харакис пишет сценарий обновленного и модернизированного «Острова сокровищ», обильно внося в классику мистические элементы. Финансирует проект студия Warner Bros.

4 Специалисты НАСА присвоили месту посадки марсохода Curiosity имя недавно скончавшегося американского писателя-фантаста, автора «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери. Об этом было объявлено 22 августа - в 92-й день рождения великого писателя. Решение весьма логично, ведь передвижная астробиологическая лаборатория ищет на поверхности Марса жизнь, а кто, как не Брэдбери, посвятил жизни на Марсе множество рассказов и, возможно, направил многих нынешних руководителей экспедиции на стезю исследователей Красной планеты.

4 Студия Universal после трехлетних поисков постановщика наконец объявила, кто будет режиссером ремейка фильма Дэвида Кроненберга «Видеодом» - картина станет дебютом для известного режиссера рекламы Адама Берга. В оригинальной картине Кроненберга рассказывалось о телешоу с одноименным названием, позволявшим зрителям не только наблюдать за настоящими пытками и убийствами, но и подключаться физически. В новой версии сценарист Эрен Крюгер планирует «подпитать» картину нанотехнологиями и существенно расширить масштабы происходящего на экране. Напомним, картина Кроненберга дала название рубрикам кинофантастики сначала в «Если», а затем в журнале «Мир фантастики».

4 XIII чтения памяти А.Н.Стругацкого прошли 25 августа в Московской городской организации Союза писателей России. На этот раз они были связаны с именами двух великих фантастов, ушедших в 2012 году. Доклад о Гарри Гаррисоне сделал Игорь Минаков, о Рэе Брэдбери - Дмитрий Володихин. Во втором «отделении» вручалась литературная премия «Филигрань». Ее судьбу в этом году решали 15 жанровых критиков и публицистов. По Уставу премии единственным критерием награды во всех номинациях является литературное совершенство произведений. В номинации «рассказ» лауреатом стал Леонид Каганов («Магия»), «повесть» - Анна Китаева («Отродье»), «роман» - Мария Галина («Медведки»).

In memoriam | 5 августа в автомобильной катастрофе погиб 52-летний Ролан Вагнер, один из ведущих современных фантастов Франции. Первая его публикация появилась в 1980 году, с тех пор писатель издал полсотни романов и более ста рассказов. Наибольшей популярностью пользуется цикл «Тайны Парижа будущего» - гибрид НФ, фэнтези, нуар-детектива и триллера. Большой успех имели триллер

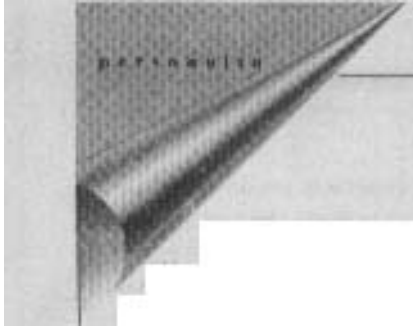
«Сезон ведьм» (2003), космоопера «Время путешествовать» (2005), а также книга «HPL (1890-1991)» - альтернативно-историческая «биография» Говарда Лавкрафта. На счету Вагнера также множество переводов классики англоязычной фантастики. Читателям «Если» Ролан Вагнер известен по рассказу «Дух Коммуны», опубликованному на страницах журнала в 2006 году.

In memoriam | 15 августа на 88-м году жизни скончался знаменитый американский фантаст, редактор, художник Гарри Гаррисон. Писатель (настоящее имя Генри Максвелл Демпси) родился в 1925 году в Стамфорде, штат Коннектикут. Его мать была родом из Риги и имела русские корни, отец - венгерские. В 1943 году Гаррисон был призван на военную службу. До 1946-го служил в ВВС США, получил звание сержанта. После войны поступил в Хантер-Колледж в Нью-Йорке, где обучался изобразительному искусству; там же начал выпускать фантастические комиксы, а по окончании открыл агентство по рекламной графике. Кроме того, на протяжении десяти лет Гаррисон писал тексты для серии комиксов и иллюстрировал НФ-журнал *Worlds Beyond*, затем работал редактором в издательствах.

В 1951 году в *Worlds Beyond* он опубликовал свой первый НФ-рассказ «Проникший в скалы». С 1956 года Гаррисон профессиональный писатель. Его дебютный роман «Неукротимая планета» сразу прославил писателя. На его счету также семитомный юмористический цикл о Билле Герое Галактики. Особой известностью пользуются сериал о «стальной крысе» Джиме ди Гризе и трилогия об Эдеме. Всего Гаррисон написал около полусотни романов и несколько сотен рассказов (переводы новых рассказов и повестей автора неоднократно публиковались в «Если»). Однако при всей необычайной популярности у читателей крупными НФ-премиями он был обделен. В 1973 году стал лауреатом премии «Небьюла» лишь за фильм «Зеленый сойлент», поставленный по роману «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», а в 2008-м был объявлен Гранд-мастером. В результате Гаррисон, не раз посещавший Россию, имеет больше здешних премий («Большой Роскон», «Философский камень» и др.), чем «родных».

Гарри Гаррисон являлся создателем Всемирной организации научных фантастов World SF, почетным патроном Всемирной ассоциации эсперанто, рыцарем ордена Святого Фантония.

Агентство F-пресс

personalia

ДЖОНСОН Кидж (JOHNSON, Kij)

Американская писательница Кидж Джонсон родилась в 1960 году в Харлане (штат Айова) и после окончания колледжа работала менеджером и редактором в различных издательствах. В настоящее время живет в Лоуренсе (штат Канзас), где занимает пост заместителя директора Центра по изучению научной фантастики при Университете штата Канзас.

Дебютом Джонсон в жанре стал рассказ «Дорожное убийство» (1988). С тех пор она опубликовала три романа (один в межавторской серии «Миры «Звездного пути») и более четырех десятков рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборники «Рассказы под дождливую погоду» (2001) и «В устье Пчелиной реки» (2002).

Несмотря на относительно краткую литературную биографию, Джонсон уже имеет престижные литературные награды: она дважды становилась лауреатом премии «Небьюла», получила Премию имени Теодора Старджона и Всемирную премию фэнтези. В нынешнем году К.Джонсон завоевала еще одну «Небьюлу» - за повесть «Мост через туман», публикуемую в переводе в этом номере «Если».

ЛАНКУ Антуан (LENCOU, Antoine)

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

В одном из интервью французский писатель Антуан Ланку ответил на вопросы: «Как Вы начали писать и почему пришли именно к фантастике?».

«Когда я был подростком, то читал все, что мне попадалось, и в конце концов сказал себе: «Почему бы и мне не написать что-нибудь?». И принялся сочинять

разные истории - как правило, бросая их на середине. Но вирус сочинительства уже поселился во мне. С тех пор прошло больше двадцати лет, и я счастлив, что мне все-таки удалось кое-что сделать...

Я питаю неутолимое любопытство ко всему, что связано с таинством жизни. И передо мной постоянно встают такие, например, проблемы: «Откуда ведет свое происхождение человечество?», «Что со всеми нами будет?», «В чем смысл нашего существования?», «Что такое Вселенная?», «В чем суть смерти всего сущего?»... Вопросы довольно банальны, скажете вы. Но я все-таки пытаюсь дать ответ на некоторые из них, и без фантастики здесь не обойтись. А еще я пишу о том, каким может стать наше общество с развитием технологий. И хотя сами по себе подобные темы весьма серьезны, я стараюсь внести в них толику юмора».

МАКМАЛЛЕН Шон (MCMULLEN, Sean)

Австралийский музыкант и прозаик Шон Кристофер Макмаллен родился в 1948 году в городе Виктория. «В моих жилах, - утверждает Макмаллен, - перемешано много кровей: шотландская, португальская и ирландская - со стороны отца; французская, английская и шотландская - со стороны матери». Закончив Мельбурнский университет с дипломами физика и историка, он профессионально занимался музыкой и лишь в конце 1980-х начал писать научную фантастику и фэнтези.

Первой публикацией Макмаллена стал рассказ «Цвета хозяев» (1988). С тех пор он выпустил 10 романов - тетралогии «Сага о Лунных мирах» и «Большая зима», а также книги «Империя центуриона» (1998) и «Перед бурей» (2007). Кроме того, перу Макмаллена принадлежат 50 рассказов и повестей, опубликованных как в австралийских периодических изданиях и антологиях, так и в американских журналах «Analog» и «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и английском «Interzone». Лучшие рассказы писателя составили сборники «Звонок на край света» (1992) и «Прогулка на Луну» (2007). Макмаллен восемь раз завоевывал высшую национальную премию в научной фантастике «Дитмар» и дважды другую австралийскую премию - «Ауреалис», присуждаемую за лучшее произведение года, а также трижды номинировался на премию «Хьюго» и один раз на Британскую премию по научной фантастике.

Шон Макмаллен известен и как историк НФ. В соавторстве с Расселом Блэкфордом и Ваном Эйкенем он опубликовал монографию «Незнакомые созвездия: история австралийской научной фантастики» (1998) и в том же году в

соавторстве с Полом Коллинзом издал «Энциклопедию австралийской научной фантастики и фэнтези». Обе были отмечены премией «Дитмар».

РЕЙНОЛДС Алистер (REYNOLDS, Alastair)

Английский ученый и писатель Алистер Рейнолдс родился в 1966 году в Бэрри (Южный Уэльс) и закончил Университет Ньюкасла по специальности «физика и астрономия», после чего защитил диссертацию в Университете Сент-Эндрюса (Шотландия). В 1991-м он переехал в Нидерланды, где встретил свою будущую жену-француженку и работал в Европейском центре космических исследований. С 2004 года Алистер Рейнолдс - профессиональный писатель.

Первые НФ-рассказы - «Распространяющийся сон» и «Снежинки» (1990). С тех пор выпустил девять романов, включая пентологию «Космос откровения» (один из входящих в нее романов, «Город над пропастью», в 2001 году завоевал Британскую премию научной фантастики), а также около трех десятков рассказов и повестей, которые вошли в сборники «Бриллиантовые псы, дни из яшмы» (2002), «Зима. Голубой период» и «Галактика-Север» (оба - 2006). Десять произведений Рейнолдса номинировались на Британскую премию по научной фантастике, Премию имени Артура Кларка и премию «Хьюго».

ТЕМ Стив Рэсник (TEM, Steve Rasnic)

Американский фантаст Стив Рэсник Тем родился в 1950 году в Джоунсвилле (штат Вирджиния) и закончил местный Политехнический институт и сразу два университета (второй - с дипломом педагога). После этого Тем переехал в штат Колорадо, где получил еще один диплом - писателя (creative writing, что соответствует нашим литературным курсам) и там живет сейчас вместе с женой, писательницей Мелани Тем, и тремя детьми.

Дебют автора (творчество которого критики сравнивают с Кафкой, Буццати и Брэдбери) в фантастике состоялся в 1979 году - это был рассказ «Прятки». С тех пор Тем опубликовал три романа (два в соавторстве с женой) и более двух сотен рассказов и повестей, на основе которых составил шесть сборников. Рассказ Тема «Утечки» (1988) завоевал Британскую премию фэнтези, а повесть «В последние дни продаж» (2001) - Премию имени Брэма Стокера. Произведения писателя еще восемь раз номинировались на обе премии и один раз на Премию имени Филипа

Дика.

**ХЕМРИ Джон
(HENRY, John C.)**

Американский отставной морской офицер и писатель Джон Хемри родился в 1960 году также в семье офицера. После окончания школы Хемри поступил в Академию ВМФ США в Аннаполисе (где, в частности, изучал русский язык), служил во флоте, а после выхода в отставку начал писать.

В научной фантастике он дебютировал рассказом «Подопытная крыса Готик» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл, 1994). За последующие годы отставной военный моряк опубликовал три серии романов (названных критикой «откровенно милитаристскими») - «Война Старка», «Пол Синклер» и «Потерянный флот» (под псевдонимом Джек Кэмпбелл) - и два с половиной десятка рассказов, в основном в журнале «Analog».

В настоящее время Хемри с женой и тремя детьми проживает в штате Мэриленд.

**ШОЛДЕРС Фелисити
(SHOULDERS, Felicity)**

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 5 за этот год)

Круг своих увлечений писательница определяет так. На первом месте стоит история (может быть, потому что в детстве мечтала стать палеонтологом), затем следуют фольклор и изучение поп-культуры.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Владимир ИЛЬИН

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

Раджнара ВАДЖРЫ
«ДОКТОР И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ»

РАССКАЗЫ

Марка НИМАННА-РОССА,
Джека МАКДЕВИТТА, Тома ПАРДОМА,
Дерека КЮНСКЕНА, Чарлза ГЭННОНА,
Крейга ДЕЛЭНСИ

СТАТЬИ

Вл. ГАКОВА, Николая КАЛИНИЧЕНКО,
Аркадия ШУШПАНОВА

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

К сожалению, вы не найдете «Если» в подписных каталогах на следующий год. Ввиду прекращения деятельности издательства, выпускающего журнал, и в силу финансовых трудностей, переживаемых нашим изданием из-за стремительного увеличения числа «пиратских» сайтов, распространяющих его номера в Сети, «Если» в 2013 году выходить не будет.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ
Раджнара ВАДЖРЫ
«ДОКТОР И КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ»

РАССКАЗЫ
Марка НИМАННА-РОССА,
Джека МАКДЕВИТТА, Тома ПАРДОМА,
Дерека КЮНСКЕНА, Чарлза ГЭННОНА,
Крейга ДЕЛЭНСИ

СТАТЬИ
Вл. ТАКОВА, Николая КАЛИНИЧЕНКО, Аркадия ШУШПАНОВА

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

К сожалению, вы не найдете «Если» в подписных каталогах на следующий год. Ввиду прекращения деятельности издательства, выпускающего журнал, и в силу финансовых трудностей, переживаемых нашим изданием из-за стремительного увеличения числа «пиратских» сайтов, распространяющих его номера в Сети, «Если» в 2013 году выходить не будет.

